

«Наш спор с Вами решит жизнь»

ПИСЬМА М. Л. ВИНАВЕРА и Е. П. ПЕШКОВОЙ
к Е. Д. КУСКОВОЙ

1923 - 1936

Москва. Восток-Запад.

2009

ББК
Сб. 23

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «МЕМОРИАЛ»

Сб. 23 **«Наш спор с Вами решил жизнь».** Письма М. Л. Винавера и Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой. 1923-1936 /сост., предисл. и коммент. Л. А. Должанской. Научный редактор И. В. Чубыкин// М.: АСТ: Восток-Запад, 2009, ...с., ил. – 34.

ISBN

В сборнике представлены письма М. Л. Винавера и Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой, сохраненные в Русском зарубежном историческом архиве и проливающие свет на отношения между российской и зарубежными организациями помощи политзаключенным в СССР. Письма написаны в период становления в России советского социалистического государства, когда превращение страны в развитую индустриальную державу сопровождалось все ужесточавшимися репрессиями и установлением диктатуры одного человека. Отношение к происходящему у корреспондентов не одинаково. Люди, принимавшие активное участие в подготовке революции, занимавшиеся помощью противникам и жертвам большевистской власти и оказавшиеся по разные стороны от российской границы, по-разному воспринимают и оценивают события, происходящие в Советском Союзе. При этом они занимаются общим благородным делом – гуманитарной помощью политзаключенным - и высоко оценивают личные качества друг друга. О правоте или неправоте каждого из них можно судить только по прошествии времени, когда результаты пройденного пути возможно увидеть и оценить, во что они обошлись стране и ее народу.

© Л. А. Должанская, сост., предисл., коммент., 2009.

© М. В. Должанский, обложка, фотографии, 2009

© ООО «Издательство «Восток-Запад», 2009.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Представленные в сборнике письма, в подавляющем большинстве своем деловые, лишенные лирики, не являются предметом литературы, главная их тема - получение средств для оказания помощи российским политзаключенным. Но за скупыми, как правило, строками этих писем стоит огромная работа по помощи людям, работа, в которую их авторы вкладывали не только труд, но и значительную часть своей души.

Корреспонденты М. Л. Винавер, Е. П. Пешкова и Е. Д. Кускова – очень разные люди по личным качествам. Объединяет их благородство стремлений, безусловная личная порядочность и служение тому делу, которое они выбрали в жизни, - помощь собратям. Никто не обязывал их заниматься этой работой, отнимавшей у них очень много сил, а у М. Л. Винавера отнявшей и жизнь.

Если говорить о «масштабе личности», то ни Е. П. Пешкова, ни М. Л. Винавер не принадлежат к «великим людям», они не внесли вклада в науку и искусство, не были авторами замечательных произведений. Они помогали выживать людям, негодным государству из политических соображений. Помогали выживать в тяжелое и сложное время политических перемен в Российском государстве (хотя, как мы знаем, простых времен не бывает). Они сумели в условиях, когда для государства жизнь отдельного гражданина не представляла никакой ценности, сохранить не только гуманное отношение к людям, но и оказывать им действенную помощь.

Т. В. Иванова свои воспоминания о Е. П. Пешковой заканчивает так: «Могила у нее скромная. А уж если ставить памятник Женщине – женщине с самой большой буквы <...>, то начать надо именно с нее. Лыщу себя надеждой, что и я закладываю – пусть самый маленький – камешек для будущего пьедестала»¹.

Мы, присоединяясь к Т. В. Ивановой, надеемся, что этот сборник также послужит камешком – «пусть самым маленьким» для сохранения памяти о тех, кто помогал выживать морально и физически жертвам и врагам бесчеловечного тоталитарного режима.

¹ Иванова Т. В. Екатерина Павловна Пешкова / Мои современники, какими я их знала: Очерки // М.: Советский писатель, 1987. С. 364.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существование в Советском Союзе неправительственной организации помощи политическим заключенным - странное явление для государства, представлявшего собой диктатуру пролетариата, партии, одного человека. Но эта организация существовала и работала более 15 лет (1922-1938). Являлась она преемником Политического Красного Креста, официальное ее название «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (ПОМПОЛИТ). Закрыт ПОМПОЛИТ был по распоряжению властей 15 июля 1938 г. – в год, вошедший в советскую историю как время Большого террора (1937-1938). К этому времени ПОМПОЛИТ уже мало чем мог помочь своим подопечным, но его закрытие означало прекращение помощи со стороны гражданского общества лицам, осужденным по политическим мотивам, той помощи, которая осуществлялась в России более полувека (с 80-х годов XIX столетия), а затем возродилась лишь в начале 70-х годов прошлого столетия (спустя 20 лет после смерти Сталина), когда был создан «Русский общественный фонд помощи преследуемым и их семьям», больше известный как «фонд Солженицына».

В настоящее время опубликован ряд статей и документальных сборников, рассказывающих об истории и деятельности ПОМПОЛИТа и его предшественника - Политического Красного Креста¹. Намного меньше статей, посвященных работе зарубежных организаций помощи политическим заключенным в России, созданных российскими эмигрантами², и практически не исследован вопрос об отношениях ПОМПОЛИТа и этих организаций³. Сведения об их взаимодействии можно найти в переписке людей, работающих в этих организациях. Особенно интересной, с этой точки зрения, нам представляется переписка Е. Д. Кусковой с Е. П. Пешковой и М. Л. Винавером.

Екатерина Дмитриевна Кускова (1869-1958) - известный общественный и политический деятель, литератор и публицист была одним из учредителей как Московского Политического Красного Креста (МПКК), так и зарубежных - Берлинской и Пражской организаций помощи российским политзаключенным. В августе 1921 г. она была арестована в Москве как один из организаторов Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПГ) и вместе с другими деятелями ВКПГ отправлена в ссылку на север России⁴. По ходатайству В. Н. Фигнер и Е. П. Пешковой она была освобождена и в июне 1922 г. вместе с мужем С. Н. Прокоповичем выслана за гра-

ницу на три года. Первое время она жила в Берлине, где в ноябре 1922 г. русские эмигранты создали «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России», она была избрана председателем этого Общества. В 1924 г. переехала в Прагу, в которой собралось значительное число российских эмигрантов, организовавших комитет учредителей Общества «Политический Красный Крест» (ПКК). Спустя год Общество было утверждено Министерством внутренних дел Чехословацкой республики под названием «Благотворительное Общество Помощи заключенным в России»⁵. Цель Общества определялась его Уставом – «оказание материальной и духовной помощи заключенным в России путем пересылки денежных сумм для улучшения питания, на лечение, учреждение библиотек, устройство лекций, концертов и т.п.». О передаче денег в Россию договаривалась Е. Д. Кускова. Деньги передавались через Е. П. Пешкову и М. Л. Винавера.

Екатерина Павловна Пешкова (1876-1965) и Михаил Львович Винавер (1880-1942?) также входили в число членов - учредителей МПКК. Е. П. Пешкова была зам. председателя, а затем председателем МПКК, позже возглавляла ПОМПОЛИТ. М. Л. Винавер был ее заместителем в этих организациях. Кроме того, Е. П. Пешкова с конца 1920 г. являлась Уполномоченной Бюро Польского Красного Креста в СССР, а М. Л. Винавер был ее заместителем и в этой организации. Благодаря работе в Польском Красном Кресте, они имели дипломатическую визу и возможность выезжать за границу. В последний раз Пражский ПКК сумел переслать деньги в Россию в 1936 г. В апреле 1937 г. Польский Красный Крест был закрыт, а вместе с ним исчезла возможность передавать деньги в Россию через Е. П. Пешкову и М. Л. Винавера.

Вскоре после закрытия Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в СССР М. Л. Винавер был арестован⁶ и погиб, не вернувшись на волю⁷.

Е. П. Пешкова прожила долгую жизнь. Определяя род своих занятий, она писала: «общественный деятель». Более тридцати лет своей жизни она занималась помощью политзаключенным. О ее жизни мы знаем несравненно больше, чем о жизни М. Л. Винавера⁸, о ее помощи политзаключенным тоже имеются воспоминания⁹. И, однако, многое, связанное с ее работой и ее отношениями с некоторыми общественно-политическими деятелями вызывает большой интерес и для понимания нуждается не только в воспоминаниях современников, но и в дополнительных документальных свидетельствах. По-своему происхождению (из дворян) и партийной принадлежности (член ПСР и даже какое-то время член ЦК ПСР) она не должна была импонировать большевикам. Деятельность ее – помощь тем, кто был объявлен врагом советского государства, - плохо укладывалась в рамки большевистской морали. Она была

связана с заграничными организациями и с лицами, живущими за границей, что также делало ее вполне уязвимой в глазах советского правосудия. При этом она никогда не была арестована, хотя следственное дело против нее возбуждалось дважды: в 1919 и 1922 гг.¹⁰ В «Автобиографии», написанной в декабре 1958 г.¹¹, работе по помощи советским политзаключенным и их семьям она отвела одну коротенькую фразу: «С 1918 г. по 1938 г. – в «Помощи политзаключенным»¹².

Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер, вследствие характера своей деятельности (оказание помощи политическим заключенным) работали в контакте с репрессивными органами (ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД). С первых дней существования МПКК (организации общественной и юридически независимой) его членам приходилось взаимодействовать с органами: обращаться за разрешением на посещение мест заключения, ходатайствовать об отмене смертных приговоров, об ускорении следствия, об облегчении участи осужденных и многом другом. Что же касается ПОМПОЛИТа, то эта организация работала с разрешения карательных органов и поэтому целиком зависела от их произвола. Должности Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера как руководителей ПОМПОЛИТа были утверждены ГПУ, остальные сотрудники являлись только техническими исполнителями и никакими официальными правами и полномочиями не обладали. Таким образом, облегчение участи многих людей и даже их судьбы нередко зависели от умения двух человек – Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера – договариваться с представителями органов. Иногда это удавалось на законных основаниях (например, сокращение срока наказания по возрасту или болезни), а иногда – путем личных переговоров (для чего необходимо было сохранять добрые отношения с властями). Гласность при таких условиях была противопоказана. И хотя оказание помощи репрессированным требовало общения с карательными органами¹³, но при этом зловещая тень Лубянки неизбежно ложилась на людей, связанных с ней¹⁴. По-видимому, поэтому в своих письмах М. Л. Винавер неоднократно благодарит Е. Д. Кускову за «хорошее отношение» и делится с ней своими проблемами, в том числе и по поводу работы в ПОМПОЛИТе: «бросать этой работы нельзя, т.к. никому другому, кроме Ек<атерины> Павл<овны> и меня, не разрешат, о чем прямо говорят. Поэтому приходится мне жить отдельно с Ел<еной> Герм<ановой>¹⁵, не принимать прекрасных предложений в смысле заработка и пр. Ведь все-таки очень многое удается делать. Только нервы уж очень напряжены все время»¹⁶.

Вынужденное взаимодействие ПОМПОЛИТа с карательными органами вызывало осуждение многих противников большевистской диктатуры. А вот что пишет по

этому поводу С. П. Мельгунов – непримиримый противник советской власти, бывший одним из членов-учредителей МПКК: «В «Современных записках» воспоминания Ходасевича о Горьком. Упоминает о Пешковой, изображает ее почти чекисткой. 14 лет тому назад он пожелал иметь свидание со мной и «калялся» в своих преступлениях, как он жил на счет Горького, зная, и пр. Хотел выступить с изобличением Пешковой. Воспоминания его производят довольно омерзительный характер (впечатление) – рисует себя, конечно, в благородной тоге, как он невольно оскормился, приняв участие в покупке мундштука для Дзержинского. <...> Не пером Ходасевича, этого склизкого господина, изобличать Пешкову. Нехорошо в с.-р. журнале, т.к. Пешкова бесконечно много делала для с.-р. Психология Пешковой сложнее, нежели изображает Ходасевич»¹⁷.

Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер не могли изменить советскую карательную систему, они могли лишь как-то помочь ее жертвам. Нам кажется, что деятельность ПОМПОЛИТа – небольшой организации, располагающей очень скромными, трудно добываемыми средствами, - не может не вызывать удивления и уважения. В тоталитарном государстве, не терпящем никакого инакомыслия, в условиях все ужесточающегося репрессивного режима в течение более пятнадцати лет ПОМПОЛИТ помогал выживать (морально и физически) десяткам тысяч людей – не только жертвам, но и сознательным противникам существующего режима; и ту помощь (называемую гуманитарной помощью), которую Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер вдвоем с малочисленным штатом сотрудников (порядка 10 человек) смогли оказывать людям, преследуемым государством по политическим соображениям, трудно переоценить.

Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер не оставили печатных работ, воспоминаний и дневников. Ценные свидетельства об их работе, о том, какую часть их жизни она составляла, каких сил требовала, можно почерпнуть из публикуемых ниже писем. Эти письма, адресованные Е. Д. Кусковой, сохранились в ее архиве, переданном ею на хранение в Русский зарубежный исторический архив (РЗИА), который располагался в Праге. В 1945 г. после входа войск Красной армии в Прагу при освобождении ее от фашистской оккупации РЗИА был конфискован и по распоряжению советских властей перевезен в Москву¹⁸. В настоящее время материалы РЗИА хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и доступны для исследователей.

К сожалению, письмами Е. Д. Кусковой к Е. П. Пешковой или М. Л. Винаверу мы не располагаем: скорее всего, они были уничтожены адресатами¹⁹.

Е. П. Пешкова вела обширную переписку, как личную, так и служебную. Может, вследствие загруженности делами, может, с молодости привыкнув быть конспиратором, но она писала, как правило, деловые письма²⁰. Ее письма к Е. Д. Кусковой также носят по большей части деловой характер. Сдержанность ей изменила только однажды: когда, в связи с реакцией эмиграции на ее высказывание о Ф. Дзержинском (в день его кончины) как о прекрасном человеке, казалось, что ей придется оставить работу по помощи политзаключенным²¹.

Отношения Е. П. Пешковой и Е. Д. Кусковой представляют для исследователей отдельный интерес. С одной стороны, существует мнение, что они были близкие подруги, вместе входили в масонскую ложу²², что поэтому, выезжая за границу, Е.П. Пешкова всегда изыскивала способы навестить Е. Д. Кускову. С другой стороны, говорится о том, что Е. П. Пешкова имела возможность навещать Е. Д. Кускову только с прямого разрешения Дзержинского, который предоставлял ей такую возможность за определенные заслуги. Публикуемые ниже письма явно опровергают оба предположения.

Письма М. Л. Винавера в каком-то смысле интереснее и информативнее писем Е. П. Пешковой. Кроме того, по ним можно получить некоторое представление и о его личности, так как иногда он делился с Е. Д. Кусковой своими размышлениями о происходящем в стране и мире. По своему образованию, по роду деятельности, по направленности интересов он принадлежал к левой интеллигенции. В юности он был членом политической партии (БУНДа), стремился к изменению общественного строя царской России. Живя в Советской России, он, скорее, принимал советскую власть и всячески искал серьезные причины для одобрения ее политики (хотя власть для него оставалась «они»). Он считал, что важнейшими задачами для России являются улучшение ее экономического положения, рост промышленности и сельского хозяйства, полагая, что «политика все-таки идет следом за экономикой»²³, и был склонен соглашаться с тем, что именно большевистский путь сделает Россию процветающей страной. Понимал ли он, какое государство строилось большевиками? Он старался понять и принять логику действия властей, верил в преступления, инкриминируемые подсудимым в политических процессах, и, по-видимому, думал, что действия большевиков продиктованы исторической целесообразностью.

Точка зрения Е. Д. Кусковой была иной. Она стояла за реформистский путь преобразования общества, против насильственных форм коллективизации и индустриализации, придерживаясь собственной внепартийной ориентации «здравого смысла» (в свое время она принадлежала к «экономическому» крылу социал-демократии, принимала

активное участие в кооперативном движении, а когда-то в юности разделяла идеи народничества). Кроме того, Е. Д. Кускова не принимала «моральной сущности» большевизма. Еще в январе 1923 г. (спустя полгода после ее высылки из России) она писала: «Самым страшным, отравляющим и непереносимым фактом в большевизме и его окружении я считаю его моральную сущность. <...> Террор – закон всякой гражданской войны. Убивать направо и налево, чтобы ... занять место у власти, - отвратительно»²⁴. При этом она была патриотом своей родины и оставалась патриотом всю жизнь. Ее выступления об отношениях эмиграции к Советской России были предметом острых дискуссий. В 1922-1926 гг. она резко критиковала планы новых военных походов против СССР, призывала «засыпать ров гражданской войны», считала, что в условиях НЭПа в России можно действовать, не отрекаясь от своих взглядов и не приспосабливаясь к большевистскому режиму, а потому усилия должны быть направлены на поиски мирного, но достойного пути возвращения на родину. И только после установления режима личной власти Сталина, насильственной коллективизации и индустриализации, разгула политических репрессий в СССР она потеряла надежду на то, что большевистский режим может измениться и Россия может стать цивилизованной демократической страной.

М. Л. Винавер возражал ей: «Мне отрицательная сторона медали не менее, чем Вам, известна, и я борюсь с ней, что доказал своей семилетней работой, связанной со многими неприятностями и личными, и материальными, и семейными, поэтому упрек Ваш в «одобрении» всего не должен иметь место; но я вижу тот просвет, те положительные признаки, которых Вы не видите. Кто прав из нас, ближайшие годы покажут»²⁵. При этом к личности Е. Д. Кусковой он испытывал несомненное уважение, о чем писал: «Хоть мы всегда спорим с Вами и стоим на других позициях, но с Вами можно и приятно спорить, а то Вы умеете уважать и слушать и несогласного с Вами»²⁶, «Вы так умеете хотеть все понять, и потому всякий Ваш честный противник должен Вас уважать»²⁷.

Корреспондентам удавалось иногда встретиться и побеседовать лично, но встречи были крайне редки, а что касается писем, то М. Л. Винавер, по-видимому, не исключал возможности того, что они могут быть прочитаны не только адресатом, но и посторонними нежелательными лицами. Через многие письма рефреном проходит фраза: «Это для Вас, а не для печати», а в письме от 6 июня 1929 г. он прямо просит: «А письмо лучше всего уничтожьте». (Е. Д. Кускова, как видим, не выполнила этой просьбы и письмо сохранила.) И хотя, по-видимому, М. Л. Винавер старался не пи-

сать лишнего, мы благодаря его письмам узнаем, какая помощь и каким образом оказывалась политзаключенным в России из-за рубежа, и не только это.

В течение нескольких лет М. Л. Винавер пытался помочь и помогал С. Н. Прокоповичу, труды которого по экономике высоко ценил, напечатать их в СССР (одним из пунктов обвинения при последнем аресте М. Л. Винавера послужило «содействие» изданию книги С. Н. Прокоповича). В настоящее время С. Н. Прокопович официально признан крупнейшим русским экономистом, и современные исследователи проявляют большой интерес к его творческому наследию. Известны и цитируются его статьи, опубликованные в зарубежных журналах, книга «Идея планирования и итоги пятилетки», изданная в Париже в 1934 г., двухтомная монография «Народное хозяйство СССР», признанная «шедевром русской историко-экономической литературы» и изданная в Нью-Йорке в 1952 г., но нигде не упоминается его книга, изданная в СССР. Из писем М. Л. Винавера мы узнаем, что в 1930 г. Госиздат (при содействии С. Г. Струмилина²⁸) издал одну из книг С. Н. Прокоповича. К сожалению, М. Л. Винавер не приводит название этой книги (приводит число печатных листов – 10 и сумму гонорара – 100 рублей за лист), но сообщает, что книга «хорошо расходуется, хотя ее и ругают в газетах», что идут переговоры об издании еще одной книги С. Н. Прокоповича, хотя и не от его имени, а под псевдонимом (с арестом Н. Н. Суханова, а затем Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова и началом процесса Трудовой крестьянской партии эти переговоры остановились)²⁹. Возможно, что какие-то работы С. Н. Прокоповича все же печатались в СССР, но не под его фамилией. Так, в письме от 9 апреля 1936 г., последнем сохранившемся письме М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой, он сообщает, что «Работу С<ергея> Н<иколаевича> (о стачках), вероятно, напечатают, но не под его фамилией»³⁰.

Значительное место в письмах Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера уделяется получению А. В. Пешехоновым, Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем разрешения на въезд в СССР. Они были высланы в 1922 г., и т.к., согласно действовавшему в те годы советскому законодательству, высылка назначалась на срок не более трех лет, то, начиная с 1925 г., они пытались получить разрешение на возвращение в Россию. В результате длительных (более двух лет) хлопот Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера в вышестоящих советских инстанциях А. В. Пешехонов в августе 1927 г. получил из Москвы предложение занять место экономического консультанта в странах Прибалтики. Интересно, что, сообщая об очередном отказе властей предоставить А. В. Пешехонову разрешение на въезд, М. Л. Винавер объяснил этот отказ интересами ро-

дины: после патриотических статей А. В. Пешехонова в эмигрантской прессе советские власти нашли, что его пребывание за границей полезно для России.

Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичу получить разрешение на возвращение в Россию не удалось, несмотря на все хлопоты Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера и оптимистические уверения последнего. В январе 1928 г. он писал: «Вам, конечно, трудно будет получить разрешение на въезд. Но думаю, что это не так безнадежно через некоторое время, как Вы думаете»³¹. Спустя три года, в январе 1931 г. (после процесса над «Промпартией»), он утешает: «Вы перестаете верить, что попадете на свою родину, и Вам еще тяжелее. Я не желаю Вас утешать, но думаю, что через 1½ - 2 года это станет более возможным, чем теперь. Думаю, что Россия будет настолько крепка, что не будет чинить препятствия к возвращению»³². И даже спустя еще четыре года, в январе 1935 г., он советует Е. Д. Кусковой «жить и ...ждать»³³.

Бодрость и оптимизм М. Л. Винавера иногда просто возмущают. Так, в том же письме от 15 января 1935 г. он рассуждает: «Конечно, этот террор был не нужен и вреден. Но не нужно закрывать глаза и на другое большое, что творится, и только из факта террора выводить все заключения. Вы пишете, что постоянно остаетесь в дураках со своими иллюзиями к лучшему. А я думаю, что Ваша ошибка та, что Вы обобщаете отдельные скверные факты и перестаете видеть тогда и огромный культурный сдвиг и тот большой темп поднятия культурного уровня жизни, успокоения, веселия, большей беззаботности, веры в хорошее ближайшее будущее, которое видим мы, живущие там».

Оптимистические прогнозы М. Л. Винавера, как правило, оказывались ошибочными. Показательна в этом плане история с князем Павлом Долгоруковым, перешедшим границу из Румынии в СССР, арестованным и заключенным в Харьковскую тюрьму³⁴. Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер взяли на себя заботу о князе и уверяли, что самое большее, что ему грозит, – это ссылка. Но вместо ссылки он был расстрелян («в ответ» на убийство в Варшаве советского посла П. Л. Войкова). Убийство П. Долгорукова можно рассматривать как случайность (так считал М. Л. Винавер: «...только потеряв голову – сделали из него жертву – для наказания»³⁵), но случайность, ставшую при советской власти закономерной, а потому и предсказуемой. Михаил Львович не видел (или не хотел видеть) этой закономерности, несмотря на то что постоянно занимался помощью преследуемым по политическим мотивам и что многие окружающие его люди и его добрые знакомые подвергались преследованиям властей. Недаром реакцией Лидии Осиповны Дан³⁶ на его арест было восклицание: «Как этот человек жестоко наказан за свой оптимизм!...»³⁷

В письмах М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой иногда изумляет не только оптимизм, но и совпадение оценок событий с официальной версией и советской пропагандой и как бы нежелание видеть очевидное (очевидное для нас). Однако, понятно, что сам факт передачи сведений о репрессиях в СССР, активное участие в публикации трудов опального эмигранта С. Н. Прокоповича и вообще связь с эмигрантами ставили Михаила Львовича под удар советских властей, и он, человек длительное время работавший в контакте с карательными органами, не мог этого не понимать.

В письмах М. Л. Винавера есть много интересных сведений. Например, о медсестрах К. А. Родзянко и Т. А. Шауфус. (До революции они работали в приюте Марии Магдалины в Сергиевом Посаде, были духовными дочерьми о. Павла Флоренского. Т. А. Шауфус - соратница А. Л. Толстой, в 1939 г. по ее инициативе был создан Толстовский фонд для помощи русским эмигрантам, в 1947 г. под ее руководством был открыт Европейский офис Толстовского фонда.) К. А. Родзянко и Т. А. Шауфус являлись «многолетними клиентками» ПОМПОЛИТа, а ранее – МПКК; при помощи ПОМПОЛИТа им удалось освободиться из ссылки и выехать за границу.

Интересны сведения о возможностях выезда из СССР (кому это удавалось и с каким трудом), о возможностях отправки посылок из-за границы в СССР и еще о многом другом. В частности, М. Л. Винавер упоминает о сыне Е. Д. Кусковой, живущем в Советском Союзе (к сожалению, мы не знаем, под каким именем он жил, переписывался ли с матерью, как сложилась его судьба).

Публикуемые письма написаны в период становления в России советского социалистического государства, когда превращение страны в развитую индустриальную державу сопровождалось все ужесточавшимися репрессиями и установлением диктатуры одного человека. Отношение к происходящему у корреспондентов не одинаково. Люди, принимавшие активное участие в подготовке революции, занимавшиеся помощью противникам и жертвам большевистской власти и оказавшиеся по разные стороны от российской границы, по-разному воспринимают и оценивают события, происходящие в Советском Союзе. При этом они занимаются общим благородным делом – гуманитарной помощью российским политзаключенным - и высоко оценивают личные качества друг друга. О правоте или неправоте каждого из них можно судить только по прошествии времени, когда результаты пройденного пути возможно увидеть и оценить, во что они обошлись стране и ее народу.

Настоящий сборник состоит из двух разделов, двух приложений и именного комментария.

В 1-м разделе представлены письма М. Л. Винавера, всего их - 77 (написаны в период с января 1923 г. по апрель 1936 г.). Большая часть их написана во время его пребывания за границей, в основном в Варшаве. Письма (записки), написанные в Москве и переданные с оказией, составляют исключение, их всего пять (от 20 марта 1928 г., 23 марта 1928 г., 27 марта 1928 г., 30 июля 1929 г. и 9 апреля 1936 г.). Все письма М. Л. Винавера воспроизведены по подлинникам.

2-й раздел включает письма Е. П. Пешковой, всего их - 17. 15 писем написаны в период с ноября 1925 г. по ноябрь 1929 г. и адресованы Е. Д. Кусковой, а два письма (от 29 ноября 1931 г. и от 14 декабря 1934 г.) адресованы Е. И. Репьевой, жившей в семье Е. Д. Кусковой. Почти все письма Е. П. Пешковой написаны во время ее зарубежных поездок, только три из них (от 18 октября 1926 г., 15 ноября 1926 г. и 29 марта 1927 г.) написаны в Москве и переданы с оказией. Публикуемые письма Е. П. Пешковой сохранены в ГАРФе в виде фотокопий (многие листы в двух или трех экземплярах), подлинники переданы в Архив Горького (ИМЛИ).

В приложении 1 представлены «Опросный лист МПКК», заполненный Е.Д. Кусковой во время ее пребывания в Бутырской тюрьме (17 октября 1921 г.), и 6 ее писем. Три из них адресованы Е. П. Пешковой (от 28 декабря 1926 г., 7 ноября 1927 г. и 19 июня 1936 г.), одно - жертвователнице, имя которой не установлено (дата на письме не проставлена, датируется оно по контексту), и два письма (от 3 и 12 января 1935 г.) адресованы В. М. Краснову – члену правления Пражского ПКК. Все письма – подлинники.

Тексты всех писем публикуются с сохранением авторского написания слов, недописанные окончания слов заключены в угловые скобки. В примечаниях к письмам расшифровывается имя (ФИО) упоминаемого лица и иногда приводятся некоторые биографические данные и сведения, связанные с событиями, относящимися к данному письму. Более подробные сведения об этом лице, особенно в случаях, когда оно упоминается в нескольких письмах, даны в именном комментарии.

В приложении 2 представлены биографии М. Л. Винавера, Е. П. Пешковой и Е. Д. Кусковой.

Сборник снабжен указателем имен; имена М. Л. Винавера, Е. П. Пешковой и Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокоповича и Е. И. Репьевой, упоминаемые почти в каждом письме, в него не включены.

Работа над сборником осуществлялась в рамках программы НИПЦ «Мемориал» - «История карательной и исправительно-трудовой политики в СССР 1917-1953 годов». Особая благодарность сотруднице библиотеки «Мемориала» Н. Васильевой, заведующему библиотекой Б. И. Беленкину и руководителю научных программ А. Б. Рогинскому.

Пользуюсь случаем поблагодарить за неоценимую помощь в предоставлении архивных документов руководство и сотрудников Государственного архива Российской Федерации: С. В. Мироненко, Л. И. Петрушеву, И. В. Антипову, А. А. Федюнина, Д. Ч. Нодия, Б. М. Садовникова, Н. В. Шikuнова. Огромная благодарность за предоставленные архивные документы сотрудникам архива А. М. Горького в ИМЛИ Е. Р. Мативосян и Г. Э. Прополянис и сотруднице Центрального архива ФСБ Российской Федерации Н. Н. Воякиной. Благодарим заведующую читальным залом РГАСПИ И. Н. Селезневу и сотрудников Центра документации «Народный архив» Г. С. Акимову и М. А. Смирнову за предоставленные документы. Благодарим сотрудников РГАЛИ за предоставленные фото Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера, Т. Э. Шпольскую за предоставленное фото Е. П. Пешковой, М. В. Базиллинскую за фото М. Л. Винавера и документы из архива В. А. Перес.

Особая признательность Фрэнсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данного сборника.

¹ Голотик С. И. Первые правозащитники в Советской России // Воля. 1995. № 4-6. Леонтьев Я. В. Политический Красный Крест в Москве: опыт источниковедческого анализа // Археографический ежегодник за 1997 год. М.: Наука, 1997.

«Стой в завете своем...» Николай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы / Сост. Т. А. Угрюмова, А. Г. Волков. М.: ООО «АЛМА-Пресс». 2004.

«Обречены по рождению...» По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918-1922. Помощь политзаключенным. 1922-1937 / Составители Л. Должанская, И. Осипова // СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2004.

«Дорогая Екатерина Павловна...» Письма женщин и детей. Письма в их защиту. 1920-1936. По документам фондов: Московский Политический Красный Крест; Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным / Сост. Л. Должанская, И. Осипова. Научн. ред. Я. Леонтьев / СПб: Звезда, 2005.

Из переписки Е. П. Пешковой / Публ. Л. Должанской // Звезда. 2006. № 7. С. 145-167.

² Особенностью российской помощи лицам, репрессированным по политическим мотивам, является связь с зарубежными организациями, созданными русскими политэмигрантами. Уже первый народолюбческий Красный Крест имел заграничный отдел (1882-1884), возглавляемый П.Л. Лавровым и В.И. Засулич. Ряд обществ и организаций для помощи политическим заключенным в России был создан эмигрантами-революционерами после поражения революции 1905-1907 гг. (В их числе «Парижский фонд помощи политическим ссыльным и заключенным в России», «Париж-

ский комитет помощи политическим каторжанам», «Парижский комитет помощи административно ссыльным», «Лондонский комитет помощи административно ссыльным», «Краковский Союз помощи политическим заключенным» и др.).

Об организациях, созданных русскими эмигрантами за рубежом в 1920-е гг., см. ст.: Л. Должанская. Гуманность без сторонних умыслов // Российское Общество Красного Креста. 2005. № 4 (о Пражском «Благотворительном Обществе помощи заключенным в России»).

М.-К. Гальмарини, Я. В. Леонтьев. Деятельность Берлинских Комитетов помощи русским политзаключенным / Русский Берлин, 1920-1945. Материалы международной научной конференции, 16-18 декабря 2002 г. М.: Русский путь, 2006.

³ В статье М.-К. Гальмарини, Я. В. Леонтьева «Деятельность Берлинских Комитетов помощи русским политзаключенным» (см. примечание 2) говорится, что «<...> эмигрантские правозащитные организации были связаны с московским «Помполитом». Свидетельства о встречах с Пешковой в Берлине и Париже оставил секретарь Берлинского Комитета Григорий Аронсон. <...> Периодические издания эмиграции полны свидетельств о том, как вести из России циркулировали за пределами страны. <...> Более того, есть данные, что даже посылаемая валюта исправно доходила до своих адресатов. <...> Этот примечательный факт опровергает устойчивый стереотип, согласно которому эмиграция и метрополия были разделены непроницаемой стеной. И если с точки зрения исследований по истории литературы это уже не новость, то с историко-политической точки зрения этот аспект русской эмиграции нуждается в более подробных исследованиях».

⁴ В начале сентября 1921 г. по Москве разнесся слух, что наиболее активные деятели ВКПГ (Н. М. Кишкин, Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович) будут расстреляны, после чего Г. Гувер и Ф. Нансен послали в адрес большевистского правительства протестные телеграммы.

⁵ Устав общества был утвержден 18 сентября 1925 г. Заявленное название «Политический Красный Крест» (ПКК) чехословацким правительством принято не было, тем не менее общество было известно под именем ПКК.

⁶ Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в СССР было закрыто с 1 апреля 1937 г. М. Л. Винавер был арестован 3 августа 1937 г.

⁷ По поводу точной даты и обстоятельств гибели М. Л. Винавера существуют противоречивые сведения. Подробнее см. в приложении 2 (Биография М. Л. Винавера) настоящего сборника.

⁸ Биография Е. П. Пешковой в настоящее время в энциклопедиях и справочниках отсутствует, но о ней (Е. П. Пешковой) рассказывается в многочисленной литературе, посвященной А. М. Горькому - ее венчанному мужу, отцу ее детей, официальной женой и верным другом которого она оставалась всю жизнь. Изданы два тома писем М. Горького к ней (Горький М. Письма к Е. П. Пешковой. Т. 1 (1895-1906). М., 1955; Т. 2 (1906-1932). М., 1968). Есть воспоминания Т. В. Ивановой (Иванова Т. В. Екатерина Павловна Пешкова. Мои современники, какими я их знала: Очерки. М.: Советский писатель, 1987. С. 354-364), А. Н. Пирожковой (Пирожкова А. Н. Екатерина Павловна Пешкова // Октябрь. 2003. № 7), Н. Н. Берберовой (Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1999) и многих др.

⁹ Вот некоторые из них:

Аронсон Г. Памяти Е. П. Пешковой // Русская мысль. 1965. 1 мая.

Марков О. (Левин М. Р.) Екатерина Павловна Пешкова и ее помощь политзаключенным // Память. Исторический сборник. Вып. 1. Нью-Йорк, 1978. С. 313-324.

Минин Дм. (Бацер Д. М.) Еще о Политическом Красном Кресте // Память. Исторический сборник. Вып. 3. Париж, 1980. С. 523-538.

Разгон Лев. Кузнецкий мост, 24 // Разгон Л. Непридуманное. М., 1989. С. 275-286.

Книпер А. В. Фрагменты воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. М.: Прогресс - Феникс, 1990. Т. 1. С. 99–190.

Голицын С. Записки уцелевшего: Роман. – М.: Орбита, 1990.

Червакова Ирина. Песочные часы. История жизни Ирины Гогуга в восьми кассетах, письмах и комментариях // Дружба народов. 1997. №№ 3-4.

¹⁰ В июле 1919 г. против Е. П. Пешковой было возбуждено следственное дело, по которому она обвинялась как член партии эсеров (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. П-65157) и которое было закрыто только в феврале 1922 г. Следующее дело было возбуждено по прямому распоряжению Дзержинского 3 августа 1922 г. после обыска в приемной МПКК (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. № 879), закрыто оно было спустя год – 4 сентября 1923 г. Таким образом, под следствием Е. П. Пешкова в общей сложности находилась более трех лет с полугодовым перерывом.

¹¹ ИМЛИ. АГ. ФЕП-рл. 1-8-3.

¹² В 1958 г. (через 20 лет после закрытия ПОМПОЛИТа и через пять лет после смерти Сталина) в ИМЛИ состоялся вечер, на котором чествовали Екатерину Павловну (в связи с 80-тилетием: по паспорту ее год рождения 1878). Ее «работа получила заслуженное широкое признание», но при этом «ничего не было сказано о работе на Кузнецком. Не время еще?», – это строки из письма В.А. Перес. (Центр документации «Народный архив». Ф. 278. Оп. 1. № 174. Черновик письма).

¹³ Круг запросов, с которыми ПОМПОЛИТ обращался в органы, был довольно широким и касался хода следствия, приговора, места нахождения арестованного и др. Кроме того, перед органами ходатайствовали о пересмотре дела, о сокращении срока заключения, ссылки или ограничений места проживания, о замене места ссылки, о свободном проживании, о соединении с семьей, о разрешении свидания, о замене заключения или высылки выезда в Польшу или Палестину, о получении виз и паспортов на право выезда за границу и др.

¹⁴ Уже в наши дни внук советского академика А.Н. Баха (бывшего народовольца и одного из учредителей МПКК, по возвращении из эмиграции жившего у Е. П. Пешковой) вспоминал, что в его семье и в семье его друзей М. Л. Винавера воспринимали как «человека с Лубянки».

¹⁵ Елена Германовна Винавер – жена М. Л. Винавера. После Октября 1917 г. жила в Варшаве, являлась польской подданной.

¹⁶ Письмо М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой от 31 мая 1929 г. (1-43).

¹⁷ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. С. 440-441.

¹⁸ Официально правительство Чехословацкой Республики 13 июня 1945 г. приняло постановление о передаче РЗИА Академии наук СССР по случаю 220-летия последней. В декабре 1945 г. акт дарения был подписан и в 1946 г. РЗИА, вопреки воле его создателей, был увезен в СССР. Заведующий книжно-журнальным отделом РЗИА, главный составитель его систематического каталога С. П. Постников был арестован 30 июня 1945 г., приговорен к 5 годам заключения в концлагерь и отправлен на Урал в Дубравлаг МВД СССР. В Прагу к семье он сумел вернуться только в 1957 г. Помощник С. П. Постникова в РЗИА д-р юридических наук Н. П. Цветков почти год готовил эмигрантский архив к отправке в СССР, а когда закончил эту работу, то вскоре (14 июня 1946 г.) тоже был арестован и осужден и через несколько лет скончался в концлагере в Иркутской обл. До 1989 г. РЗИА был недоступен исследователям.

¹⁹ Они, очевидно, понимали, что безопаснее эти письма не хранить. Но даже если предположить, что письма сохранялись, то впоследствии они были бы изъяты при аресте М. Л. Винавера или уничтожены Е. П. Пешковой при закрытии ПОМПОЛИТа. Существует устная «легенда», что Е. П. Пешкова перед закрытием ПОМПОЛИТа три дня выносила из его приемной корзинки с бумагами и сжигала их у себя дома.

В фонде Е. П. Пешковой в Архиве Горького (ИМЛИ) сохранились несколько писем Е. Д. Кусковой, написанных до ее высылки из России в 1922 г.

²⁰ Подавляющее большинство писем Е. П. Пешковой носит деловой или описательный характер. Исключение составляют только некоторые письма к ее близкому другу М. К. Николаеву.

²¹ Об этой ситуации см. примечание 4 к письму Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой от 30 августа 1926 г. (2-3) и письмо Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой от 18 октября 1926 г. (2-5).

²² Исследователь масонства А. И. Серков утверждает, что имя Е. П. Пешковой в списках масонских лож отсутствует, имя Е. Д. Кусковой имеется в списках Петроградской женской ложи.

²³ Письмо М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой от 1 февраля 1923 г. (1-3).

²⁴ Статья «Мысли и факты». Газета «Дни» от 16 января 1923 г. № 64.

²⁵ Письмо М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой от 2 мая 1925 г. (1-17).

²⁶ Письмо М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой от 3 апреля 1925 г. (1-13).

²⁷ Письмо М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой от 22 апреля 1925 г. (1-15).

²⁸ Струмилин Станислав Густавович – советский экономист и статистик. В 1921-1937 гг. был членом президиума Госплана, с 1931 г. – действительный член Академии наук. В 1967 г. получил звание Героя Социалистического Труда.

²⁹ Переговоры об издании работ С. Н. Прокоповича в СССР велись, скорее всего, с конца 1927 г. В марте 1928 г. М. Л. Винавер сообщил Е. Д. Кусковой, что об издании работ С. Н. советуют переговорить с И. А. Теодоровичем. Дело сдвинулось с мертвой точки, по-видимому, благодаря Е. П. Пешковой. В декабре 1928 г. она, проезжая через Варшаву (при возвращении из Италии в СССР), отказалась взять с собой в Москву рукопись работы С. Н. Прокоповича (которую пыталась передать ей Е. Г. Винавер). Она объяснила свой отказ тем, что неудобно обращаться в издательство с рукописью, привезенной «таким путем» (нелегально), но пообещала немедленно по приезде домой выхлопотать разрешение на нормальную отправку рукописи, и по-видимому, она получила такое разрешение.

Уже в январе 1929 г. М. Л. Винавер сообщил Е. Д. Кусковой, что сразу же после возвращения в Москву он справится насчет рукописи, посланной Е. Д. Кусковой «непосредственно», и передаст рукопись о Крестьянском хозяйстве, которую он уже послал.

Таким образом, мы видим, что в начале 1929 г. в Москву поступили рукописи двух работ С. Н. Прокоповича.

Первая книга С. Н. Прокоповича (к сожалению, М. Л. Винавер не сообщает ее название) должна была выйти в январе 1930 г. (объемом в 10 печатных листов), но вышла, по-видимому, позже, скорее всего летом 1930 г.

Об издании второй книги (о крестьянском хозяйстве) шли переговоры (М. Л. Винавер сообщал, что книга очень нравится Струмилину, который надеется, что она будет издана, «несмотря на все трудности издательского характера вообще и связанные с именем Сергея Николаевича в частности»). К августу 1930 г. стало ясно, что от имени С. Н. Прокоповича книга издана быть не может, обсуждался возможный псевдоним.

В мае 1930 г. С. Н. Прокопович предложил сделать заявку и дать план еще одной работы: «О методологических основах статистики». М. Л. Винавер посоветовал не делать заявки и не давать плана («а то еще воспользуются планом»), а когда напишет работу, прислать ее.

Но уже к концу 1930 г. «вопрос печатания книг» С. Н. Прокоповича был вообще «отложен» (в связи с тем, что арестованные по делу ТКП показали, что С. Н. Прокопович намерялся как один из министров будущего правительства).

³⁰ По-видимому, рукописи еще каких-то своих работ С. Н. Прокопович передавал в Москву. Так, в письме от 29 апреля 1929 г. Е. Г. Винавер сообщила Е. Д. Кусковой, что «Ек<атерина> П<авловна> взяла с собой рукопись» (название рукописи не приведено).

³¹ Письмо М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой от 7 января 1928 г. (1-33).

³² Письмо М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой от 15 января 1931 г. (1-57).

³³ Письмо М. Л. Винавера к Е. Д. Кусковой от 7 января 1935 г. (1-74).

³⁴ Подробнее о деле и судьбе князя Павла Долгорукова в письмах М. Л. Винавера от 7 января 1927 г. (1-29), 27 апреля 1927 г. (1-30), 6 мая 1927 г. (1-31), 6 июня 1929 г. (1-44) и в письмах Е. П. Пешковой от 29 марта 1927 г. (2-8) и 24 сентября (2-9).

³⁵ См. письмо от 6 июня 1929 г. (1-44).

³⁶ Дан Лидия Осиповна - член Берлинского Комитета «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России».

³⁷ Письмо Л.О. Дан к Е.Д. Кусковой от 27 октября 1938 г. // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 2.

Раздел 1

ПИСЬМА МИХАИЛА ЛЬВОВИЧА ВИНАВЕРА

3 января 1923 г. - 9 апреля 1936 г.

1-1

3/I 1923. Варшава.

Екатерина Дмитриевна!

Я несколько дней тому назад приехал в Варшаву, где застал Ваше письмо от 2/I. Думаю, что Вы в Берлине, но т<а>к к<а>к не уверен, то отвечаю только на письмо, откладывая более длинный с Вами разговор о всем том, что Вас может интересовать, до Вашего ответа.

Отвечаю по пунктам:

1) Думаю, что посылать посылки в Москву нецелесообразно. Кое-что из вещей в Кресте есть, даже довольно много, а посылать Аровские¹ посылки не стоит: при высокой цене долларов дешевле обойдутся покупки продовольствия в Москве.

2) Посылать ли Вам деньги через Банк или другим путем – не берусь ответить без Ек<атерины> Павл<овны>, которой я написал и от которой по этому вопросу жду ответа. Если у Вас есть деньги для Политич<еского> Кр<асного> Кр<еста>, то пока можете их мне переслать. Если хотите, то лучше всего в долларах; я их отдам здесь, а там ту же сумму в долларах вручат Ек<атерине> Павл<овне>.

3) Вопрос о Политич<еском> Кр<асном> Кресте обстоит так. Старый Политич<еский> Кр<асный> Крест закрыт, вернее: приостановлена его деятельность. Общество как общество перестало существовать². Но Ек<атерине> Павл<овне> дано письменное разрешение оказывать помощь политич<еским> заключенным и их семьям, материальную и юридическую; получать от них заявления; посылать через администрацию анкеты; оказывать помощь не только в Москве, но и по всей России; устраивать сборы, получать пожертвования и пр<очее>, наконец, иметь бланк и печать с надписью: «Е. П. Пешкова. Помощь политич<еским> заключ<енным>». Она имеет право получать ответы от властей. До моего отъезда разрешения были от административных властей, но велись уже переговоры и с судебными властями. «Помощь политическим заключенным» имеет право обладать технич<еским> аппаратом (часть бывших сотруд<ников> Креста) и иметь «советников» (в полностью бывший Президиум). Из Политич<еского> Кр<асного> Креста новое учреждение переняло помещение на Кузнецком и все имущество³.

Основная разница:

а) Пом<ощь> Политич<еским> закл<юченным> - не общество как Крест⁴.

б) Пом<ощь> Политич<еским> закл<юченным>- пока не обладает правом посещения заключ<енных> в камерах или вызова заключенных (надеюсь, со временем это изменится).

в) имеет «писаную конституцию», а все 5 лет Крест в Москве существовал без разрешения, явочным порядком⁵.

4) А вот, наконец, ответ и по личному вопросу. Не думаю, чтобы Вам теперь разрешили въезд в Россию⁶. В первое время после Вашего приезда за границу это, по-моему, было возможно. После отношение к Вам изменилось. Я не берусь утверждать это, почему и писал Ек<атерине> Павл<овне> с просьбой нащупать почву; ответ Вам сообщу.

Останусь ли здесь или нет, пока не знаю. Но думаю, что, во всяком случае, месяца через два поеду в Москву. Привет Сер<гею> Ник<олаевичу>⁷ и знакомым, бывшим и не забывшим меня. А Вашу руку крепко жму.

Михаил Львович⁸.

¹ В июле 1921 г. Г. Гувер, будущий президент США, а в то время министр торговли и одновременно глава крупнейшей в мире частной филантропической организации АРА (American Relief Administration), откликнулся на призыв М. Горького оказать помощь голодающим в России. Соглашение между советским правительством и АРА было подписано 20 августа 1921 г. в Риге. Гувер обещал ежемесячно расходовать более 1 млн долларов на продовольственные поставки в Россию. По данным, приведенным в статье М. Геллера (О голоде, хлебе и советской власти // Есть всюду свет... Сост. С. С. Виленский. М.: Возвращение, 2000), из всего количества продовольствия, ввезенного в Россию в 1921-1922 гг., на долю АРА приходилось 83 %. АРА продолжала присылать продовольствие для голодающих какое-то время и после того, как из России начался вывоз хлеба за границу. (В июне 1922 г. на конференции в Гааге Литвинов, зам. министра иностранных дел России, заявил, что «урожай обещает быть великолепным и позволит даже вывоз хлеба за границу») Существуют сведения, что Аровские посылки поступали в Россию вплоть до 1926 г., при этом деньги за них вносились за рубежом.

² Политический Красный Крест (ПКК) с 1918 г. работал в России легально, но между ним и властью росла конфронтация, которая особенно обострилась ко времени процесса ЦК ПСР. 3 августа 1922 г. (за 4 дня до вынесения приговора подсудимым) сотрудниками ГПУ был произведен обыск в помещении МПКК. При обыске был обнаружен и конфискован архив осужденного члена ЦК ПСР М. А. Веденяпина и другие компрометирующие документы. Присутствующие во время обыска сотрудники МПКК (Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер отсутствовали) не смогли дать сколько-нибудь вразумительных объяснений. Помещение приемной МПКК (Кузнецкий Мост, д. 16, кв. 7) было опечатано. В тот же день, 3 августа 1922 г., ВЦИК и Совнарком приняли декрет «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними», через неделю, 10 августа 1922 г. ВЦИК утвердил инструкцию «О порядке регистрации общественных организаций», согласно которой общественные организации РСФСР были обязаны в двухнедельный срок с момента публикации этих документов зарегистрироваться в органах внутренних дел и в Советах рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. 13 августа 1922 г. на секретариате Коллегии ГПУ слушался доклад о деятельности Политического Красного Креста, постановлением Коллегии ГПУ от 25 августа 1922 г. его деятельность была приостановлена, помещение опеча-

тано, а против организации по прямому распоряжению Дзержинского было возбуждено следственное дело (оно было закрыто только в ноябре 1923 г.).

³ 11 ноября 1922 г. секретариат Коллегии ГПУ выдал Е. П. Пешковой удостоверение за подписью И. С. Уншлихта (зам. председателя ГПУ) о том, что «помещение по Кузнецкому Мосту, д. 16, занимаемое бывшим Московским Политическим Красным Крестом, со всем имуществом его, переходит к ней, Е. П. Пешковой, для работы по оказанию помощи политическим заключенным и их семьям». 30 ноября 1922 г. сотрудниками ГПУ в присутствии Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера опечатанная комната была вскрыта, архив МПКК был доставлен в ГПУ, а комната со всем находящимся в ней имуществом сдана Е. П. Пешковой.

⁴ Политический Красный Крест был общественной организацией, имеющей устав и насчитывающей более 200 членов в 1918 г. и около 1000 членов за все время своего существования. Его учредителями выступили 50 человек. Его организационная структура включала: Общее Собрание, Комитет и состоящие при нем исполнительные и ревизионные комиссии. Общим собранием выбирались руководящие органы, на нем же утверждалась планово-отчетная документация, вносились дополнения и изменения в устав и рассматривался ряд других вопросов, определяющих работу общества. Комитет осуществлял руководство текущей деятельностью ПМКК - помощью заключенным, контактами с правительственными учреждениями и общественными организациями, подготовкой сметной и нормативной документации и др. Комитет избирался общим собранием сроком на 1 год, свои функции он осуществлял через исполнительные комиссии. В МПКК работало пять исполнительных комиссий: юридическая, медицинская, хозяйственная, библиотечная, финансовая и ревизионная. Во главе комитета стоял Президиум.

⁵ «Писаная конституция» ПОМПОЛИТА нам неизвестна.

Что же касается ПМКК, то его деятельность была легализована в первой половине 1918 г. при содействии первого наркома юстиции И. З. Штейнберга (члена ПЛСР), причем письмо с ходатайством о присвоении МПКК легального статуса было адресовано советскому правительству (наркому юстиции) от лица и за подписью М. Л. Винавера.

Устав МПКК был написан осенью 1918 г. В 1919 г. он вышел отдельной брошюрой в издательстве «Задруга». В уставе формулировалась цель учреждаемого Общества, определялся район его действия, указывались источники средств, обеспечивающих работу Общества, требования к его членам и организационная структура. В I разделе устава было заявлено, что Общество ПМКК «действует в согласии с принципами Международного Красного Креста и солидарно с ними и его национальными ответвлениями». Правительственными органами Устав МПКК утвержден не был, хотя в Моссовет с этой целью он подавался. Кроме того, в июле 1921 г. он высылался в ВЧК по просьбе Административного Управления последнего. В докладной записке («Доклад о деятельности Политического Красного Креста») помощника начальника Секретного отдела Андреевой, поданной ею 1 августа 1922 г. в секретариат Коллегии ГПУ, содержится следующее замечание, свидетельствующее о том, что ГПУ было знакомо с Уставом МПКК: «Насколько вредна для республики является деятельность этой враждебной организации, видно из отчета за 21-й год Комитета Красного Креста. Из отчета видно, как, пользуясь всякими способами, Красный Крест расширил сферу своего влияния и далеко вышел за рамки, предоставленные ему уставом // ЦА ФСБ. ВЧК - ГПУ - ОГПУ - НКВД. Л. 17-18.

⁶ 24 января 1922 г. Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович, находящиеся в ссылке в г. Вологде и получившие предписание выехать в г. Кашин Тверской губ., обратились с письмом в Президиум ВЧК «с просьбой обсудить вопрос об оставлении в Москве под любым надзором или же высылке за границу на определенный срок и с правом возвращения в Россию». Вначале им было отказано, но по ходатайству МПКК в апреле 1922 г. им разрешили вернуться в Москву, а в июне того же года они были высланы за границу. Е. Д. Кускова очень не хотела покидать Россию, чтобы не попасть в «осиные гнезда русской эмиграции» (из письма Е. Д. Кусковой к Е. П. Пешковой от 4 мая 1922 г. из г. Кашина // ИМЛИ. ФЭП-кр. 36-19-2).

⁷ Прокопович Сергей Николаевич.

⁸ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 18-19 об. Автограф.

1-2

Fr. K. Kuskova-Prokopovicz. Berlin-Friedenan. Nāhuelstr 20^{III}.

Варшава. 19/I <1923>¹.

Уважаемая Екатерина Дмитриевна! Я только что получил письмо от Екат<ерины> Павл<овны>. Она просит Вас посылать ей деньги в долларах (или фунтах) через Госбанк. Тогда она получит их в той же валюте. Она уже получила Ваши 4 фунта. Я вспомнил, что могли бы и через «Книгу» (Ладыжникова²), но думаю, что лучше через банк, но в валюте.

Не откажите подтвердить мне получение и этой открытки и предыдущего письма. Крепко жму Вашу руку.

Мих<аил> Львович.

Адрес Ек<атерины> П<авловны>: Машков, 1, кв. 16³.

¹ М. Л. Винавером ошибочно проставлен год «1922».

² Ладыжников Иван Павлович с 1921 г. возглавлял издательство «Книга», расположенное в Берлине.

³ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 31-31 об. Открытка. Автограф. На обратной стороне открытки помета, сделанная, вероятно, Е. Д. Кусковой: «100 дол<ларов> специальные на Оренбург<скую> ссылку 150 <долларов> 100 дол<ларов> в Петрог<радский> Крас<ный> Крест».

1-3

Варшава. 1/II 1923.

Уважаемая Екатерина Дмитриевна! Я получил Ваше письмо от 24/I. Уезжать пока не собираюсь; думаю побыть подольше, если только не вызовет меня Ек<атерина> Павл<овна>, которая без меня замучивается там и как-то плохо себя чувствует физически. Конечно, необходима и финансовая помощь Кресту, т<а>к к<а>к опять с моим отъездом хуже стало¹. Думаю, что у Вас теперь бедствуют так люди, что трудно думать о помощи, но все-таки стоило бы².

Конечно, насчет Ваших прогнозов, я, как всегда, не согласен с Вами. Считаю, что власть укрепляется и перерождается, хотя и всякие «зигзаги» имеют место. Конечно, без большой финансовой поддержки в виде заграничного займа – возрождение эко-

номическое идет медленно, но и как будто видны первые ласточки в разговорах о предстоящем английском займе, - и даже без займа возрождение идет медленно, но по восходящей линии; страна, если выйдет из этого положения, то выйдет крепкой. А все-таки землед<елие> = 75 % довоенного, а промышленность 40 %. А если сравнить 1923 год с 1922 г<одом>, то прирост громадный (если не ошибаюсь, в промышленности ок<оло> 50 %). Торг<овый> баланс – положительный, и спор о том, должен ли он быть резко или слабо положительным, и предвидится в 500–700 мил<лионов> зол<отых> руб<лей>. И это не остатки старого, а новый хлеб, меха, руда и пр<очее>. Трагические ножницы³, действительная опасность, – все-таки закрываются и от отношения 8:1 в сентябре перешли к отношению 2:1 к январю. Правда, вздорожание хлеба грозит обратной опасностью – невозможность вывозить его, но при уменьшении накладных расходов, между прочим, путем заключения транзитивных договоров в первую очередь с Польшей, удастся избежать этой опасности. Поэтому, я думаю, что Ваш скептицизм по отношению к экономике - преувеличен. А политика все-таки идет следом за экономикой. И остроумно кто-то написал, что, ввиду отсутствия свободы слова и пр<очее>, среди правящей партии – есть уже течения, отражающие идеологию промышл<енников> и течения, отражающие крестьянскую идеологию. И едко Ларин⁴ назвал Пятакова⁵ и др<угих> «младоэсерами»⁶.

Т<а>к к<а>к я скверный экономист и еще похуже политик – то, может быть, и ошибаюсь. Но как-то, несмотря на нашу противоположность взглядов и оценки, а, может быть, вследствие этого мне хочется с Вами иногда поспорить, хотя и чувственную слабую, в сравнении с Вами, теоретическую подготовку. Это не мешает мне полагать, что моя оценка вернее Вашей.

После приезда я нашел 1 номер «Вестн<ника> экон<омики>»⁷. Я был бы Вам очень благодарен, если б Вы захотели мне прислать январ<ский> номер, а также книжку Мельгунова с описанием тюрем (названия не знаю)⁸. Может быть, Вы бы написали мне, какие книжки вышли или в каких воспоминаниях можно найти описание жизни тюремной за последние 6 лет? И действительно ли так «запоем» учатся в экономич<еском> Институте⁹?

Привет Сер<гею> Николаевичу. Жму Вашу руку.

Мих<аил> Льв<ович>¹⁰.

¹ По-видимому, М. Л. Винавер умел успешно организовывать поступление средств для оказания помощи политзаключенным. Так, в декабре 1922 г. ПОМПОЛИТ разослал письма с просьбой о помощи более чем в 30 организаций. Вот только некоторые из них: «В центральное Товарищество «Кооперативное издательство» (с просьбой отпустить канцелярские принад-

лежности – 18 позиций), «В Покобанк» (с просьбой сделать пожертвование в пользу политзаключенных), «В МОССЕЛПРОМ» (с просьбой отпустить продукты), «В Тряпье-Лоскут» (с просьбой «пожертвовать в пользу политических заключенных годные к употреблению и хорошо продезинфицированные шинели, ватники, душегрейки, брюки, а также вату»), «В ФАРМАТРЕСТ» (с просьбой отпустить медикаменты и перевязочные материалы), «В Товарищество Левины и Цирлины» (с просьбой отпустить белье и материалы), «В кооператив совработников» (с просьбой отпустить продукты питания), «В Артельбанк», «В маслобойный синдикат», «В Центробумтрест», «В Артельсоюз», «В Моссукно», «В Москожу», «В Северолес», «В Центросоюз», «В Сельхозсоюз», «В текстильный синдикат», «В Кустпромторг».

² За границей жизни российских эмигрантов не угрожал большевистский произвол, но они остались без средств к существованию и, как правило, без постоянного заработка, так как найти работу в послевоенной Европе было проблематично. И хотя они находились в очень стесненном материальном положении - многие просто бедствовали, - но при этом они стремились как-то помочь, хотя бы материально, оставшимся в России «узникам совести», для этого они входили в существующие или организовывали новые общества помощи российским политзаключенным.

³ Термин, применяемый для характеристики расхождения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары; начал употребляться в официальной прессе после XII съезда РКП (б), состоявшегося в апреле 1923 г.

⁴ Ларин Юрий Александрович – один из создателей Госплана, с 1921 г. – член его президиума. Приветствовал переход к НЭПу, но уже в конце 1921 г. выступал за усиление хозяйственного централизма. С 1922 г. был фактически отстранен от выработки экономической политики и организации хозяйственной практики, занимался литературной работой.

⁵ Пятаков Георгий Леонидович - с 1923 г. зам. председателя Госплана РСФСР и ВСНХ, в 1923-1927 гг. - член ЦК партии, примыкал к левой оппозиции.

⁶ В 1923 г. в ЦК партии сложились две группировки: Каменев, Зиновьев, Сталин и Троцкий и его сторонники, в число которых входили Пятаков, Сокольников, Шляпников и др., составлявшие левую оппозицию. Левая оппозиция настаивала на необходимости долгосрочного планирования и развития тяжелой промышленности, предлагала увеличить налогообложение зажиточных слоев города и деревни в пользу развития промышленности.

⁷ В Берлине С. Н. Прокопович начал издавать журнала «Экономический вестник». В его издании участвовали М. В. Бернацкий, М. В. Бройкевич, Б. Д. Бруцкус, С. О. Загорский, А. И. Каминка, В. А. Косинский, Б. Э. Нольде, Л. И. Пумпянский, П. Б. Струве и А. А. Чупров. Задачей издания было объединение русских экономистов за границей, сбор и анализ материалов «для разработки конкретных планов восстановления русского хозяйства». Первая книга журнала, вышедшая весной 1923 г., открывалась статьями С. Н. Прокоповича «Новая экономическая политика» и П. Б. Струве «Научная картина мира и понятие «равновесия». «Экономический вестник» выходил в Берлине в 1923-1924 гг., всего вышло три номера этого журнала, после переезда С. Н. Прокоповича в Прагу журнал перестал издаваться.

⁸ По-видимому, речь идет о книге С. П. Мельгунова «Красный террор в России: 1918-1923», 1-е издание которой вышло в 1923 г.

⁹ В 1923-1924 гг. С.Н. Прокопович был деканом экономического отделения Русского научного института.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 26-27 об. Автограф.

Варшава. 12/II 1923.

Екатерина Дмитриевна!

Извиняюсь, что сейчас не ответил, но я уезжал на несколько дней, а затем был очень занят. Последнее полученное от Вас письмо, от 25/I. Деньги, посланные Вами Ек<атерине> Павловне, весьма кстати, т<а>к к<а>к она пишет, что с моим отъездом финансовая и снабженческая часть разваливается. Пока она мне писала о полученных 4 фунтов; насчет 150 долларов еще не писала. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы держали меня в курсе высылаемых денег и посылок. Устроили ли посылки от Нансена¹ и от Гувера? И непременно уведомите, посылки из Лондона для заключенных в России или для интеллигенции. А то, когда мы с Ек<атериной> Павл<овой> получили по первой посылке, она, на основании какого-то письма, решила, что это для голодающей интеллигенции, а не для заключенных. Так ли это? Высылаются из комитета помощи голодающим.

Еще просьба к Вам: когда выйдет экономический журнал – пошлите мне номер и напишите, как на практике выглядит и развивается русский университет. В Москву собираюсь не раньше конца марта. Хочу поехать на 4 - 6 недель, чтоб дать возможность Ек<атерине> Павл<овне> уехать отдохнуть (очевидно, поедет к своим в Германию), заменить ее и немножко наладить снабженческие и финансовые дела Политичес<кого> Кр<асного> Кр<еста>. К Ник<олаю> Мих<айловичу>², конечно, зайду и Вашу просьбу исполню. В Берлин, по всей вероятности, соберусь только после приезда, т<о> е<сть> летом или осенью.

А вот с Вашей оценкой положения я не согласен. Я не отмечаю только мелочи, но вижу основное иначе, чем Вы – отсюда и вся разница. Прежде всего, я полагаю, что иностранцы, т<о> е<сть>, точнее говоря, иностранный капитал не идет в Россию большой струей не в ожидании принципиального сдвига в сторону примирения власти с населением и интеллигенцией, а просто из-за невозможности в данный момент сделать из России свою колонию; но он уже идет маленькими ручьями в форме капитала т<ак> н<азываемых> смешанных обществ, как торговый, а не промышленный капитал, быстро оборачивающийся и большую прибыль приносящий. Но ведь устремление капитала в торговлю – общее повоенное явление, вполне, впрочем, при нынешнем неустойчивом положении Европы, понятное. Но уже есть начало устремления капитала в промышленность, как, напр<имер>, концессии Круппа³, Синклера⁴, Уркварт'а⁵ (скоро будет подписано). И я думаю, что если восстановление России пойдет этим путем – то это, пожалуй, хуже для настоящего, но лучше для бу-

дущего; я даже беру на себя смелость сказать, что если не будет войны, Россия лет через 10-15 будет процветать. Но не согласен я с другим: что нет сдвига. Если Вы присмотритесь <к> теперешней России и России 2 - 3 года тому назад – Вам сдвиг будет ясен; все-таки из периода разрухи и разрушения – Россия перешла к периоду созидания, творчества. И если власть там так преследует социалистов и часть интеллигенции, то потому, что отлично понимает, что те экономические уступки, которые ее жизнь заставила и заставляет делать – неминуемо влекут за собою и политические уступки, что с-р и с<оциал>-д<емократы> – это ее ближайшие конкуренты, что народившаяся буржуазия еще слишком хамская, чтобы из своей среды выдвинуть идеологов, но что уже старая культурная буржуазия начинает возвращаться, что, по мнению властей, необходимо удалить, хотя бы за границу, идеологов ее. Вот этот до паники доходящий страх власти перед неминуемыми уступками лучше всего доказывает, что эти уступки уже в сознании ее, что она хочет отдалить момент уступок, надеясь на переворот в Европе, но видит необходимость их. И я полагаю, Екатерина Дмитриевна, что Вы слишком пессимистически смотрите на будущее, что ближайшие 2 - 3 года сулят не погромы и резню и не насилие над Россией – а постепенные уступки и постепенное, медленное, может быть, с зигзагами, но все-таки постепенное привлечение к власти и не большевиков. Надеюсь, эти несколько лет проживем, Екатерина Дмитриевна, и увидим, чей прогноз верен. И в силу моего прогноза я считаю, что Ваша культурная работа на эмиграции – громадная работа. Тем более что, как я слышал, молодежь на эмиграции воспитывается в антидемократическом, чуть ли не монархическом духе. Тем более важна Ваша работа. И я, во многом с Вами не соглашаясь, преклоняюсь всегда перед Вашей энергией, инициативой и чуткостью.

Оговариваюсь: я считаю свой прогноз верным, если неверен расчет большевиков на переворот в Европе, в первой линии – в Германии; а я думаю, что он неверен в смысле большевицком. И считаю прогноз верным, несмотря на то, что вполне отдаю себе отчет, что власть будет делать все возможное и невозможное, чтобы момент уступок отдалить.

Ну, хватит, Екатерина Дмитриевна. Всего Вам лучшего. Привет Сер<гею> Ник<олаевичу>.

Мих<аил> Львович⁶.

¹ Кроме АРА, помощь голодающим в России оказывали и некоторые другие организации. 27 августа 1921 г. от имени Международного Комитета Красного Креста соглашение о помощи подписал его председатель норвежский полярный исследователь Ф. Нансен. Ввезенное им в Россию продовольствие в 1921-1922 гг. составляло 13,7 % от всего ввозимого

количества (по данным, приведенным в статье М. Геллера: Геллер М. И. О голоде, хлебе и советской власти // Есть всюду свет... Сост. С. С. Виленский. М.: Возвращение, 2000).

² Кишкин Николай Михайлович - один из организаторов ВКПГ. В августе 1921 г. был арестован вместе с Е. Д. Кусковой и С. П. Прокоповичем и отправлен в ссылку в Вологду. По возвращении из ссылки жил в Москве.

³ «Крупп» – крупнейшее акционерное общество, существующее с начала XIX в., начинавшееся с производства высокосортной стали. После 1918 г. производитель паровозов, вагонов, сельскохозяйственных и текстильных машин и др. В 1923 г. фирма Круппа получила сельскохозяйственную концессию в СССР в районе Донца. Целью фирмы было расширение рынка ввоза сельскохозяйственных машин (цель достигнута не была).

⁴ Акционерное общество «Синклер», представлявшее независимый нефтяной трест США, заключило концессионный договор на аренду русской части острова Сахалин и на разработку заключающихся в недрах этого острова нефтяных богатств. В 1925 г. правительство СССР, представляемое ВСНХ, предъявило гражданский иск к обществу об аннулировании договора. Иск был присужден, за фирмой удалось сохранить лишь небольшую сумму денег, возврата которых требовал ВСНХ.

⁵ Лесли Уркварт – английский финансовый магнат. До 1917 г. владел крупными медными рудниками на Урале, был акционером многих обществ. В 1923 г. вел переговоры с СССР о заключении договора на крупную концессию, но договор не был утвержден Совнаркомом.

⁶ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 20-22 об. Автограф.

1-5

Frau K. Kuskova-Prokopovicz. Nöhuelstr 20^{III}. Berlin-Friedenau.

Варшава. 19/II 1923.

Екатерина Дмитриевна! Я весьма благодарен Вам за Ваше письмо от 15/II. Судя по письму Ек<атерины> Павл<овны> от 12 с<его> м<есяца> – она еще денег не получила, т<а>к к<а>к жалуется, между прочим, на полное безденежье. Я жду от Вас ответа насчет Гувера, но думаю, что насчет Нансена скорее дело выйдет. Сердечно поздравляю Вас и Сер<гея> Ник<олаевича> с открытием Научного Института. Ради этого стоило ехать Вам из России. Чей прогноз верен – увидим. Я убедился, что, правда, поздно уступают больш<евики>, но уступают в послед<ний> момент; думаю, что с политич<ескими> уступками то же произойдет. Относительно Курска, видимо, выдумка. Всего Вам хорошего, Екатерина Дмитриевна. Привет Сер<гею> Ник<олаевичу>. Жму В<ашу> руку.

Мих<аил> Львович¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 24. Открытка. Автограф.

1-6

«Frau K. Kuskowa-Prokopowicz. Nahuelstr 20^{III}. Berlin-Friedenan.

Варшава. 26/II 1923.

Екатерина Дмитриевна! Я получил от Ек<атерины> Павл<овны> письмо от 20 с<его> м<есяца>. Она все еще денег не получила (кроме 14 ф<ранков>). Получила из Берлина 14 пос<ылок> через Межд<ународный> Ком<итет> помощи голод<ающим> в России¹. Спрашивает, для детей ли это или для заключенных. Я пишу ей, что для заключенных. Не откажите написать, что с пересылкой денег. Не попали ли они в другие руки. А то она совсем без денег.

Сердечный Вам и С<ергею> Н<иколаевичу> привет.

Мих<аил> Львович².

¹ 2 февраля 1923 г. Е. П. Пешкова получила по своему домашнему адресу извещение на получение 15 посылок. Извещение было отправлено отделом посылок Международного рабочего комитета помощи России, посылки были отправлены из Берлина и отправителем значилась Зильберберг.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 25. Открытка. Автограф.

1-7

M-me K. Kuskowa-Prokopowicz. Berlin-Friedenan. Nāhuelstr 20^{III}.

9/III 1923. Варшава.

Екатерина Дмитриевна! Я только что получил письмо от Ек<атерины> Павл<овны>, в котором она извещает о получении от Зильберг¹ 150 дол<ларов> и 30 фунтов, о чем считаю нужным Вас известить.

Привет Сер<гею> Ник<олаевичу>.

Михаил Львович².

¹ Начиная с марта 1922 г. в Берлине работал Политический Красный Крест. Деятельность его была довольно успешной. Однако в ноябре 1922 г. члены комитета Политического Красного Креста решили его ликвидировать и вместо него создать более широкую общественную организацию под названием «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России». В нее вошли как прежние работники, так и новые члены. 6 ноября 1922 г. состоялось учредительное собрание Общества, на котором присутствовало около 50 человек, принадлежавших к различным группировкам русской общественности в Берлине.

В обращении «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России», датированном 20 января 1923 г., говорилось:

«Комитет Общества будет стремиться вовлечь в дело широкой общественной помощи европейские и американские круги. Но в первую очередь Общество обращается к своим соотечественникам и ждет от них активного сочувствия, моральной и материальной поддержки.

Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России является гуманитарной организацией: оно не связано какими либо узкими групповыми рамками и строит

свою работу на широкой беспартийной базе, привлекая к делу помощи все демократические элементы, сочувствующие целями Общества.». // ГАРФ. Ф. 6140. Оп.1. Д. 9. Л. 21.

На собрании был избран комитет Общества, в числе его членов - Анна Ефимовна Зильберберг. По-видимому, речь идет о деньгах, полученных от ее имени.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 28. Открытка. Автограф.

1-8

Frau K. Kuskowa-Prokopowicz. Nähuelstr 20^{III}. Berlin-Friedenan.

Варшава. 25/III 1923.

Екатерина Дмитриевна! Я получил Вашу открытку. Ек<атерина> Павл<овна> снова писала мне, что деньги (150 дол<ларов> + 30 фунтов) получила от Зильберг. Ваши ли это деньги? Может быть, эти 150 дол<ларов> были ей посланы отдельно? Во всяком случае, я ей пишу, чтоб затребовала от Ал¹ еще 45 дол<ларов>, если до сих пор не получила. Ек<атерину> Павл<овну> увидите в Берлине, когда я ее сме-ню. Думаю уехать после русской Пасхи, т<о> е<сть> около 10 числа. Напишите мне, что хотите передать. Поздравляю Вас с развитием университета.

Привет Серг<ею> Ник<олаевичу>.

Крепко жму В<ашу> руку.

Михаил Львович Винавер.²

¹ Имя не дописано. Лицо не установлено.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 29. Открытка. Автограф.

1-9

Варшава. 14/IV 1923.

Пишу Вам сегодня немного, т<а>к к<а>к до отъезда я очень занят. Уеду 17-го, в крайнем случае 20-го, в зависимости от сведений от Екат<ерины> Павловны относительно того, встретиться ли нам с ней в Варшаве или Москве. Из этого видно, что скоро увидите и Екатерину Павловну, которая расскажет Вам о многом Вас интересующем. Кстати, из письма Ек<атерины> Павл<овны> следует, что она получила из Берлина только 130, а не 150 дол<ларов>, как по рассеянности написала, и 30 фунт<ов>, а также 70 долларов из Парижа. На эти деньги посланы передачи в Москву, Ярославль, Порт-Аминск¹. Конечно, я ей писал и о<б> остальных деньгах. Из других сведений интересно Вам будет следующее: Евг<ению> Мойс<еевну> Рат-нер² и Иванову³ перевели для отдыха в какой-то совхоз под Москвой⁴. К Евг<ению>

Мойс<еевне> поехала мать с ребенком и живет с ней; старшие дети учатся в школе и не могли поехать⁵. Мать Ивановой не захотела лишиться свиданий с сыном⁶ и не поехала. Вот Вам, поймите что-нибудь: с-ры, люди, приговоренные к расстрелу, отдыхают с семьей в совхозах; в то же время расстреливают, скажем, Буткевича, чем наносят себе громаднейший вред.

Прощайте, Екатерина Дмитриевна! И на прощание разрешите Вас сердечно поблагодарить за Ваши глубокие, сердечные и прекрасные письма, которые доставляли мне много радости в моей невеселой и неинтересной здешней жизни, несмотря на всю разницу наших взглядов. Привет Сергею Николаевичу.

Все Ваши просьбы, вплоть до глубоких поклонов, исполню. Вышел ли журнал?

Жму Вашу руку. Мих<аил> Львович⁷.

¹ Портаминский (Пертоминский) концентрационный лагерь был расположен на берегу Северного моря в ста верстах от Архангельска. С конца 1922 г. туда начали свозить большие партии заключенных из Москвы и других городов. В книге С. П. Мельгунова «Красный террор в России (1918-1923)» дается описание этого лагеря: «Лагерь устроен в старом полуразвалившемся здании бывшего монастыря, без печей, без нар, без пресной воды, которую выдают в очень ограниченном количестве, без достаточного питания, без всякой медицинской помощи. Два раза в год Портаминск во время распутицы долгими неделями отрезан от всякого сообщения и ссыльные обречены на полную оторванность от близких. <...> заключенные питаются исключительно сухой рыбой, не видя хлеба, <...> Бачулис <комендант лагеря> дает простор своим жестокостям. Из партии в 200 человек, отправленной туда недавно из Холмогор, по слухам, лишь немногие уцелели. Одно упоминание о Портаминске заставляет трепетать Холмогорских заключенных – для них оно равносильно смертному приговору».

² Ратнер Евгения Моисеевна по процессу ЦК ПСР приговорена к расстрелу, исполнение приговора было отложено.

³ Иванова-Иранова Елена Александровна по процессу ЦК ПСР приговорена к расстрелу, исполнение приговора было отложено.

⁴ Е. М. Ратнер и Е. А. Иванова-Иранова в середине марта 1923 г. объявили голодовку с требованием смягчить режим содержания в тюрьме. Чекисты попытались договориться с ними о прекращении голодовки, перевезя их в совхоз ГПУ, куда должны были привезти детей Е. М. Ратнер. Сохранились заявления, написанные Ратнер и Ивановой 20 мая 1923 г. помощнику прокурора и начальнику секретного отдела ГПУ с просьбой не привозить детей Ратнер, пока «не будет урегулирован целый ряд вопросов, касающихся условий нашего пребывания здесь. Они оказываются совершенно неудовлетворительными, особенно в отношении Ивановой, что вынуждает нас продолжать начатую голодовку». (К. Н. Морозов. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства». Москва.: Росспэн, 2005. С. 543). Из этого текста ясно, что и в конце мая 1923 г. дети Е. М. Ратнер привезены к ней не были.

Надо заметить, что М. Л. Винавер уехал из Москвы в конце 1922 г., и сведения о том, что происходит в России, он получал по дипломатической почте, или телефону, или от лиц, приехавших из России, но не напрямую от заключенных или сотрудников ГПУ.

⁵ Е. М. Ратнер при советской власти впервые была арестована в 1919 г. и вскоре освобождена. В феврале 1921 г. ее вновь арестовали, и с этого времени она всю оставшуюся жизнь находилась в заключении или в ссылке. Ее мать и трое детей (в 1923 г. им было соответственно 66, 12, 7 и 5 лет) - осталась без средств на жизнь. Зимой 1924 г. младших детей

удалось определить в детский дом. В июле 1924 г. Е. М. Ратнер должна была ехать в совхоз ГПУ; она просила, чтобы вместе с ней поехали дети, но ГПУ ей отказало. В ответ на отказ она объявила голодовку, в результате которой это ее требование было удовлетворено.

⁶ Иванов Николай Николаевич по процессу ЦК ПСР был приговорен к расстрелу с заменой на 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией.

⁷ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 30–30 об. Автограф.

1-10

Fr. K. Kuskowa. Nöhuelstr 20^{III}. Berlin.

Prag (Praha) – Košiče. 1258. Villa Beneš.

Adressa is Professor Procopovicz.

Варшава. 20/IV 1924.

Екатерина Дмитриевна! Хотя Вы меня и не удостоили ответом¹, все-таки извещаю Вас, что через десять дней уеду заменить Ек<атерину> Павл<овну>. Она абсолютно без денег, что примите во внимание, так как работа в финансовом отношении становится в Кресте все труднее. Чуть было не поехал в Берлин, но меня срочно она вызывает, так что придется отложить до будущего года. Привет Сер<гею> Ник<олаевичу>.

Михаил Львович Винавер².

¹ По-видимому, Е. Д. Кускова предыдущего письма М. Л. Винавера не получила, так как он писал ей на берлинский адрес, а она к этому времени переехала в Прагу. Настоящая открытка, также отправленная по берлинскому адресу, была переслана в Прагу.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 16. Открытка. Автограф.

1-11

Pani K. Prokopovicz. Villa Beneš, 1258 Praha – Košiče, Czechoslovakja.

13/V 1924. Варшава.

Уважаемая Екатерина Дмитриевна! К сожалению, Ваше прежнее письмо пропало, т<а>к к<а>к я раньше из Вашего письма от 6/V узнал, что Вы в Праге. Пишу только открытку, а то уезжаю и пишу наспех. Уезжаю заменить Ек<атерину> Павл<овну>, а то она должна уехать к Ал<ексею> Макс<имовичу> в Италию (в Сорренто). ½ года, наверное, побуду. Живет она Машков, 1/16, и можно прямо через банк перевести на ее имя деньги; пригодятся весьма. Вам и Сер<гею>

Ник<олаевичу> шлю приветы и пожелания дальнейшей успешной работы и поздравления по поводу франц<узских> выборов¹.

Жму В<ашу> руку. Мих<аил> Львович².

¹ 11 мая 1924 г. во Франции состоялись выборы, на которых победили левые. Премьер-министром Франции стал лидер партии радикал-социалистов Эдуард Эррио – сторонник дипломатического признания СССР. В этом же году (в ноябре 1924 г.) между Францией и СССР были установлены дипломатические отношения.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 17. Открытка. Автограф.

1-12

К. Prokopovicz–Kuskowa. Svedska Košire, villa Beneš, 1258 Praha, Czechoslovakja.

Варшава. 24/III 1925.

Уважаемая Екатерина Дмитриевна. Шлю Вам привет. Слыхал, что собирались в Варшаву. Верно ли это? Уже после моего отъезда получилось в Москве извещение о высылке из Праги 200 руб<лей> с разделением на три части. Это от Вас?

Жму руки и шлю привет.

Мих<аил> Льв<ович> Вин<авер>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 2–2 об. Открытка. Автограф.

1-13

Варшава. 3/IV 1925.

Многоуважаемая Екатерина Дмитриевна!

Спасибо Вам за письмо и за журнал. Возьмусь за него на днях, а пока попрошу Вас сказать одному из авторов, Ст. Кону¹, что я в Варшаве, или прислать мне его адрес.

Отвечаю на Ваши вопросы:

1) Ек<атерина> Павл<овна> работает не менее энергично, чем раньше; все-таки теперь иногда у нее сильные головные боли; вообще, работа эта ее настолько нервирует, что приходится иногда удирать отдохнуть, что она два-три раза в год делает; конечно, с моим отъездом работа ее сильно увеличилась. Она уже вопит о моем возврате в мае, но я еще не знаю, удастся ли в это время уехать мне.

2) Нужда заключенных в тюрьмах и ссылках – большая; я сказал бы, что в ссылках - дальних – большая, чем в тюрьмах, т<а>к к<а>к только часть находит работу. Конечно, помощь можете оказать лучше всего деньгами, т<а>к к<а>к достать можно все, а для Креста – на более выгодных условиях. В прошлом году Крест все-таки израсходовал около 30.000 – 35.000 руб<лей>, не считая полученных вещей и остатков склада, вместе считать можно около 45. 000; из этого из заграницы получились гроши. Если указано назначение пожертвования – то они расходуются только по назначению.

3) Вопрос о голоде в заграничной прессе преувеличен. Неурожай был в 1924 г., и в 1925 г. какова степень неурожая – зависит будет от весны. Но власть и очень энергично помогала неурожайным местам хлебом, семенами и работами, и уже готовится к помощи. Завезено зерна ок<оло> 22 – 23 мил<лионов> пудов; для пересева весной ассигнов<ано> дополнит<ельно> око<ло> 7,5 мил<лионов> руб<лей>, увеличен семенной фонд приблизительно на 5 мил<лионов> пудов. В общем, хотя неурожай 1924 года равнялся приблизительно ¼ неурожая 1921 года – был он, судя не только по газетам, но и по разговорам с очевидцами, приехавшими из голодных мест, в сравнении с 1921–1922 – незаметен. К возможному надвигающемуся неурожаю энергично готовятся.

4) Обобщение, выведенное Вами из возвращения Вашей книги с надписью «поп permi», по-моему, все-таки неверно. Ваша основная ошибка в предпосылке, что все по-прежнему. По-моему, вы, за границей сидящие, теряете ориентировку; видите только одну сторону медали, скажем, административный произвол и т<ак> д<алее>, а не видите другой стороны, например, решение национальных вопросов (по программе национальной культурной автономии Бунда и с-совской программе региональной автономии, смотря по национальности); не видите подхода к крестьянству, уже даже не по с-ровской программе, а близкого к подходу народников (во всяком случае, стремление к такому подходу); ведь эти сельские и волостные советы со ставкой на беспартийного мужика, бедняка и середняка – это, по существу, сельские и волостные земства. И т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>. Не хочется мне сегодня вести длительный спор с Вами – но для меня ясно, что не все по-старому, как Вы говорите, а все меняется – и на почве изменяющейся экономики медленно изменяется и политика. Характерна, между прочим, ставка не только на крестьянина, но и на учителя, агронома, провинциального врача, расширение выборных прав и на неслужащую профессион<альную> интеллигенцию и т<ак> д<алее>.

Правда!

Вы спрашивали про Савинкова². По-моему, это был провал. Уже после «Коня вороного» он, очевидно, хотел покончить со своей деятельностью, открыто об этом заявить, но колебался. Тут к нему явились один или два его ближайших помощника, фактически изменившие ему, к которым он питал доверие, и уверяли, что в России единственно активным элементом является молодежь, что предстоит съезд ее в Минске, и что его присутствие воодушевило бы его. Он, очевидно, хотел последний раз проверить себя; может быть, и предполагал возможность ареста, но все-таки решился поехать и попал в ловушку. Характерно, что помогли ему перебраться через границу польские власти, очевидно, с ведома союзников своих, следовательно, считали это почему-то нужным. А когда он попался, очевидно, решил быть откровенным в смысле указания на перемену своих взглядов, или нечего ему было терять. Фамилии все-таки, судя по всему, он не указывал и не указывает. Хотя сидит в хороших условиях (жена, библиотека, заграничная пресса и пр.), но доверия к нему нет, и сидеть, по всей вероятности, будет долго. О нем в России никто уже не говорит, к *a* кажется, и за границей. Думаю, что он – политический труп.

Вот вкратце все, что думаю о его деле.

Очень жалею, что нет у меня денег, а то приехал бы поговорить с Вами. Хотя мы всегда спорим с Вами и стоим на других позициях, но с Вами можно и приятно спорить, а то Вы умеете уважать и слушать и несогласного с Вами.

Ал. Моис^{еевича}³ я видел и встречаюсь с ним; в противоположность Вам он считает, что из всех заграниц – ему приятнее всего как эмигранту в Варшаве. Но у него есть специфич^{еский} повод.

Я говорил о возможности возвратиться Пешехонову⁴. У меня впечатление (но без ручательства), что ему разрешат. Может быть, скажете ему об этом. Когда уеду – еще не знаю, но, конечно, извещу Вас об этом.

С приветом.

Мих^{аил} Льв^{ович}⁵.

¹ Кон Станислав Салезиевич – статистик, экономист, приват-доцент, постоянный сотрудник Русского экономического кабинета С. Н. Прокоповича в Праге, активный сотрудник «Русского экономического сборника». Многие его статьи, такие как «К положению частного капитала в СССР», «Внешние торговые сношения СССР за последние годы», «Опыт советской национализации (по поводу статьи А. В. Пешехонова)», «Промышленность, рынок и цены в 1926-27 хозяйственном году», «Капитальное строительство и основной капитал промышленности» и др. были посвящены экономике СССР.

² Савинков Борис Викторович в августе 1924 г. в результате чекистской операции был завлечен на территорию СССР, арестован в Минске органами ОГПУ и приговорен к высшей мере наказания с заменой на 10 лет заключения. Погиб в тюрьме 7 мая 1925 г.

³ Лицо не установлено.

⁴ Пешехонов Алексей Васильевич после трехлетнего пребывания в эмиграции подал заявление о желании вернуться в Россию. Его выступления, поддерживаемые Е. Д. Кусковой, М. А. Осоргиным и другими представителями левой эмиграции, способствовали второй (после сменовеховства) волне возвращения интеллигенции на родину.

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 5-8 об. Автограф.

1-14

Варшава. 14/IV 1925.

Начинаю с Ваших «горячих просьб» и отвечаю на Ваши вопросы; но со своей стороны обращаюсь к Вам с просьбой употребить ответы для себя, а не для газеты, и поменьше употреблять мое имя, а то уже у меня в России имел место на днях обыск, чего не было несколько лет (это тоже для Вас только). Итак:

1) Часть с-ров цекистов¹ уже окончила срок тюрьмы и разослана в ссылку; Евг<гения> Мойс<еевна> Ратнер поехала в Самарканд (там же Спиридонова², Измайлович³, Майоров⁴); Берг⁵ в Темир-Хан-Шуре (служит на электрич<еской> ст<анции>); там же уехал Альтовский⁶ (или Львов⁷, то узнаю) Донской⁸ в Парабеле (служит врачом в больнице); Гоц⁹ и Тимофеев¹⁰ должны уехать через 1 - 2 мес<яца>, Гоц хочет в Нальчик на Кавказе, но разрешат ли ему в Нальчик – сомневаюсь. Вообще, после их последней 8-ми дневной голодовки¹¹ вопрос так обстоит, что они предлагают ряд мест, из которых власть выбирает одно; отношение к ним лучше, чем к другим и в тюрьме и в ссылке; очень с ними считаются.

2) К 1 мая амнистия возможна, но, пожалуй, к уголовным и части политических, но не к социалистам, по моему мнению. В общем, круглый год идет разгрузка тюрем, но по отношению к уголовным элементам, с политическими хуже, а с социалистами еще хуже.

3) По отношению к высланным за границу – сроков, собственно, нет; иногда высылаются до окончания ссылки, но все равно визы на въезд не получают без особого разрешения. Но многие возвращаются; это вопрос чисто индивидуальный, вопрос связей, перемены взглядов, политических соображений; правил строгих нет.

4) Насчет Ал<ексея> Вас<ильевича> я говорил с Вяч<еславом> Руд<ольфовичем>¹². Он не против, обещал спросить высшую власть, но просил его мнения пока не передавать, т<а>к к<а>к это было бы равносильно разрешению, а не хотел дать определенного ответа без разговора с начальством. Я думаю, что если

Ал<ексей> Вас<ильевич> попросит дать ему визу, то получит таковую, если не сейчас, то после запроса. Я посоветовал бы это сделать именно в Праге.

5) Думаю, что разрешение Кр<асного> Кр<еста> для помощи закл<юченным> в России¹³ – больше демонстрация, чем реальная помощь; больше и так денег не соберете и особой пользы от этого не вижу; т<а>к к<а>к мне хотелось бы, чтоб больше получалось помощи, а меньше делалось демонстративных действий, то, конечно, я хладнокровно к этому отношусь.

Теперь несколько слов об общих затронутых Вами вопросах.

Вы спрашиваете, как отнестись Вам к отказу допустить в Россию иностранные организации для оказания помощи голодающим? Я не знал даже, сознаюсь, что таковые обращались, но считаю отказ вполне правильным не только потому, что последние в 1921 – 1922 годах занимались, главным образом, не своим непосредственным делом, но и потому, что их помощь, по моему глубокому убеждению, не нужна. В 1924 году с неурожаем прекрасно справились; если таковой будет в 1925 г<оду>, а это утверждать пока еще нельзя, то, думаю, справятся сами; как Вы знаете, и семена для обсеменения весной заготовлены и разосланы, и хлеб закупается. И скота все-таки оказалось в 1924 г.: рогатого крупного 46,3 мил<лиона>, с 87,5 % довоен<ного> кол<ичества>, свиней 16,8 мил<лиона>, т<о> е<сть> 87,5 % довоен<ного> количества, а лошадей 22,2 мил<лиона> голов, т<о> е<сть> 70,8 % довоенного колич<ества> скотоводства показывает восходящую линию, а не упадок. Конечно, в голодающих местах скота сравнительно <мало>, но не то, что Вы пишете, т<о> е<сть> «что его нет совсем или есть жалкие остатки». И хотя Вы правы, что 1925 г. в экономич<еском> смысле тяжелый год, но я полагаю, видя поднимающуюся вверх линию развития промышленности и торговли, что и этот год пройдет без краха. И что без заграничного капитала России не возродит даже самая гениальная власть, что для Вас является аксиомой – для меня аксиомой не является. Капитал заграничный – вещь весьма нужная, действующая как катализатор при возрождении Народного хозяйства России; но, очевидно, и без этого заграничного капитала Россия помаленьку возродится – и вопрос времени; если с капиталом ей нужно бы, скажем, 20 лет, то без капитала заграничного потребуется 40 лет; но зато она будет менее экономич<еской> колонией (а следоват<ельно>, и политической), чем при усиленном наплыве загранич<ного> капитала. С этим, между прочим, согласен и проф<ессор> Ал<ексей> Ник<олаевич> Бах¹⁴, с которым я много по этому делу говорил. И поворот к более правильной экономич<еской> политике как будто видел. Ну, пора кончать постоянные наши споры. Позвольте пожать Вашу руку.

Михаил Львович.

Подтвердите получение письма¹⁵.

¹ Цекисты – осужденные по процессу ЦК ПСР, проходившему в июне - августе 1922 г. в Москве.

² Спиридонова Мария Александровна. Расстреляна в 1941 г.

³ Измайлович Александра Адольфовна. Расстреляна в 1941 г.

⁴ Майоров Илья Андреевич. Расстрелян в 1941 г.

⁵ Берг Ефроим Соломонович по процессу ЦК ПСР был приговорен к 5 годам тюремного заключения со строгой изоляцией. По решению Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 г. срок заключения сокращен до 2,5 лет, выслан на 3 года в Темир-Хан-Шуру.

⁶ Альтовский Аркадий Иванович по процессу ЦК ПСР был приговорен к расстрелу. По решению Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 г. смертная казнь заменена на 5 лет заключения со строгой изоляцией. Срок заключения закончился 27 декабря 1924 г., после чего был выслан на 3 года в Темир-Хан-Шуру.

⁷ Львов Михаил Иванович по процессу ЦК ПСР был приговорен к 5 годам тюремного заключения со строгой изоляцией. По решению Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 г. срок сокращен до 2,5 лет. По окончании срока 21 января 1924 г. выслан на 3 года в Чердынь Верхне-Камского округа.

⁸ Донской Дмитрий Дмитриевич по процессу ЦК ПСР был приговорен к смертной казни с заменой на 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией. По окончании срока был выслан в Нарымский край.

⁹ Гоц Абрам Рафаилович по процессу ЦК ПСР был приговорен к смертной казни с заменой на 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией. В мае 1925 г. освобожден из тюремного заключения и сослан в г. Ульяновск.

¹⁰ Тимофеев Евгений Михайлович по процессу ЦК ПСР был приговорен к смертной казни с заменой на 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией. В 1925 г. выслан в г. Коканд.

¹¹ 29 января 1925 г. цекисты, находящиеся в Бутырской тюрьме и заканчивавшие свои тюремные сроки, протестуя против назначенных им ОГПУ мест ссылок, начали голодовку, продолжавшуюся до 6 февраля 1925 г. (см. К. Н. Морозов. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика сопротивления. Москва: Росспэн, 2005. С. 555 - 563).

¹² Менжинский Вячеслав Рудольфович в 1925 г. - зам. председателя ОГПУ.

¹³ В 1924 г. в Праге русскими эмигрантами был организован «Политический Красный Крест» (ПКК), но Пражское полицейское управление отказало ему в регистрации, мотивируя свой отказ тем, что в Чехословакии, согласно закону от 15 ноября 1867 г., иностранцам запрещено создавать политические общества. «Потерпевшие» обжаловали это решение через суд, отрицая политические мотивы Общества. Одним из аргументов была ссылка на русскую традицию: «исходным пунктом является русский взгляд на арестантов, как он толкуется в капитальных трудах русской литературы («Записки из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского и «Воскресение» Л. Н. Толстого)». Арестант является для русского человека в первую очередь человеком несчастным, всячески заслуживающим помощи. Оказание помощи таким людям отнюдь не может рассматриваться как одобрение их проступков; Общество не интересуется тем, что арестант является для русского человека в первую очередь человеком несчастным, всячески заслуживающим помощи. Оказание помощи таким людям отнюдь не может рассматриваться как одобрение их проступков; Общество не интересуется тем, что арестант является для русского человека в первую очередь человеком несчастным, всячески заслуживающим помощи.

стант совершил, оно исходит лишь из того факта, что арестант является человеком, поставленным в бедственное положение, нуждающимся в помощи, которая ему и оказывается. Помощь арестантам имеет, следовательно, характер благотворительный и лишена каких-либо других целей, «подобна тому, как это имеет в виду Священное Писание, считая между поступками телесного милосердия также и посещение тюрем». Устав общества с измененным названием - «Благотворительное Общество Помощи заключенным в России» был утвержден Министерством внутренних дел Чехословацкой Республики только в сентябре 1925 г. И хотя заявленное название «Политический Красный Крест» (ПКК) принято не было, тем не менее, Общество было известно как ПКК. Список членов Общества включал более 100 имен. Кроме русских эмигрантов, которые составляли большинство, в него входили и чешские граждане. В Общество вошли историки А. А. Кизеветтер и В. А. Мякотин, В. Ф. Булгаков – секретарь Л.Н. Толстого, С. П. Постников – редактор дореволюционного журнала эсеров «Заветы», Е. К. Брешко-Брешковская - «бабушка русской революции», Вас. Ив. Немирович-Данченко – писатель, фотограф, путешественник, брат режиссера МХАТа, Марк Слоним – писатель, редактор эсеровской газеты «Воля России» и др. Комитет учредителей состоял из 7 человек, секретарем - В. Н. Савинкова-Стомпфе. Е. Д. Кускова также была членом Общества.

¹⁴ Бах Алексей Николаевич - химик, основатель школы советских биохимиков, участник народовольческого движения, 32 года провел в эмиграции. Е. П. Пешкова в бытность свою в эмиграции сблизилась с семьей А. Н. Баха и по возвращении в Россию Бахи некоторое время жили у нее. А. Н. Бах и его жена А. А. Бах вошли в число учредителей МПКК, их дочь Л. А. Бах была членом МПКК и некоторое время работала в Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 3-4 об. Автограф.

1-15

M-me K. Prokopovicz-Kuskowa. Villa Beneš, 1258 Praha – Košiče, Czechoslovakia.
22/IV 1925. Варшава.

Екатерина Дмитриевна! Подтверждаю, порядка ради, получение Вашей открытки. Я еще не скоро уеду и, конечно, до отъезда сообщу Вам. Рад бы знать, что решает Пешех<онов>. Наш спор с Вами решит жизнь. Хорошо то, что Вы так умеете хотеть все понять, и поэтому всякий Ваш честный противник должен Вас уважать. Рад бы получить еще письма от Вас.

Привет.

Мих<аил> Львович¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 9а. Открытка. Автограф.

1-16

Pani K. Prokopovicz. Villa Beneš, 1258 Praha– Košiče, Czechoslovakia.
Варшава. 28/IV 1925.

Екатерина Дмитриевна! Не откажите спросить Сер<гея> Ник<олаевича> и себя и написать мне, есть ли научные работы, изданные в виде <статей> в Совет<ской> России или за границей, и если есть, то какие - трактующие марксизм в связи с большевистскими экспериментами в России, т<о> е<сть> ввел ли большевизм изменения в историю.

У меня сильная мигрень, трудно мысли собрать, поэтому больше не пишу¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 9. Открытка. Автограф.

1-17

2/V 1925. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна!

Вы очень вежливо обругали меня за термин «честный противник». Я не помню точно содержания своей открытки, но помню, что употребил этот термин в общем смысле, т<о> е<сть> хотел сказать, что даже противникам приятно иметь дело с Вами как с «честным противником». Вы поняли, что я хотел противопоставить себя Вам как Вашего противника. Чувствую, что это обидело Вас, и извиняюсь, т<а>к к<а>к меньше всего хотелось бы мне этого: слишком я Вас уважаю. А по существу, чтоб не было недоразумений, могу Вам сказать, что, пожалуй, были и остались мои взгляды близкими к независимым. Я прекрасно отдаю себе отчет в отрицательной стороне медали, вижу и положительную; вижу, что жизнь стала не только сытнее, но что она движется, что пропасть между властью и населением уменьшается, что «смычка» становится все меньше призрачной; и что жгучая ненависть, главным образом, в обиженных людях из интеллигенции и прежних, власть экономическую и политическую имущих, от которых вы за границей сведения получаете.

В России, насколько я могу судить, в «признания» даже никто не верит, но во всяких заграницах отдают себе отчет, что Россия все быстрее становится на ноги экономически, что нельзя ее вычеркнуть, как раньше, что «смычка» с крестьянством со всеми ее последствиями – это теперь факт, а не фраза, т<а>к к<а>к от нее зависит удержание власти: а следствием этого и изменение внутренней политики: ставка на народного учителя, агронома, уездного и волостного врача, перевыборы сельсоветов и волсоветов, ставка на «трудолюбивого» крестьянина, уменьшение налога, политика товарной интервенции, желание вновь привлечь частный капитал и т<а>к д<алее> – первые ласточки. И я думаю, что через год - два целый ряд эмигрантов сможет возвратиться.

Мне отрицательная сторона медали не менее чем Вам известна, и я борюсь с ней, что доказал своей семилетней работой, связанной со многими неприятностями, и личными, и материальными, и семейными, поэтому упрек Ваш в «одобрении» всего не должен иметь место; но я вижу тот просвет, те положительные признаки, которых Вы не видите. Кто прав из нас, ближайшие годы покажут.

Кстати, или не кстати: думаю, что выбор Гинденбурга¹ будет иметь следствием сближение Франции с Россией, что тоже чревато последствиями.

Думаю, что Ал<ексею> Васильевичу> нужно бы после подачи заявления² написать Ек<атерине> Павл<овне>, чтобы нажала, а то я не знаю, когда уеду. Е<катерине> П<авловне> деньги теперь нужны.

Жму В<ашу> руку.

М<ихаил> Л<ьвович>³.

¹ Гинденбург Пауль, фон – немецкий военный и политический деятель, генерал-фельдмаршал с 1914 г. В 1925 г. был избран президентом Веймарской республики.

² 16 мая 1925 г. А. В. Пешехонов подал советскому полпреду в г. Праге (В. А. Антонову-Овсеенко) нижеследующее заявление.

«Полномочному Представителю СССР в Чехословакии.

В 1922 г. я вместе с другими лицами по распоряжению ГПУ был выслан из пределов СССР за границу, причем срока высылки мне не было указано. Имея, однако, ввиду, что по действующему советскому законодательству высылка может быть назначена на срок не более 3-х лет, я полагаю, что срок моей высылки во всяком случае истекает в текущем году. Желая возможно скорее возвратиться в Россию, я прошу Вас теперь же выяснить вопрос, могу ли я и когда именно получить визу на въезд в пределы СССР. 16/V 1925». // ГАРФ. Ф. 1. Д. 390. Л. 142-143.

³ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 10-11 об. Автограф.

1-18

<Между 2 и 28 мая 1925. Варшава>.¹

III

<...> крестьян, рабочих и новой буржуазии, нарождающейся из пепла. А т<а>к к<а>к идеологи этой последней могут родиться только во II поколении, т<а>к к<а>к новые нэпманы думают только о быстрой наживе, то все строгости обрушиваются, а скорей, обрушились, на теоретич<ески> возможных идеологов и не совсем по адресу.

Но если посмотреть поспокойнее, то все-таки отказов от ненужных опытов все больше, а в частности, примирения с интеллигенцией все больше. И если Вы посмотрите на то, что было еще 3 года назад и теперь, то Вы и сами заметите: больше

борьбы с ближайшей конкуренцией, т<о> е<сть> с-р<ами> и с<оциал>-
д<емократами>, но меньше с т<ак> н<азываемой> демократической интеллигенци-
ей, несмотря на высылки заграничные. Я особенно почувствовал это, когда был на
открытии лучше в Европе устроенного химич<еского> генератора проф. А. Н. Баха,
где речи представ<ителей> власти – были замечательными речами, которые можно
бы слышать в любом европейском городе на открытии подобного генератора, и где
были все вместе: свет науки и крупнейшие представители власти. Я думаю, что, с
другой стороны, при известном сдвиге в понимании истинной демократии среди ин-
теллигенции Вашего типа – Ваши мечты – это не «не надежда sentimentalных ду-
раков», к<а>к Вы пишете. Но чего я боюсь, то воспитывающейся за границей моло-
дежи, к<а>к я слышал, в монархическом духе. Это хуже, если это так, чем влияние
всяких реакционеров. И Ваша борьба с этим явлением чрезвычайно важна.

Только что получил письмо от Ек<атерины> Павл<овны>. Пока еще ответа
на мой вопрос нет. Пишет только, что ей тяжело работать без меня и когда приеду. Я
и сам не знаю, но, во всяком случае, думаю, месяца через два быть там.

Т<а>к к<а>к я уже прервал философствования, то уж и не кончу, особенно,
ввиду длинова письма.

Большой привет Сергею Николаевичу и общим знакомым. Жму В<ашу> руку.
Мих<аил> Льв<ович>².

¹ Начало письма утеряно. Датируется предположительно (по контексту).

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 117-119. Автограф.

1-19

Pani K. Prokopovich-Kuskowa. Villa Beneš, 1258 Praha – Košiče, Czechoslovakja
Варшава. 28/V 1925.

Екатерина Дмитриевна! Я получил и Ваше последнее письмо, и пре-
дыд<ущее>. Большое Вам спасибо за оба. Я сегодня же написал Ек<атерине>
Павл<овне>, прося сослаться на мой личный запрос и поскорее прислать ответ. Ду-
маю еще месяц пробыть здесь, а то не налаживаются мои личные и паспортные дела.
Думал побывать за границей и у Вас – но паспорт стоит здесь 50 дол<ларов>, и все
этим расстраивается. До отъезда - за несколько дней напишу Вам – так что пока не
получите уведомление – я еще в Варшаве. С Сав<инковым> - кошмар. Его собст-
венный сын, навещавший его, ничего не заметил в нем. Но тайны здесь нет: просто
нервы не выдержали, и покончил с собой.

Чем болеет Сер<гей> Ник<олаевич> и лучше ли ему? Надеюсь, Вы не сердитесь на меня?

Мих<аил> Льв<ович>.

Ек<атерина> Павл<овна> без средств¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 12. Автограф.

1-20

Pani K. Prokopovich-Kuskowa. Villa Beneš, 1258 Praha – Košiče, Czechoslowacja
Варшава. 4/VI 1925.

Екатерина Дмитриевна! Возвращаюсь к Вашему письму от 1/V. Печатана ли работа Сер<гея> Ник<олаевича> о роли средних классов в капиталистич<еском> об<щест>ве; если да, то не можете ли прислать ее; а его работа о приложении коррелятивного метода к социальному анализу? А Бернштейна «Спорные работы социализма»¹ и книга Каутского² – вносят ли что-нибудь новое или же это новое освещение старых песен?

Как здоровье Сер<гея> Ник<олаевича>? Жму В<ашу> руку.

Мих<аил> Льв<ович>³.

¹ Бернштейн в своей книге «Спорные вопросы социализма» (Берлин, 1921. На русский язык переведена не была) продолжал критиковать философское и экономическое учения Маркса, отстаивая не революционный путь развития, а мирные реформы, при которых происходит вращение нового социалистического общества в капитализм. Свои взгляды он излагал и в предыдущих работах, основной из которых является книга «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (Лондон, 1899. На русском языке вышла в 1901).

² По-видимому, речь идет о книге К. Каутского «От демократии к государственному рабству» (Берлин, 1921), где он выступал с критикой большевистского пути развития страны, утверждая, что социализм можно строить только в условиях демократии и методами демократии. К. Каутский, выступавший 30 лет тому назад как оппонент Бернштейна, в общем, стал высказывать те же идеи (не крушение капитализма, а развитие его предполагает укрепление позиций пролетариата).

³ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 13. Открытка. Автограф.

1-21

12/VI 1925. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Большое Вам спасибо за Вашу открытку с Вашими ценными указаниями насчет работ Сер<гея> Ник<олаевича>, Бернштейна и Каут-

ского. Спасибо за второй номер экономич<еского> сборника¹ и за обещанный третий номер. Книги Сер<гея> Ник<олаевича> я не получил и рад бы получить ее.

Здесь заинтересовался очень работами Сер<гея> Ник<олаевича> известный здесь экономист старый профессор Сигизмунт Геринг. Пока даю ему читать мои два сборника и обещал книгу Сер<гея> Ник<олаевича>. Но если бы Вы могли послать ему непосредственно как сборник, так и книгу – было бы очень хорошо. Денег у него на покупку нет, а это заслуженный старик, хороший экономист.

Адрес его: Profesor Zygmunt Hering. Departament Uberfieczen. <...> Warhawa. Думаю в конце месяца уехать. Как здоровье Сер<гея> Ник<олаевича>? Жму В<ашу> руку.

Михаил Львович².

¹ С. Н. Прокопович, переехав из Берлина в Прагу, начал выпускать «Русский экономический сборник». Издавался он Русским экономическим кабинетом, организованным С. Н. Прокоповичем при культурно-просветительском отделе Земгора. Всего вышло 12 номеров сборника в течение 1925-1928 гг.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 14-14 об. Автограф.

1-22

Frau Prof. K. Prokopovich bei Nähuelstr 20^{III}. Berlin-Friedenan.

24/VI 1925. Варшава.

Екатерина Дмитриевна! Уезжаю 3/VII и, согласно обещания, пишу Вам об этом. Рад был до отъезда узнать от Вас о здоровье Сер<гея> Ник<олаевича>. Статьи его очень интересны и очень мне понравились. Кажется мне, что в статье о народ<ном> доходе слишком поспешно обобщение о повоенной тенденции: все-таки слишком короткий срок прошел; а в статье о типах крестьянских хозяйств – не достаточно взята во внимание возможность крупнокапитал<истической> обработки даже средних и мелких крестьянских хозяйств (тракторы и пр<очее>). Но, может быть, эти замечания неспеца ничего не стоят. Об А<лексее> В<асильевиче> <Пешехонове> не забуду. А Вас на прощание хочу сердечно поблагодарить за Ваше дружественное теплое отношение.

Привет Сер<гею> Ник<олаевичу>. Жму В<ашу> руку.

Мих<аил> Львович¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 15. Открытка. Автограф.

1-23

30/XII 1925. Варшава.

Я не уверен почему-то, что Вы в Праге, почему только несколько слов пишу.

Приехал на короткий срок и 8-го думаю возвращаться.

Не могу Вам заочно сказать о Пеш<ехонове>, но думаю, что вопрос о нем будет скоро улажен. Когда писал Вам в прошлом году о нем – у меня был положительный ответ, после его статей нашли, что его пребывание за границей полезно; теперь, по нашей просьбе, должны поставить этот вопрос на пересмотр¹. Конечно, это только для Вашего сведения, Екатерина Дмитриевна, не для широкого потребления.

Очень жалею, что я, будучи так близок от Вас, никогда не мог собраться повидать Вас.

Приветы Сер<гею> Ник<олаевичу>. Как его здоровье?

Сердечно жму В<ашу> руку. Михаил Львович².

¹ В письме к М. Горькому от 14 августа 1925 г. Е. Д. Кускова писала, что Пешехонов «возбудил недавно ходатайство о возвращении в Россию ввиду истечения срока (трехгодичного) ссылки. Долго ждал ответа. И получил: отказ. Для всех прекрасных, которые ждут, что все «образуется бескровно», - иллюстрация изумительная. Ведь Пешехонов признает Советы и Октябрь не для практических целей, а нутром, для себя. Но признать – недостаточно, нужно еще пасть ниц, испачкать все свое я, и, вот так вывалившись в грязи – явиться на службу новому строю». // Архив А. М. Горького. Том XVI. А. М. Горький и М. И. Будберг. Переписка (1920-1936). М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 309.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 1. Автограф.

1-24

Варшава. 12/I 1926.

Екатерина Дмитриевна! Не величаю Вас «уважаемая», т<а>к к<а>к это слишком уж холодно и официально, а у меня всегда к Вам теплое чувство за Вашу чистоту и горение. Как видите, я задержался в Варшаве, но 15-го все-таки уезжаю. Очень жалко, что так всегда складывается, что не удастся мне повидаться с Вами, но мои финансы никогда не разрешают мне дальше Варшавы двинуться. Все-таки не теряю надежды повидать Вас до Вашего отъезда в Америку, хотя и рад буду, если поскорее поедете, что будет признаком здоровья С<ергея> Н<иколаевича>. Только не задерживайте<сь> надолго. Я все-таки думаю, что Ал<ексей> Вас<ильевич> скоро возвратится, а вслед за ним и Ваше время настанет, несмотря на Вашу одиозность. Отношение к интеллигенции – пускать не хотят, считая, что достаточно своей безработной, но людей с головой и знаниями как будто охотно будут пускать. В том чис-

ле, вероятно, и кооператоров. На общие темы, очевидно, на сей раз не придется с Вами поговорить, а то все равно не застанет меня Ваше письмо, но с удовольствием констатирую поворот в Вашей оценке многого.

Хорошо будет, если Ваше об<ществ>о сумеет собрать немного денег и прислать их. А то уж очень нужны. А раз Вы там, значит, не будет того, что в Париже и, очевидно, в Берлине, что собирается на Полит<ический> Крест, а только 1/3 попадает Ек<атерине> Павл<овне>, а остальные - на Кресты с-ров и меньш<евиков>. Спрашиваете про Ек<атерину> Павл<овну>. Она оправилась от фурунк<улеза> совершенно, но как-то больше устает теперь. К счастью, дел гораздо меньше. Но беготни не меньше, т<а>к к<а>к большая идет корресп<онденция> с ссылками и тюрьмами, и много беготни по этому поводу.

Мар. Ник.¹ умерла от заворота кишок и неудачной операции. Вообще, Москва как-то стала прославляться неудачными операциями.

Фр<унзе>² был просто зарезан знаменитыми хирургами. О причинах смерти Есенина³ узнал из газет уже за границей. Думаю, что не нашел себе места, ушел от одних, не пришел к другим. Притом был болен, пил ужасно, был неудовлетворен собой, как поэтом, как человеком; видно, и женитьба не дала счастья ему. Жаль Софии Андреевны⁴.

В Польше ужасный экономич<ический>, финанс<овый> и политич<еский> кризис. Полный психоз: все ждут «встряски», лишь бы стало иначе. Но никто не хочет быть Муссолини⁵. Какая-то апатия. Все ждут, что будет! Очевидно, довольно длительная вегетация и колонизация американским или даже частично английским капиталом. Если польские фашисты посмеют устроить «встряску», то, очевидно, будет противодействовать и ППС⁶ и Пилс<удский>.⁷ На умную политику по отношению к меньшинствам, видно, не решатся, а это могло бы в корне поправить дела. Как будто возможно использовать стремление России связать Польшу экономически ради мира и ввиду, по-моему, давно намечающегося блока из Японии, Франции, России, к которому могла бы примкнуть Польша, но здесь нет смелости и глубокой политич<еской> мысли. А жалко. А то это страна со всеми реальными возможностями быть большой могущественной страной, и так погибает.

Вот не хотел затронуть политич<еских> тем – и поневоле затронул. Но знаю, что Вы всегда были большой сторонницей независимости Польши – и потому заговорил с Вами на эту тему. Но уже кончаю.

Рад буду, если пришлете третью и четвертую книжку экономич<еского> сборника. Приеду – прочту, а пока прочтет жена⁸, экономистка хорошая.

Привет С<ергею> Н<иколаевичу> и Ев<гении> Ив<ановне>⁹.

Жму В<ашу> руку.

Мих<аил> Льв<ович>¹⁰.

¹ Лицо не установлено.

² М. В. Фрунзе умер 31 октября 1925 г. в Москве после операции язвы желудка. Его неожиданная смерть породила слухи о том, что он был убит по приказу Сталина.

³ Есенин Сергей Александрович (1895-1925) – поэт крестьянской Руси. В 1919-1923 гг. входил в группу имажинистов. В состоянии депрессии покончил жизнь самоубийством.

⁴ Толстая Софья Андреевна (1900-1957) – внучка Л. Н. Толстого, замужем за С. М. Сухотиным, затем - с октября 1925 г. за Сергеем Есениным. Работала в Государственном музее Л. Н. Толстого.

⁵ Муссолини – итальянский политический и государственный деятель, основатель итальянского фашизма. В 1925-1926 гг. установил в стране тоталитарный однопартийный фашистский режим.

⁶ ППС – Польская социалистическая партия. Создана в 1892 г. на съезде польских социалистов в Париже. В декабре 1948 г. вошла в состав Польской объединенной рабочей партии.

⁷ Пилсудский в 1918-1923 гг. стоял во главе Польского государства, руководил военными действиями против Советской России, затем ушел со всех государственных должностей. В 1926 г. вновь пришел к власти в результате военного переворота и стал фактическим диктатором страны.

⁸ Жена – Винавер Елена Германовна, переводчик с русского на польский, после Октябрьской революции постоянно проживала в Варшаве.

⁹ Репьева Евгения Ивановна жила в семье Е. Д. Кусковой.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 37-38. Автограф.

1-25

Pani K. Prokopovich-Kuskowa. Villa Beneš, 1258 Praha – Košiče, Czechosłowacja.
Варшава. 10/VI 1926.

Екатерина Дмитриевна! Я почти уверен, что Вас нет в Праге, и пишу на всякий случай. Но если Вас открытка застанет, то напишите сейчас, а то я пробуду 7-10 дней – и тогда напишу по-настоящему.

Привет С<ергею> Н<иколаевичу>.

Михаил Львович¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 34. Открытка. Автограф.

1-26

17/VII 1926. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна!

К моему удивлению, я получил Ваше письмо еще из Праги. Успею написать Вам до отъезда, и Вы успеете получить его до Вашего отъезда.

Спрашиваете про Ек<атерину> Павловну. Она к 29<-му> или, в крайнем случае, к 31-му с<его> м<есяца> будет в Варшаве, затем через Берлин поедет в Италию в Сорренто и через месяц или 6 недель возвратится. Так что Вы сможете с ней списаться. В Варшаву пишите ей в Европейскую гостиницу, где она останавливается. В Сорренто прежний адрес Ал<ексея> Макс<имовича>.

Мне можете всегда писать в Варшаву по адресу: Ян Колбасинский, Золотая ул<ица>, 30, для меня. Уеду в ближайшую среду, и если Вы захотите написать, то сразу только экспрессом, чтоб письмо дошло вовремя.

Мне бы очень хотелось побывать за границей, но всегда и личные и материальные дела так складываются, что не могу своего желания исполнить.

Е<катерина> П<авловна> получила деньги из Праги; все ли – не знаю. Кой-как концы с концами сводим, хотя всегда безденежье, помощь небольшая, но бюджет годовой доходит до 30-40.000 руб<лей> (включая пожертвования на отд<ельных> лиц или группы). К сожалению, деньги, собираемые на заключенных в Берлине или Париже, не доходят и в 1/3, судя по печатаемым отчетам.

В России за последние ½ года, когда я Вам <не> писал, изменения небольшие. Эти ½ года были тяжелые в экономич<еском> и финансовом отношении, но теперь становится лучше, ввиду предстоящего урожая, как будто недурного, и ввиду того, что все затруднения и осложнения, связанные с внезапным сокращением экспортного и импортного плана, хозяйственные и финансовые, в значительной части позади. Но нехватка всего необходимого, несмотря на уменьшение хвостов, - громадная, и потребности далеко превосходят довоенный уровень, до которого в производстве в среднем Россия дошла.

Пожалуй, ново – изменения отношений к сменовеховцам¹, уже замечаемое. Доказательство: высылка из России Лежнева². Теперь так валом интеллигенция идет в работу, и так в корне изменилось отношение к работающей интеллигенции, что сменовеховцы очутились в положении ненужного выжатого лимона. В связи с этим или без связи – все еще не решен вопрос о Пешехонове.

Привет Сер<гею> Ник<олаевичу> и Ев<вгению> Ив<ановне>.

Статьи не успел еще прочесть.

М<о~~жет~~> б<ыть> все-таки напишите. Жму Вашу руку.

Михаил Львович³.

¹ Сменовеховцы – группа российских эмигрантов-интеллигентов, образовавшаяся за границей в 1921 г. и получившая название по издаваемому ею журналу «Смена вех», выходившему в Париже (1921-1922), сборник с тем же названием издавался в Праге. Сменовеховцы отказались от борьбы с советской властью, признав ее. Восстановление в России хозяйства, разрушенного в результате войны и революции, путем введения НЭПа воспринималось сменовеховцами как путь к построению более мощного «культурного» капиталистического хозяйства, чем дореволюционное. Теоретики сменовеховцев (Устрялов, Потехин, Бобрищев-Пушкин, Ключников и др.) обсуждали необходимость введения в России мероприятий, ведущих к укреплению капиталистических элементов в хозяйстве.

² Лежнев Исай Григорьевич в 1922-1926 гг. – редактор советского сменовеховского журнала «Новая Россия», в 1926 г. выслан из СССР.

³ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 35-36. Автограф.

1-27

M-me K. Prokopovicz-Kuskova. Villa Beneš, 1258 Praha – Košiče, Czechoslovacja.
Варшава. 27/XII 1926.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Не знаю, в Праге ли Вы, но на всякий случай пишу. Как долго буду здесь, не знаю. М<о~~жет~~> б<ыть>, 3 дня, а м<о~~жет~~> б<ыть>, и 3 недели, скорей всего что-то среднее. И рад бы получить весточку от Вас. Просила также Ек<атерина> Павл<овна> спросить Вас, получили ли ее письмо, еще из Варшавы, если не ошибаюсь, и каков Ваш ответ.

Что касается Креста, то положение его материальное – скверное; работать не мешают. Из-за границы, кроме с-р, присыл<ающих> для с-ров, – опять ничего почти не присылают.

Привет С<ергею> Н<иколаевичу>.

Мих<аил> Льв<ович>. Адрес: Zlata 30, кв. 26¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 41. Открытка. Автограф.

1-28

Варшава. 31/XII 1926.

Екатерина Дмитриевна! Ек<атерина> Павл<овна> просила Вас спросить Бор<иса> Ник<олаевича>¹, кому он перевел в свое время 200 руб<лей>: лично

Сар<е> Ник<олаевне>², для цекистов или для с-ров заключенных и ссыльных, а то, несмотря на запрос, он не ответил.

М<ожет> б<ыть>, Вы при случае поставите вопрос насчет сбора и посылки денег, особенно из Парижа. За весь год мы получили 35 + 35 + 30 дол<ларов>, хотя были собраны большие суммы, что видим не из отчетов, которых у нас нет, а из тех сумм, которые присылают с-ры для заключ<енных> и ссыльных с-ров, а они ведь получают 1/3. Меншевики посылают на ссыльных не нам, а непосредственно, но гроши. Почему деньги, собираемые на пом<ощь> закл<юченным> на имя Полит<ического> Кр<асного> Кр<еста>, идут только в 1/3 и то теоретически, нам – неизвестно, но и 1/3 не попадает.

Теперь в «Новостях» или в «Послед<них> Извест<иях>» заметка о встрече Нов<ого> Года в пользу закл<юченных> и сс<ыльных> без различия партий и внепартийных³. Напомните, о чем я и Берте Борис<овне>⁴ в Париж написал, чтобы деньги были переданы через Банк на имя Ек<атерины> Павл<овны> и немедленно, тогда попадут⁵.

Я пишу Вам, хотя и не уверен, в Праге ли Вы, а то еще не ответили на открытку.

Если Вас письмо застанет, ответьте немедленно, чтоб застал меня ответ.

Привет Вам и Вашим.

Мих<аил> Львович⁶.

¹ Рабинович Борис Николаевич был казначеем Пражского ПКК.

² Гоц (ур. Рабинович) Сара Николаевна – жена А. Р. Гоца и сестра Б. Н. Рабиновича. В 20-30-х годах – в ссылках вместе с мужем.

³ В конце 1926 г. в эмигрантских газетах «Дни», «Последние новости», «Руль», «Возрождение» было помещено объявление: «Прага. “Благотворительное Общество помощи заключенным и ссыльным в России” (известное под именем “Политический Красный Крест”) устраивает 13 января 1927 г. свой традиционный Бал-Вечер “Встреча Русского Нового Года”. Председатель Финансово-Административного отдела Иван Калюжный». К сожалению, вечер встречи нового 1927 года дохода не принес.

⁴ Меринг Берта Борисовна – одна из членов-учредителей МПКК, в эмиграции с 1921 г. Жила в Париже, работала в зарубежных организациях помощи политическим заключенным и ссыльным в России.

⁵ Еще в июне 1926 г. Е. Д. Кускова сообщала А. А. Виноградову (секретарь Пражского ПКК) о том, что она списалась с Е. П. Пешковой и М. Л. Винавером и что «пересылать деньги Ек<атерине> Павл<овне> чрезвычайно просто – чеком через Банк, лучше не от учреждения, а от лиц. Расписку в получении она всегда присылает. Сейчас деньги очень нужны, тюрьмы снова переполнены. Адрес ее: Екатерине Павловне Пешковой, Машков пер., дом 1, кв. 16. Когда перешлете чек, в письме сообщите: для политзаключенных в тюрьмах и ссыл-

ках. Если есть отдельное назначение для каких-либо сумм – сообщите и это. Во всяком случае, разрешение на посылку денег мне дано». // ГАРФ. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 10. Л. 145.

⁶ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 32-33. Автограф.

1-29

Варшава. 7/І 1927.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Я не сразу ответил на Ваши два письма, а то хотел ответить поосновательнее, и все не мог найти времени, чтобы засесть и ответить по-настоящему.

Сначала по Вашим вопросам. Об аресте Павла Долгорукова¹ мы как-то смутно слыхали, но не были уверены, правда ли это. Т<а>к к<а>к никто не обращался насчет него, то мы не запрашивали, боясь повредить ему, если неверными бы оказались слухи. Теперь, конечно, займемся им, о чем я уже написал Ек<атерине> Павл<овне>. Что грозит ему, трудно сказать, но думаю, что, вернее, администр<ативное> наказание, чем суд. Не желая гадать, напишу, когда нам скажут. Не думаю все-таки, чтоб больше высылки или ссылки. Пока никто о нем не хлопотал, не помогал, по крайней мере, мы этого не знали; не знали даже, что он в Москве (если это сведение только верно). Что касается защиты, то думаю, что не будет нужды в ней, т<а>к к<а>к дело не пойдет в суд; но если бы нужна была, конечно, организуем. Обратимся к Пав<лу> Ник<олаевичу>² или другому защитнику той же меры. На письмо брата П<авла> Д<олгорукова>³ - я ответил ему.

Спрашиваете про Ек<атерину> Павл<овну>. Она очень тяжело перенесла всю эту историю⁴. Ставила вопрос о возможности дальнейшей работы, причем обуславливала эту возможность соответственно мнения заключенных, ссыльных и их близких, а не от мнения Лид<ии> Ос<иповны>⁵, Викт<ора> Мих<айловича>⁶ и им подобных эмигрантов. Все там в России требовали дальнейшей работы; утверждали, что, независимо от того, нравится или не нравится ее личное отношение к Д<зержинскому> и оценка его – это ее личное дело, и не должно иметь следствием оставление работы⁷.

Приятнее было бы, если б письмо не появилось – но это не ее вина, а отсутствие такта у Ал<ексея> Макс<имовича>. Она поехала отдохнуть на 2 - 3 недели на Кавказ после всего пережитого – и приехала бодрой, полной энергии. Когда я уезжал – уже начала немного спускаться.

Что касается денег на Крест, то еще хуже, чем Вы пишете. Даже та $\frac{1}{3}$, которую хотят присылать непосредственно Кресту, не попадает по назначению, и если б Вы могли выяснить, почему вместо этой $\frac{1}{3}$ – получено было из Парижа всего 30 + 35 + 35 дол<ларов> непосредственно в Крест, было бы очень хорошо. (Я исключаю деньги, присланные с-рами для заключ<енных> и сс<ыльных> с-ров). Если так дальше пойдет, то при все большей трудности получать деньги, возможно действительно прекратить работу, что приятно даже и Лид<ии> Ос<иповне> не будет. Кстати, и те деньги, кот<орые> она посылает непосредственно, только в небольшой степени доходят, как мне говорили ее друзья.

Вы пишете о той трагедии из-за отсутствия работы, снятия с работы, отсутствия средств и проч<ее>. К сожалению, очевидно, и в России массовых въездов не разрешат, т<а>к к<а>к боятся и не желают впускать в Россию из-за безработицы там. А безработица касается, главным образом, тех же служащих, интеллигентов и полуинтеллигентов, что и у Вас. Специалисты, конечно, получают разрешение так же, как и единицы по хлопотам, но массового впуска, очевидно, не будет. Тем более, что рост промышленности начинается уже более нормальным (рассчитан на 18 % в 1927 г. и на 12 % в 1928 г. вместо прежних 40 и 61 % в 1926 и в 1925 гг.), что увеличение рабочих (а следов<ательно>, и служащих) будет соответственно меньшим, что помешались в России на режиме экономии (к<а>к острят, на «прижмем»), что даже при увеличении числа фабричных рабочих за 2 г<ода> на 529.000 – безработица среди неквалифицированных рабочих увеличилась (из деревни «утекает» в город ежегодно ок<оло> 1.500.000 человек, чего ни город не может поглотить, ни деревня без поднятия ее культурного уровня и культуры земли не может удержать). Т<а>к что эти перспективы невеселые. Но мнение мое знаете: с капиталом быстро – а без него, кряхтя, медленно, но Россия становится все экономически крепче и сильнее. Тяжело в каждую отдельную минуту и в экономич<еском> и в финансовом отношении – но, посмотрев назад и вперед, – видишь всю линию развития – восходящую линию. Прекращаю это отступление, вызывающее обычный спор с Вами.

Вы спрашивали еще про дискуссию⁸. Содержание знаете из газет. Спор принципиальный и серьезный. Трещина большая. Но в массе ни один из оттенков оппозиции поддержки не встретил и не мог встретить, а что массе понятны не принципиальная разница и оттенки, а практические выводы, а эти последние, часто вразрез к теоретической части, сводятся и к прижиму крестьянства, выкачиванию средств из него, к высоким ценам на самые необходимые продукты фабрики и к низким ценам на продукты земли и так далее, следоват<ельно>, крестьянин и нынешний, вышед-

ший, главным образом, недавно из крестьянства, рабочий поддержать не может оппозиции. Это спор пока интеллигентский, как остряк Моисей выгнал евреев из Египта, а Сталин из Политбюро; пахло чесноком, а теперь шашлыком и т<ак> д<алее>. Пока полная победа Ст<алина>⁹, и политич<еские> и экономич<еские> следствия из этого, хотя пока больший прижим частника, чем до дискуссии.

Пора кончать. Очень, к<а>к всегда, приятно хоть письменно побеседовать с Вами. Жаль, что из-за материальных причин дальше Варшавы никогда не еду. Хотелось бы повидать Вас. А пока крепко жму Вашу руку. Передайте мой сердечный привет Сер<гею> Ник<олаевичу> и Екат<ерине> Ив<ановне>¹⁰. Может быть, еще напишете. Я, вопреки первоначальному плану, останусь еще, наверно, неделю.

Адр<ес> дома тот же, квартира 26 теперь.

Мих<аил> Льв<ович>¹¹.

¹ Долгоруков Павел Дмитриевич - князь. В июне 1926 г. перешел через границу Румынии и СССР. Направляясь из Харькова в Москву, был арестован на ст. Лопасня; 11 месяцев находился в Харьковской тюрьме. Расстрелян 7 июля 1927 г. «в ответ» на убийство в Варшаве советского посла П.Л. Войкова.

² Малянтович Павел Николаевич – адвокат, один из лучших политических защитников. Был членом Комитета МПКС.

³ Долгоруков Петр Дмитриевич – брат-близнец Павла Дмитриевича Долгорукова.

⁴ Речь идет о скандале, вызванном откликом Е. П. Пешковой на смерть Дзержинского. См. примечание 4 к письму 2-3.

⁵ Дан Лидия Осиповна - член Берлинского Комитета «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России».

⁶ Чернов Виктор Михайлович - один из создателей и лидеров ПСР, главный ее теоретик. В 1920 г. эмигрировал, с 1923 г. по 1939 г. жил в Чехословакии. Е. П. Пешкова была близко знакома с В. М. Черновым и его семьей с 1907 г.

⁷ См. письмо Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой от 18 октября 1926 г. (2-5).

⁸ В 1926 г. в СССР была организована дискуссия между левыми и правыми, на которой обсуждались дальнейшие пути развития страны. Левые - «объединенная оппозиция» (Каменев, Зиновьев, Троцкий) требовали первоочередного развития тяжелой промышленности, ведения борьбы с кулачеством, предоставления помощи революционному движению в других странах. Правые во главе с Бухариным стояли за союз с крестьянством и продолжение НЭПа. Сталин выступил на стороне правых.

⁹ В октябре 1926 г. в газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано «завещание» Ленина. После этой публикации Сталин обвинил Троцкого в двурушничестве, и на пленуме ЦК Троцкий и Каменев были исключены из Политбюро, а Зиновьев смещен с поста председателя Исполкома Коминтерна. 15 конференция ВКП(б), состоявшаяся в конце октября 1926 г., подтвердила победу Сталина над «объединенной оппозицией».

¹⁰ Описка автора: привет передавался Евгении Ивановне.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 44-49. Автограф.

1-30

Варшава. 27/IV 1927.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Приехал я в Варшаву дней на 10. По обыкновению – пишу Вам. Т<а>к к<а>к недавно писала Вам Ек<атерина> Павл<овна>, то я буду краток и напишу только о П<авле> Долгоруковом. Дело его закончится в течение ближайшего времени. Фельетон и телеграмму ТАССа Вы, наверное, читали (были в «Изв<естиях>» и «Правде»)¹. Мы с ним в постоянной переписке. Посылаем, что надо. Недавно послали белье, платье, пальто, деньги. Думаю, что скоро он будет освобожден и получит небольшую высылку – какой-нибудь не университетский город не в центр<альной> России, а в ноябре, очевидно, и это будет снято по амнистии. Но это мое предположение. Во всяком случае, отношение к нему стало хорошим.

Все это для Вас, его семьи, но не для печати и без указания источника, а то это не официально полученное решение, а частные разговоры.

Рад бы знать, как себя чувствуете Вы и Сер<гей> Ник<олаевич>.

Привет Вам обоим.

Мих<аил> Львович. Адрес: Zlata 30.

Долг<оруков> в письмах пишет, что ему сидится хорошо. Из писем видно, что держится бодро, что настроение не дурное, что здоров. Проявляет юмор.

Напр<имер>, письма кончает словами: «с буржуазным приветом» и т<ак> д<алее>.

О Крестовых делах, вероятно, писала Ек<атерина> Павл<овна> – и потому я не пишу².

¹ 9 апреля 1927 г. в газете «Известия» был напечатан фельетон Г. Рыклина «Знатный путешественник, или Как застрял в Харькове князь Павел Долгоруков». В фельетоне опровергались сообщения эмигрантских газет о том, что Долгоруков приговорен к смертной казни и приговор приведен в исполнение. Кроме того, приводились слова П. Долгорукова: «Я хотел своими ушами и глазами удостовериться, что собой представляет Россия, и выяснить, каким образом эмиграции не быть отрезанным от нее ломтем, т<а>к к<а>к пропасть между эмиграцией и даже небольшевистской Россией все углубляется, и обе стороны плохо друг друга понимают».

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 42-43. Автограф.

6/V 1927. Варшава.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Извиняюсь за бумагу, на которой пишу, но нет другой под рукой, а хочется Вам ответить. Я ведь приехал из России, где не обращают на это никакого внимания. И это, пожалуй, хорошо. Сначала отвечу на затронутые Вами вопросы. Прежде всего о Долгор<уковом>. Думаю, что слухи «Руля»¹ абсолютно вздорны. Я много раз о нем говорил – и вынес убеждение, что спор может идти только о том, освободят ли его совсем, дадут ли «-б» или сошлют в какой-нибудь город Урала или другой ссылки. Говорю – Урала, потому что об этом шла речь. Корреспонденция «Руля», очевидно, своеобразная переделка телеграммы «Известий» и «Правды» – интервью с нач<альником> Харьковского ГПУ. Действительно, Долг<орукова> обвиняли в связи с Национ<альным> центром² (или похожее название), но видят изменение его эмигрантских настроений – и первоначальный взгляд на него, как на опасный, специально и со специальными целями приехавший элемент, изменился. Разочарование его в правоэмигрантских настроениях, очевидно, хотят политически учесть и использовать, и поэтому я убежден лично и имею полное основание быть так убежденным на основании разговоров о нем с ответственными властями, что ссылка - это максимум. Я просил Ек<атерину> Павл<овну> уведомить меня о результате, и, конечно, сейчас же напишу Вам. Говорю об этом так подробно, чтоб Вас и Ваших успокоить.

По вопросу о посылке делегации на экономич<ескую> конференцию³ – Вы уже получили ответ фактом ее посылки. Что касается амнистии, то, конечно, по отношению к не политикам она будет большая. Что же касается политиков, то соответств<енный> админ<истративный> орган, очевидно, не большой сторонник ее; но высшие органы, судя по разговорам, за нее и за действительно широкую; очевидно, выйдет что-то среднее, а амплитуда ее – в зависимости от политич<еского> момента. Будет ли касаться эмигрантов – не знаю, но лично у меня сомнение. Если узнаю, напишу. То же о Ник<олае> Мих<айловиче> Кишкине. Уезжая, я не слышал о его болезни. С Ник<олаем> Дм<итриевичем>⁴ еще не виделся, но увижусь и Ваше поручение передам.

Очень благодарю Вас и С<ергея> Н<иколаевича> за экономич<еские> сборники. Статьи С<ергея> Н<иколаевича> в последнем номере читал. Статья об экономич<еских> основах национ<ального> вопроса⁵, по-моему, очень ценна прежде всего исчерпывающим и всесторонним ознакомлением молодежи с этим вопросом. Люди моего поколения не только следили за всеми теоретич<ескими> спорами по

национ<ому> вопросу, но и принимали живое участие в борьбе за малейшие завоевания национальных меньшинств – поэтому мы знакомы и теоретич<ески> и практич<ески> с подходами к решению национальной проблемы, но для молодежи такое глубокое и объективное освещение этого вопроса чрезвычайно ценно, а и для нас экономич<еский> подход очень интересен и приведенные данные очень ценны.

Конечно, с некоторыми выводами С<ергея> Н<иколаевича> насчет решения национ<ального> вопроса в современной России я не согласен. Не вдаваясь в полемику, я сказал бы, что по существу это соединение бундовской культурно-национальной с с-совской⁶ территориальной автономией – и что это остроумное соединение и спаяло теперь Россию, а развитие народного хозяйства и его производительных сил будет все больше внутренне спаивать ее при одновременно все большим расширении самостоятельности каждой составляющей части.

С выводами Сер<гея> Н<иколаевича> в статье, <что> изменили Запад<ную> Евр<опу> разрушительные последствия мировой войны, я согласен, и тоже думаю, что хозяйственная перспектива в Зап<адной> Евр<опе> не веселая – или другими словами: стабилизация неустойчивая.

И, вообще, послевоенное хозяйство, мне кажется, разваливается не только путем эволюции, но и мутации, если употреблять термин естественников. Но, думаю, что хозяйство России будет развиваться по-американски.

Пришли ко мне, поэтому кончаю, и так слишком длинное письмо, хотя и не закончил своих замечаний по второй статье.

Благодарю Вас и Ваших близких за память обо мне и крепко жму В<ашу> руку.

Мих<аил> Львович.

Еще неделю останусь⁷.

¹ «Руль» - ежедневная политическая эмигрантская газета кадетского направления, выходила в 1920-1931 гг. в Берлине.

² Летом 1918 г. представители несоциалистических политических партий, кроме крайних правых, объединились в общество, целью которого была борьба с большевиками. Оно получило название «Национальный центр». Позже, весной 1919 г., был образован «Тактический центр»; в него вошли члены свергнутого большевиками Временного правительства, представители интеллигенции, а также «Национальный центр». Оба общества централизованной структурой не обладали, не имели устава и четко сформулированной программы. «Тактический центр» имел характер «мозгового центра»: его члены вели долгие дискуссии по отдельным проектам государственного устройства, старались найти решение актуальных вопросов экономического и социального характера. В феврале - мае 1920 г. были арестованы 28 членов «Тактического центра», в августе 1920 г. состоялся суд, в результате которого 20 человек были приговорены к расстрелу с заменой на тюремное заключение от 3 до 10 лет,

остальные – к разным мерам наказания. В феврале 1921 г. осужденные по этому делу были амнистированы.

³ В мае 1927 г. в Женеве под эгидой Лиги наций состоялась Международная экономическая конференция, на которой присутствовала делегация от СССР, выдвинувшая свою программу. В качестве главного требования этой программы было «уничтожение системы протекторатов и мандатов, вывод войск из колоний и предоставление всем народам свободу политического и экономического самоопределения».

⁴ Кондратьев Николай Дмитриевич – выдающийся экономист-аграрник, специалист в области международной экономической конъюнктуры, соратник С. Н. Прокоповича по работе. В октябре 1917 г., когда С. Н. Прокопович был министром продовольствия, Н. Д. Кондратьев был его товарищем (зам. Министра). Они оба участвовали в работе подпольного Временного правительства, в «Союзе возрождения», в ВКПГ. Вместе с другими членами ВКПГ в августе 1922 г. был арестован, но по настоянию Наркомфина выпущен из тюрьмы и не отправлен за границу, а оставлен для работы в России. В 1932 г. по делу «Трудовой крестьянской партии» осужден на 8 лет тюрьмы.

⁵ Статья С. Н. Прокоповича «Об экономических основах национального вопроса» была напечатана в № 9 «Русского экономического сборника» (1927 г.).

⁶ СС - Объединенная Еврейская социалистическая партия. До 1925 г. была легальной. С 1925 г. начались преследования.

⁷ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 54-57. Автограф.

1-32

28/XII 1927. Варшава.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! И я Вам очень благодарен за Ваше хорошее ко мне отношение и память обо мне. К^{<a>} видите, во мне и одно, и другое не менее сильны.

Отвечаю сначала на Ваши вопросы. Итак:

1) Мальчику 14 лет, можно бы его приписать к любому русскому заграничному паспорту, но боюсь, что, ввиду того, что отец эмигрант, не захотят сделать это. Не трудно получить для него и русский паспорт, но думаю, что тогда придется уплатить ему 220 руб^{<лей>} за паспорт. Но беда в визе. Необходимо, чтоб ему выхлопотали визу в любую страну. В Польшу транзитную легко получить, но въездную очень трудно. М^{<ожет>} б^{<ыть>}, выхлопочете в Чехословакию. Это совсем легко. До Варшавы найдем ему опеку, а в Варшаве посадят его в вагон в Прагу. Для облегчения нужно бы заявление, что его вызывает отец или кто-нибудь из родных, причем подпись должна быть засвидетельствована в русском консульстве. Это стоит 3 рубля. В заявлении (вернее, справке) должно быть указано, что берут его на иждивение. Если мальчик должен уехать навсегда, то нужно это указать, тогда получит т^{<ак>}

наз<ываемую> привесную визу без права возвращения за 5 р<ублей> 50 к<опеек>. Не сможете прислать Ек<атерине> Павл<овне>, а мне пришлите обратной почтой то, что Вам известно о мальчике и отце (фамилию, возраст, адрес мальчика и адрес отца). Кроме стоимости паспорта – пока неопределенной – на дорогу до Праги понадобится дол<ларов> 25, считая от Астрахани – 30.

2) Кофе для Л<идии> П<етровны>¹ – я взял бы, но буду здесь еще недели полторы – две и обещал повезти Ек<атерине> Павл<овне>. Поэтому не обещаю, хотя и не исключено, что немного захвачу. А Вам советую послать посылку до 2 к<и>л<ограмм>. Приходит быстро и пошл<ина> небольшая на кофе и какао.

3) Ек<атерина> Павл<овна> к<а>к-то не очень хорошо себя чувствует, хотя специально ничем не больна. Жалуется на головные боли и сердце.

Ваш последний вопрос о том, к<а>к отразится на судьбах России победа над оппозицией. Думаю, что в ближайшее время Рос<сия> окрепнет. Провал оппозиции и был неизбежен, т<а>к к<а>к лозунги ее не могли быть популярны в государстве, где даже 90 % рабочих тесно связаны с деревней. Поэтому массы она не могла иметь за собой, и думаю, еще не сможет долгое время. Конечно, часть оппозиции – это лучшие в идейном смысле люди – но далекие от русской государственности идеалисты. К<а>к всегда, большинство кой-что переняло у оппозиции; теперь уклон влево, очевидно, временный, и немного демагогии, но после нескольких месяцев колебаний почувствовалась сила – и это хорошо подействовало и внутренне и внешне. Уже, к<а>к знаете из газет, первые 50 мил<лионов> на Макеевку; кончаются переговоры о 100 м<иллионах> на Алтай; это первые америк<анские> ласточки – и признак веры Запада в «стабилизацию» и отсут<ствие> военной опасности.

Ну, кончаю. Пожелаю Вам полного выздоровления Сер<гея> Ник<олаевича>. Привет ему и Евг<ению> Ив<ановне>. Жму В<ашу> руку.

Мих<аил> Льв<ович>.

Не сможете ли мне прислать статью Шульгина² о 3 стол<ицах³>⁴.

¹ Куприянова Лидия Петровна – двоюродная сестра В. Н. Фигнер, входила в ее ближайшее окружение. Одна из членов-учредителей МПКК. Активно участвовала в работе ПОМПОЛИТа.

² Шульгин Василий Витальевич.

³ Книга Шульгина «Три столицы» вышла в Берлине в 1927 г.

⁴ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 58-60. Автограф.

Варшава. 7/I <1928>¹.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Прежде всего - по интересующему Вас вопросу насчет мальчика.

Нам все равно, куда его направить: в Прагу или в Париж. Решите Вы, как Вам удобнее, и выхлопочите соответствующую визу на въезд. Когда уведомите Ек<атерину> Павл<овну>, что виза послана в Москву, мы напишем Жданову², чтобы прислал соотв<етствующие> бумаги и заявление. Не сможем написать раньше, т<а>к к<а>к ему нужно будет написать в заявлении – куда его посылать, а пока Вы не известите об этом – мы не будем знать. Если Вы решите повезти его сначала в Прагу – сможете визу получить быстро и успеете еще написать мне, т<а>к к<а>к я дней 7 - 10 останусь.

Надеюсь, что паспорт достанем ему быстро.

2) Отец пусть пришлет деньги Ек<атерине> Павл<овне>. Чтоб скорее было – лучше всего телеграфно.

3) Если мальчик поедет в Прагу – пусть на всякий случай Евг<ения> Ив<ановна> пришлет заявления (без заглавия), что на все время прибыв<ания> в Праге – берет его на свое иждивение, а затем перешлет к отцу. Подпись должна засвидетельствовать в русском консульстве. Для этого не нужно обращаться к Ант<онову> Овс<еенко>³, а просто зайти в Конс<ульство>, внести эквивалент 3<х> руб<левой> марки. Такая бумажка может дать возможность получить паспорт за 55 руб<лей> вместо 220 р<ублей>. Если это почему-то считаете затруднительным, то можно и без этого обойтись, но тогда придется, вероятно, 220 р<ублей> уплатить.

4) Вы не ответили на вопрос, уезжает ли мальчик навсегда, или хотите сохранить право возвращения его, т<о> е<сть> хотите для него т<ак> н<азываемую> «привесную визу» за 5 р<ублей> 50 к<опеек> без права возвращения или обычный паспорт (за 220 или 55 р<ублей>). Первую, конечно, гораздо легче получить. Кажется, о мальчике я написал все, что Вам нужно было знать.

Спасибо за «Экон<омический> сбор<ник>». Получили последний номер за ноябрь, если не ошибаюсь. Спасибо и за книгу. Еще ее не получил, т<а>к к<а>к здесь цензура всякую книгу, напечатанную русскими буквами, держит бесконечно долго или не доставляет. Но «Три столицы», конечно, получу. Я ждал их еще там. Хотелось мне получить не столько книгу, сколько статьи Шульгина позднейшие, с

содержанием которых я знаком, но кот<орые> читал в перепечатках, а не в оригинале, и рад бы уяснить, что верно, а что прикрашено.

Вам, конечно, трудно будет получить разрешение на въезд. Но думаю, что это не так безнадежно через некоторое время, как Вы думаете. Особенно после приезда Пешехонова, который ведь еще через некоторое время сможет состояться⁴. Если хотите, я спрошу, получите ли Вы визу на время; хотя бы ради любопытства стоило бы это сделать.

Подтвердите мне еще получение этого письма. Желаю полного выздоровления С<ергею> Н<иколаевичу>. Привет Евг<ению> И<вановне>, а Вам жму руку. Мих<аил> Льв<ович>⁵.

¹ В подлиннике дата «1927» - ошибка автора.

² По-видимому, Жданов Владимир Анатольевич, адвокат, сотрудник юридического отдела МПКС.

³ Антонов-Овсеенко Владимир Александрович – советский партийный и государственный деятель. В 1928 г. – полпред в Чехословакии.

⁴ В августе 1927 г. А. В. Пешехонов получил из Москвы предложение занять место экономического консультанта в странах Прибалтики.

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 50-53. Автограф.

1-34

Варшава. 16/I 1928.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Отвечаю Вам на Ваше письмо от 9/I.

Насчет мальчика Вы не ответили еще на один вопрос: уезжает ли он навсегда или выхлопотать ему обычный паспорт с правом возвращения. Первое легче и дешевле; второе – не лишает его возможности возвратиться, если захочет.

Я совсем не отдавал себе отчет, что Сер<гей> Ник<олаевич> настолько болен, что даже кровь переливали. Но ведь это обычно бывает при слишком большом количестве белых шариков в крови. Напишите мне точно, как себя теперь чувствует Сер<гей> Ник<олаевич> после переливания крови и что говорят врачи.

Насчет издания его работ – я пишу ему отдельно – и вполне верно то, что книги его будут печатать охотно.

Когда Сер<гей> Ник<олаевич> почувствует себя совсем хорошо – напишите, и тогда я и Ек<атерина> Павл<овна> поговорим о В<ашем> приезде и его возможностях. Думаю, что это трудно, но не безнадежно.

Сердечно благодарю Вас, Екатерина Дмитриевна, за Ваши письма, за Ваше дружественное отношение. Приветы.

Мих<аил> Льв<ович>.

«Трех столиц» не получил; статьи «О¹» пока тоже не получил².

¹ Последующее слово неразборчиво.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 39-40. Автограф.

1-35

29/I 1928. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Спасибо Вам за письмо и за сведения о С<ергее> Н<иколаевиче>. Думаю, что и ему помогут переливания, и был бы очень рад, если Вы еще открыткой уведомите меня, к<а>к чувствует себя Сер<гей> Ник<олаевич> после первых переливаний. Уеду числа 4 - 5-го (7-го у нас десятилетие)¹, так что успею ее еще получить.

Т<а>к к<а>к болезнь Сер<гея> Ник<олаевича> может быть и инфекционного характера, то не пробовали ли врачи впрыскивать коллоидное серебро или золото. При инфекционных болезнях я видел поразительный результат на собственном брате.

Насчет работ Сер<гея> Ник<олаевича> пишу отдельно ему.

Книги (которую здесь свободно продают), к<а>к оказывается, и газеты я не получил. Крепко жму В<ашу> руку.

Мих<аил> Льв<ович>².

¹ По-видимому, речь идет о десятилетнем юбилее МПКС.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 61-62. Автограф.

1-36

20/III 1928. <Москва>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Только теперь пишу Вам, когда есть возможность написать что-то реальное. Вашего мальчишку только на днях привезли в Москву. Кажется, бабушка не хотела его пускать, и пришлось специально ехать за ним С. С. Патер¹. Разрешение на выезд для него я уже получил и скоро получу паспорт.

Удалось получить паспорт за 55 руб<лей>, так что присланных денег вполне хватит, и не придется одалживать у Лид<ии> Петр<овны>.

Что касается Сер<гея> Ник<олаевича> – то сознаюсь, что еще ничего не сделал, отчасти потому, что не было одно время С<трумилина>, отчасти потому, что завален работой. Но на днях это сделаю и Вам напишу.

Рад бы знать, как теперь здоровье Сер<гея> Ник<олаевича>. Привет всем Вашим.

Мих<аил> Льв<ович>.

О дне приезда мальчика Вам будет послана телеграмма. Думаю, что это будет иметь место в ближайшие дни. Официально паспорт должен быть готов к 30-му, но постараюсь получить его на днях².

¹ Лицо не установлено. Фамилия написана неразборчиво.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 64-64 об. Автограф.

1-37

23/III 1928. <Москва>.

Екатерина Дмитриевна! Возможно, что мальчик повезет с собой перевод денежный на сумму 150 дол<ларов>. Если будет это иметь место, то деньги перешлите 12 апреля по адр<есу> моей жены в Варшаву.

М<ихаил> Л<ьвович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 63. Записка. Автограф.

1-38

27/III 1928. <Москва>.

Екатерина Дмитриевна! С Вашим мальчишкой (кстати, великаном, несмотря на свои 14 лет) дела обстоят так: достал я ему паспорт (за 55 р<ублей>), обычный с правом возврата, выдали его ускоренно; нашел уезжающую даму, которая специально два дня ждала его, а в последний момент он решил, что не едет. К<а>к оказалось, и раньше не бабушка, а он не очень хотел, поэтому была и проволочка, и только благодаря С. С. Патеру, который приехал за ним, удалось уговорить его в Москву. Теперь дело улажено, и он едет. В четверг 29-го едет знакомая в Париж – и я отправлю его с ней.

Тут настаивают, чтобы послать его вместе с ней спальным вагоном. По-моему, жалко денег, но сделаю это. Она его посадит в пятницу вечером в вагон, который отправляется в Прагу. Если нужно будет прибавить денег – прибавлю. Вам напишу. Будет у Вас 3-го. Прилагаю Вам доверенность на имя Евг<ении> Ив<ановны> от его отца: м<ожет> б<ыть> пригодится.

Об изд<ании> работ С<ергея> Н<иколаевича> – посоветовали переговорить с Теодор<овичем>¹. На днях это сделаю. Слышал, что С<ергею> Н<иколаевичу> стало лучше, с чем его и Вас поздравляю. Если захотите что-нибудь написать мне, напишите моей жене (Елене), а она перешлет. Пишите под № 52, кв. 3 (раньше был № 30, а недавно она переехала обратно к сестре). Привет.

Мих<аил> Льв<ович>².

¹ Теодорович Иван Адольфович в 1922-1928 гг. – зам. наркома земледелия. С 1926 директор Международного аграрного института, редактор журнала «Пути сельского хозяйства». В 1928-1930 гг. – генеральный секретарь Крестинтерна. В 1937 г. расстрелян.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 65-65 об. Автограф.

1-39

Pani K. Prokopovicz-Kuskova. Villa Beneš, 1258 Praha – Košiče, Czechoslovakja.
31/XII 1928. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Шлю Вам и Вашим привет из Варшавы и всякие пожелания, согласно новогоднего обычая.

Работу возьму с собой или перешлю в Госиздат (соц<иально>-эконом<ический> отд<ел>), как условились в Москве¹.

Привет сердечный от меня и Ел<ены> Герм<ановны>.

М<ихаил> Л<ьвович>².

¹ 19 декабря 1928 г. Е. Г. Винавер написала Е. Д. Кусковой: «На днях проезжала через Варшаву Ек<атерина> Павл<овна>. Не взяла с собой рукопись, считает неудобным обращаться в издательство с рукописью, привезенной таким путем. Обещала немедленно по приезде домой выхлопотать разрешение на нормальную отправку рукописи». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 102. Л. 25.

29 апреля 1929 г. Е. Г. Винавер сообщила, что «Ек<атерина> П<авловна> взяла с собой рукопись». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 102. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 66. Автограф.

1-40

7/I 1929. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Спасибо за письмо. Ек<атерина> Павл<овна> приехала цветущей, здоровой. До отъезда у нее были головные боли, иногда жаловалась и на сердце. Вероятно, ввиду переутомления, связанного с Ал<ексеем> Макс<имовичем>¹. Теперь чувствует себя прекрасно. Прошу я ее всегда оставаться подольше, но она непоседа.

Какую работу послал С<ергей> Н<иколаевич> и кому? Ждет ли он ответ непосредственно, или мне пойти куда-нибудь или позвонить?

Ответьте мне еще в Варшаву, но быстро.

Ваш американец преувеличивает. В Москве абсолютно все есть; иногда перебои с маслом, яйцами, дня три были очереди за хлебом, не столько из-за отсутствия его, сколько из-за дурацких распоряжений. Во всяком случае, в столовых или ресторанах это незаметно, и Ваш американец не мог голодать. Конечно, если будет хромать продовольствие, то не в Москве или Париже, а в глухих деревнях в неурожайных местах; кой-где уже в этом отношении неважно².

Если у Вас есть «Возрождение»³ со статьями (не помню фамилии) кого-то вроде секретаря Сталина или ему подобного⁴, то пришлите мне; но если пришлете, то скоро, а то могу в ближайшее время уехать.

Привет Вам и С<ергею> Н<иколаевичу>, большое спасибо за Ваше хорошее ко мне отношение.

М<ихаил> Л<ьвович>⁵.

¹ С конца мая 1928 г. Горький находился в СССР, в Италию он уехал только 12 октября. Он много ездил по стране, но когда бывал в Москве, то вместе с сопровождавшими его лицами и штатом прислуги жил в квартире Е.П. Пешковой в Машковом пер. Работать в это время она не переставала. 3 ноября 1928 г. (спустя три недели после отъезда Горького) она выехала в Варшаву по делам Польского Красного Креста, а оттуда - в Италию. Вернулась она в Москву в первых числах декабря 1928 г.

² В 1928 г. в городах началась нехватка хлеба, вызванная сокращением поставок зерна (в связи со снижением закупочных цен, проведенным после нескольких неурожайных лет). В 1929 г. была вновь введена карточная система распределения хлеба.

³ «Возрождение» – ежедневная газета, издававшаяся в Париже в 1920-1940 гг. Редакторы П. Б. Струве (1925-1927 гг.) и Ю.Ф. Семенов (с августа 1927 г.).

⁴ Речь идет о статьях Бориса Бажанова, бывшего секретаря Сталина с 1923 по 1927 г. Он 1 января 1928 г. бежал из СССР через персидскую границу. В 1928-1930 гг. во Франции опубликовал свои воспоминания в форме газетных статей и книги.

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 67-68. Автограф.

21/I 1929. Варшава.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Сейчас после возвращения (а возвращаюсь в конце недели) справлюсь насчет рукописи, посланной Вами непосредственно, и в то же время передам рукопись о «Крестьянском хозяйстве», которую уже послал. О результатах, конечно, Вас извещу.

За обещание прислать книжку «Бажанова»¹ очень благодарен. Насколько слышал, это не апокриф; хотя не мог бы поручиться за это. Ек<атерине> Павл<овне> все Ваши приветы и пожелания охотно передам. Работы у нее со мной меньше, чем раньше; но может скоро совсем закончиться из-за отсутствия материальных средств: недавно закрылось наше отделение в Питере, т<а>к к<а>к нечем было платить за квартиру²; в Москве хуже худшего, т<а>к к<а>к хотя нам разрешили опять покупать спектакли – но всякие Немировичи³ отказывают под всякими благовидными предлогами дать нам их (это сведение для Вас). Поеду теперь, может быть, опять как-нибудь двину денежный вопрос.

Кстати, о Вас. Недавно у кого-то из соотв<етствующих> властей во время какого-то визита по делам Креста и критич<еских> замечаний насчет каких-то распоряжений – я мимоходом указал, что делается величайшая глупость, если не разрешается Вам приехать с С<ергеем> Н<иколаевичем>. Получил ответ: пусть подадут заявление; на это ответил, что если это желание поставить на колени, то, конечно, ни я, ни Ек<атерина> Павл<овна> (которая тут же подтвердила) даже не напишем об этом; а если всерьез без коленок – то дело другое. Определенного ответа не получил. При случае еще раз потолкуем. А пока это сведение только для Вас.

А насчет «хорошего отношения» к<а>к-нибудь потолкуем лично. Редко у кого оно проявляется – несмотря на много вместе пережитого.

А приехать повидать Вас хочется. К<а>к-то все не выходит, хотя и паспорт есть; обычно семейные дела и отсутствие денег мешают; но в один из ближайших приездов это сделаю; на сей раз буду скоро в Варшаве - в апреле или мае. Но, может быть, на Пасхе (к концу марта) будет Ел<ена> Герм<ановна> с экскурсией. Пока шлю Вам всем приветы.

М<ихаил> Л<ьвович>⁴.

¹ Книга Бориса Бажанова «Воспоминания бывшего секретаря Сталина» - одна из первых мемуарных книг о Сталине.

² Петроградский ПКК был организован раньше Московского, в 1917 г. Но МПКК, благодаря своей активной работе, вскоре начал играть роль Всесоюзного, а Петроградский превратился в его отделение. После закрытия МПКК роль Петроградского ПКК свелась в основном к функциям справочного бюро, хотя возглавлявшие его лица (М. В. Новорусский, С.

П. Швецов, В. П. Гартман) не только запрашивали, но и ходатайствовали за обращающихся к ним за помощью. (Из письма В. П. Гартмана к Е. П. Пешковой от 12 ноября 1923 г.: «Если бы Екатерина Павловна могла вдохнуть жизнь в заснувший Питер. Очень бы хотелось еще поработать в Кресте. Москва в этом отношении счастливее, она имеет Вас, а у нас, бедных провинциалов, нет Вас и ходим мы неприкаянные, ибо Михаил Васильевич <Новорусский> остыл, по-видимому, к этому делу». // ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 43. Л. 3-3 об.). До 1930 г. Петроградскую – Ленинградскую группу возглавлял бывший член «Народной воли» С. П. Швецов (1858-1930). После его смерти – В. П. Гартман (1883–1937), работавший консультантом Бюро обслуживания писателей литературного фонда и осуществлявший работу Ленинградского ПКК фактически в единственном числе в своей квартире (Ленинград, Лесной, Старо-Парголово, д. 47/2, кв. 16), служившей и приемной ПКК. 15 августа 1937 г. В. П. Гартман был арестован, обвинен по ст. 58-6-11 и 28 сентября 1937 г. расстрелян.

³ ПОМПОЛИТУ было разрешено «покупать» у театра спектакли; деньги, вырученные от продажи билетов, расходовались в пользу политических заключенных. В архиве ПОМПОЛИТА сохранились документы, иллюстрирующие условия договоров с театрами. Приводим два типа документов:

1) «Директору Академического Государственного Малого Театра
Народному Артисту Александру Ивановичу ЮЖИНУ
Екатерины Павловны ПЕШКОВОЙ
«Помощь Политическим Заключенным»,
Кузнецкий Мост 16, кв. 7.
Телеф. № 2-41-90.

З А Я В Л Е Н И Е.

Настоящим прошу Вас поставить в пользу «Помощи Политическим Заключенным» в субботу 2-го февраля с/г спектакль «Железную стену» с тем, чтобы Дирекция театра на этот день установила бы цены на 25 % выше существующих и чтобы указанные 25 % при условии полного сбора пошли в пользу Политических Заключенных.

«Помощь Политическим Заключенным» функционирует с разрешения властей, имея право устраивать в свою пользу спектакли и концерты.

Копия разрешения мне при сем прилагается.

За удовлетворение возбужденного ходатайства заранее приношу глубокую признательность

Е.П. Пешкова». // ГАРФ, Ф. 8409. Оп. 1. Д. 25. Л. 131.

2) «ДИРЕКЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА.

Настоящим «ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ» просит продать спектакль, назначенный на субботу 11/X-24 г. «СМЕРТЬ ПАЗУХИНА» за 3.000 руб. Произведение расчетов и получение билетов «ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ» доверяет Рафаилу Григорьевичу ФРИДЛЕНДЕР». // ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 25. Л. 459.

⁴ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 69-70 об. Автограф.

1-42

Pani K. Prokopovich-Kuskowa. Villa Beneš, 1258 Praha – Košiče, Czechoslovacja
Варшава. 15/V 1929.

Приехав в Варшаву, я застал Ваше письмо, дорогая Екатерина Дмитриевна, от 23/IV. Рад и за письмо, и за Вашу оценку Ел<ены> Герм<ановны>. Хотелось бы и повидать Вас, но, очевидно, опять не удастся на сей раз. М<ожет> б<ыть>, к Но-

вотому году скорее выйдет. Насчет С<ергея> Н<иколаевича> – я до отъезда не звонил, т<а>к к<а>к недавно до этого говорил со Стр<умилиным> и написал об этом Вам. После возвращения я в июле переговорю со Стр<умилиным> и Госизд<атом>.

Крепко жму Вашу руку. Привет С<ергею> Н<иколаевичу> и Е<вгении> Ив<ановне>. Пробуду до конца июня.

М<ихаил> Л<ьвович>.

Рад бы узнать от Вас, чего не знаю. Выслали ли кн<игу> Бажанова¹?

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 71. Открытка. Автограф.

1-43

31/V 1929. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Все собирался ответить Вам на Ваше письмо от 18/V и все откладывал, думая, что удастся повидать Вас. Но все не удается поехать из-за отсутствия денег и времени. Но обещаю себе, что когда буду в следующий раз в январе, непременно это сделаю. И остался больше, чем предполагал. Уеду не позже 9/VI, а может быть, и раньше. Связано это с приездом Ал<ексея> Макс<имовича> (вероятно, завтра-послезавтра), т<а>к к<а>к не могу оставить Ек<атерины> Павл<овны> одной, когда приедет Ал<ексей> Макс<имович>, Максим с женой и две внучки¹. А работы, вообще, очень много, и одному человеку невозможно физически справиться. Не потому, что новых клиентов так много прибавляется, а потому, что суммируются просьбы всех старых, а нами опекаемые остаются таковыми ведь в течение 6 - 9 лет (после тюрьмы – ссылка; потом ограничения и т<ак> д<алее>)², и Вы правы, что устаем сильно и физически и нервно. А бросать этой работы нельзя, т<а>к к<а>к никому другому, кроме Ек<атерины> Павл<овны> и меня, не разрешат, о чем прямо говорят. Поэтому приходится мне жить отдельно с Ел<еной> Герм<ановной>, не принимать прекрасных предложений в смысле заработка и пр. Ведь все-таки очень многое удастся делать. Только нервы уж очень напряжены все время. Ну, хватит об этом. Еще раз большое Вам спасибо за милое отношение к Ел<ене> Герм<ановне>.

Не помню, писал ли Вам, что сид<ид> Ордынский³ с женой и несколько человек из Задруги⁴. Конечно, по милости Мельг<унова> и его гр<уппы>, который кого-то нелегально прислал. Орд<ынский> тут ни при чем, и надеюсь, что лично его дело хорошо закончится, но других – не думаю. Конечно, это свед<ения> только для Вас.

Привет сердечный Вам и Сер<гею> Ник<олаевичу>.

Мих<аил> Льв<ович>⁵.

¹ М. Л. Винавер уехал в Варшаву после возвращения в Е. П. Пешковой из Италии (4 мая). В письме домой из Сорренто от 5 апреля 1929 г. Е. П. Пешкова сообщала, что почти решено, что Тимоша (домашнее прозвище жены Максима Пешкова) возьмет с собой маленьких, и они будут в Барвихе, а взрослые где-нибудь отдельно устроятся, и что Тимоша просит Екатерину Павловну задержаться до середины мая и ехать с ней вместе, а Алексей Максимович с Максимом в конце мая приехали бы. «Но мне задерживаться неудобно из-за Мих<аила> Льв<овича>», - писала она.

² В 1928 г. после разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции участились аресты всех оппозиционеров (включая потенциальных). Общее число заключенных в лагерях ОГПУ на 1 июля 1929 г. составляло 22. 848 человек, к 1 января 1930 г. – 95. 064 человек, а к июню 1930 г. – примерно 145. 000 человек. (По данным справочника: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справочник. Общество «Мемориал», ГАРФ. Сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 27).

³ Ордынский Сергей Павлович – сотрудник «Задруги». В декабре 1929 г. его «дело» было прекращено, и он был освобожден.

⁴ «Задруга» – кооперативное товарищество печатного и издательского дела, созданное С. П. Мельгуновым в 1911 г. в Москве и просуществовавшее до 1922 г., издавшее более 500 наименований книг (тиражом более 10 млн экз.) по очень широкой тематике – от научно-общественной и политической до детской и музыкальной. В 1919 г. в издательстве «Задруга» был напечатан Устав ПКС. К середине 1919 г. число членов «Задруги» составляло 551 человек (среди них Н. А. Бердяев, В. Ф. Булгаков, А. М. Ремизов, К. Д. Бальмонт, М. А. Осоргин, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, Е. Д. Кускова и др.). Издательство было ликвидировано после ареста и высылки С. П. Мельгунова (председателя Совета и Правления), В. М. Кудрявцева (его заместителя) и др. руководителей товарищества. Непосредственным поводом для закрытия издательства послужило издание в Париже «Писем Короленко к Луначарскому» с маркой заграничного отдела «Задруги» и обнаружение при обыске в книжном магазине издательства 50 тысяч томов запрещенных книг. 14 мая 1924 г. Отдел печати Моссовета разрешил товариществу открыть «книжную лавку для продажи старых книг и авторских экземпляров».

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 72-73 об. Автограф.

1-44

6/VI 1929. <Варшава>.

Спасибо, дорогая Екатерина Дмитриевна, спасибо за Ваше письмо. Как видите, пришло до моего отъезда (уезжаю 9-го утром).

<С> оценкой Вашей Серг<ея> П<етровича>¹ согласен. До приезда Ек<атерины> Павл<овны> я, а после – мы вместе ставили вопрос также, к<а>к и Вы, т<о> е<сть> говорили о том, что адреса лиц из Задр<уги> могли быть получены без их согласия. Это будто бы и проверяют. Насчет двух лиц, судя по разговорам с проходящими, – уверенности в этом нет, насчет остальных 4 - 5 – мы почти уверены в этом (может быть, в течение моего 4-х недельного отъезда число лиц увеличилось – не знаю об этом, но считаю возможным). Но ведь беда в том, что в этом должны

быть уверены соответств<ующие> власти, а они-то считают М<ельгунова> идейным вдохновителем Кутепова² и указывают, до чего докатились н-с³. Я указывал, что нельзя судить по един<ичным> примерам; обратное, если так рассуждать, можно заключить противоположное по Анен⁴ – и с этим к<а>к будто согласились. Во всяком случае, считаю, что из-за глупости, неприличия и мерзости группы М<ельгунова> – могут пострадать сильно люди, в лучшем случае посидеть многие месяцы до выяснения.

Что касается Пав<ла> Дм<итриевича>⁵, то ведь вся трагедия состоит в том, что он был предназначен к освобождению, в худшем случае – к высылке в Казань на короткий срок (даже о городе конкретно говорили), а то отдавали себе отчет в перемене его взглядов (лич<ный> разговор и фельетон Рыклина⁶ и, только потеряв голову, – сделали из него жертву – для наказания. Конечно, был убит человек уже не в борьбе.

Кончаю, а то много беготни до отъезда. Привет сердечный всем Вашим.

А письмо лучше всего уничтожьте.

Мих<аил> Льв<ович>⁷.

¹ Мельгунов Сергей Петрович, приговоренный по делу «Тактического центра» к смертной казни, замененной 10 годами тюрьмы, под давлением общественности был освобожден и в октябре 1922 г. выслан за границу. В течение всего периода эмиграции делал многочисленные и малоуспешные попытки создания антикоммунистических организаций.

² Кутепов Александр Павлович – военный деятель, генерал, участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции, с 1928 г. председатель Русского общевойскового союза (1928-1930), по утверждению большевиков, самой активной контрреволюционной организацией, находящейся в связи с внутри-российскими организациями. В 1930 г. был похищен агентами ОГПУ в Париже, умер в пути к Новороссийску.

³ Н.-с. – народные социалисты, члены Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), организованной в 1906 г. Одним из создателей и идеологов ТНСП был А. В. Пешехонов. Летом 1918 г. большевики объявили ТНСП нелегальной. Лидеры н.-с. явились инициаторами создания и активными деятелями «Союза возрождения России», основной задачей которого было содействие воссозданию России как независимого извне и свободного внутри государства путем борьбы против Германии и большевиков. В годы эмиграции в ТНСП усилились идейные разногласия, особенно после выступления А. В. Пешехонова, призывающего к возвращению русской интеллигенции на родину и отказа ее от вооруженной борьбы с большевизмом. А. В. Пешехонов не отказывался от идеала демократии и социализма, но считал, что борьба за них должна начаться с новых позиций и на той почве, какую представляет собой новая Россия. С. П. Мельгунов по отношению к большевикам и Советской России продолжал занимать непримиримую воинственную позицию, руководствуясь соображениями, что «любая власть лучше большевиков», что ни на какую эволюцию большевистский режим не способен; единственно действенными методами борьбы он признавал вооруженную борьбу и иностранную интервенцию.

⁴ Фамилия недописана.

⁵ Долгоруков Павел Дмитриевич расстрелян 7 июля 1927 г.

⁶ Фельетон Рыклина был напечатан в газете «Известия» от 9 апреля 1927 г.

⁷ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 74-75 об. Автограф.

1-45

30/VII 1929. <Москва>.

Екатерина Дмитриевна! Посылаю Вам по поручению Лидии Петровны¹ квит<анцию> на 100 руб<лей>. Струмилин в отпуску, почему по делу издания ничего не могу нажать.

Квит<анцию> № 1275 на 100 р<ублей>² перешлите Раф<аилу> Гр<игорьевичу>³.

Привет. Мих<аил> Льв<ович>⁴.

¹ Куприянова Лидия Петровна.

² ПОМПОЛИТ выдавал квитанции на полученные им деньги.

³ Фридлендер Рафаил Григорьевич - владел в Москве лакокрасочной фабрикой, национализированной в 1927 г. После ее национализации жил семьей в Берлине. Был активным членом МПКС, оказывал финансовую поддержку ПОМПОЛИТу.

⁴ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 76. Записка. Автограф.

1-46

Pani K. Prokopoviče. Villa Beneš, 1258 Praha – Košiče, Czechoslovacia
29/XII 1929. Варшава.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Я послал Вам вчера почтовой посылкой 8 простынь, 8 рубаш С<ергею> Н<иколаевичу>, 7 наволочек, 3 полотенца, 1 шарф, кот<орые> просила переслать Вам Лид<ия> Петр<овна>. Подтвердите получение.

С<ергею> Н<иколаевичу> я уже писал, что книжка его выйдет в январе, что будет 10 лист<ов>, что обещали выдать по 100 руб<лей> за лист, но в русских деньгах, не в червонцах.

Ел<ена> Герм<ановна> просила передать, что не ответила на письмо, ожидая меня, что не могла ничего узнать об обществе, о котором Вы написали; если узнаем что-ниб<удь> - напишем. Шлем Вам и С<ергею> Н<иколаевичу> сердечный привет и благодарность за бюллетени¹. Привет всем Вашим.

Мих<аил> Льв<ович>².

¹ «Бюллетени Экономического кабинета» выходили с 1924 г. по 1938 г.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 77. Открытка. Автограф.

1-47

22/I 1930. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Хотелось Вам написать побольше, но уезжая уже и не успею этого сделать. Поэтому шлю Вам всем приветы и попрошу на прощание исполнить следующее: послать несколько последних бюллетений и посылать впредь, вероятно, Вам известному старому экономисту, проф. Герингу по адр<есу>:

Prof. Z. Heryng, Nowowicjska 11, Warszawa.

Заранее Вас благодарю, а на Пасхе или после Пасхи буду в Варшаве и постараюсь Вас повидать. Привет еще раз от меня и Ел<ене> Герм<ановне>.

Мих<аил> Льв<ович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 78-78 об. Автограф.

1-48

24/I 1930. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Я завтра уезжаю. Жалею, что не успел раньше ответить и отвечаю только неск<олько> слов.

1) Насчет личной оценки Са¹ я не согласен. Всегда считал его противным карьеристом, готовым на все.

2) Почему не пришло Вам в голову, что брошюра о Бессарабии поддельная, издана в Рум<ынии> со спец<иальной> целью. Это ж ерунда с дивиз<ией> Котов<ского>, желез<ной> див<изией> в сист<еме> Кр<асной> Армии.²

3) Не думаете ли, что деньги, если будут действит<ельно> даны некоторым провинциям Китайским, то не для прекрасных глаз, а для колониальной эксплуатации.³

Хотелось бы побольше посмотреть, но спешу. Шлю Вам всем сердечный привет.

Мих<аил> Льв<ович>⁴.

¹ Фамилия не дописана.

² О какой брошюре о Бессарабии идет речь, нам неизвестно. Но, может быть, она вышла к юбилею 3-й Бессарабской кавалерийской дивизии, который отмечался в 1930 г.

Командиром этой дивизии был Г. Г. Котовский – выходец из Бессарабии и ее национальный герой (его называли русским Робин Гудом). Он был человеком прямым и независимым, обладал огромной популярностью в народе и входил в «первую пятерку» комсостава Красной Армии. Был убит при загадочных обстоятельствах в 1925 г. накануне своего выезда в Москву, куда его пригласил Фрунзе с целью занять должность его заместителя. Убийц не нашли. Фрунзе погиб спустя три месяца. На западе существовала версия, что Котовский был убит советской властью.

Сохранилась докладная записка Котовского, написанная в 1924 г. и адресованная Фрунзе. В ней излагался план воссоединения Бессарабии с Россией. Согласно этому плану Котовский с одной из своих дивизий должен был переправиться через Днестр в Бессарабию, в течение нескольких дней разгромить румынские войска при поддержке большинства населения, которое должно было восстать при известии о его появлении. Затем советское правительство должно было объявить Котовского вне закона, а он должен был создать в Бессарабии новую власть, которая выскажется за воссоединение Бессарабии с Россией.

³ В конце 1929 г. в Китае началась Гражданская война, которая привела к голоду. В отчете Американской помощи голодающим (American Relief Administration) это голод был назван «самым страшным, какой знало когда-либо человечество». Из 6 миллионов населения Северного Китая от голода погибло свыше 2 миллионов, целые деревни вымерли поголовно.

⁴ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 79-79 об. Автограф.

1-49

19/V 1930. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Т<а>к к<а>к я не любитель смешивать личное с деловым, то это письмо будет целиком деловое.

1) Пошлю Вам на днях посылку с Вашим бельем, содержащую 6 наволочек, 2 простыни, 4 полотенца, 1 муж<скую> рубашу, 5 сорочек, 2 кофты, 9 ¹, 3 передника, 1 скатерть.

2) Посылаю Вам для С<ергея> Н<иколаевича> 200 дол<ларов>. Прошу об этом не писать в М<оскву> и, вообще, не говорить. При первой возможности пошлю еще. Но офиц<иально> эти деньги лежат в М<оскве>.

3) Книга С<ергея> Н<иколаевича> о крестьянском хозяйстве очень нравится Струм<илину>. Он дал ее для отзыва в Инст<итут> и надеется, что она будет издана, несмотря на все трудности издат<ельского> характера вообще и связ<анные> с именем С<ергея> Н<иколаевича> в частности. Я его от времени до времени накачиваю.

Кажется все деловое.

Рад бы скоро получить от Вас весточку. Остаюсь здесь недели три, если не вызовут меня специально. Привет Вашим.

Мих<аил> Льв<ович>².

¹ В тексте пропуск (вероятно, вместо неназванного слова).

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 80—80 об. Автограф.

1-50

31/V 1930. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Все Ваши просьбы исполню; собственно, не Ваши, а С<ергея> Н<иколаевича>. Думаю, что делать заявку и дать план работы «О методологических основах статистики» - не стоит, а то еще воспользуются планом. Но вот что стоило бы, по-моему, это прислать данные добавочные о размере семей крестьян. Я напишу Вам из Москвы, скоро ли думают приступить к изданию книги, и тогда Вы пришлите этот материал Ел<ене> Герм<ановне>. Но предупреждаю, что она на август или сентябрь уедет ко мне.

Статью Вашу я прочел. Как всегда ярко и ясно поставлен вопрос. Вообще, Ваша молодость и задор неиссякаемы.

Роман Гуля¹ постараюсь прочесть. Слыхал и читал о нем давно.

Ник<олая> Конст<антиновича>² как-то видел до отъезда: он по какому-то делу зашел в Крест. Он все тот же. Неприятности его и Пав<ла> Ник<олаевича>³ с приемом его в коллектив защитников – улажены⁴. Н<иколай> К<онстантинович> устроен материально недурно, а Пав<ел> Ник<олаевич> бедствует, т<о> е<сть> месяца 3 - 4 был без службы, а теперь работает только в Кол<легии> защитников с жалованием руб<лей> 250 – 300; частной практикой (платной) не занимается.

Ек<атерина> Павл<овна> приехала поправившейся; скоро (в августе) едет опять в Сорренто.

Я работаю очень много с прежней энергией, но не с прежним увлечением, устаю тоже сильно, но теперь отдохнул и набрал сил для работы.

Ответил Вам, кажется, на все. Еще одно. Почему занятно смотреть Камерный театр и почему т<а>к увлекаются им у Вас, мне не очень понятно. М<ожет> б<ыть>, из-за тоски по России и из-за привычки тоже к невысокого стиля театрам. Ведь за 4 – 5 лет театр Таирова топчется на том же месте; вернее, потерял свое лицо, не приобрел другое. Это самый обычный теперь театр, приличный театр любого большого города, безличный театр. Впрочем, м<ожет> б<ыть> я так критически к нему отношусь, а то когда-то очень увлекался им⁵.

Привет Евг<ении> Ив<ановне> и Сер<гею> Ник<олаевичу>.

Благодарю его за его записку. Жму В<ашу> руку и рад бы получить еще вес- точку от Вас. Буду до 10-го.

Мих<аил> Льв<ович>.

Получили ли посылку⁶?

¹ Не имея письма Е. Д. Кусковой, нельзя с точностью сказать, о каком романе Р. Б. Гуля идет речь. Скорее всего, имеется в виду роман «Генерал БО», вышедший в свет в Берлине в издательстве «Прополис» в 1929 г. Первый роман Р. Б. Гуля «Ледяной поход», написанный им в 1921 г. и повествующий о Белом движении, сразу же по выходе приобрел большую известность. В 1927 г. издательством «Советский писатель» в Ленинграде были выпущены еще два романа Р. Б. Гуля «Жизнь на фукса» и «Белые по черному», в СССР эти книги вскоре после выхода в свет попали в «запрещенные фонды».

² Муравьев Николай Константинович (1870-1936) – известный политический защитник и общественный деятель. Один из учредителей МПКС, председатель его Комитета с января 1918 г. по октябрь 1921 г. В августе 1922 г. был арестован и выслан из Москвы за отказ выступать защитником подсудимых на процессе ЦК ПСР (в ответ на организованную властями демонстрацию с требованием смертной казни подсудимым). В 1923 г. вернулся, работал юрисконсультom. Был одним из основателей Московской коллегии защитников, из состава которой вышел в 1930 г.

³ Малянтович Павел Николаевич.

⁴ В 1930 г. во время чистки адвокатуры Н. К. Муравьев и П. Н. Малянтович были исключены из коллегии защитников, но затем восстановлены постановлением Президиума Московского Совета (ответственный пост в котором занимал бывший подзащитный Н. К. Муравьева И. И. Егоров). П. Н. Малянтович вошел в состав адвокатского коллектива Сокольнического района г. Москвы.

⁵ Камерный театр открылся в 1914 г., его организатором и руководителем был режиссер А. Я. Таиров (1885-1950), ведущей актрисой - его жена А. Г. Коонен. С самых первых спектаклей Камерный театр вступил в полемику с традиционным театром. Таиров стремился к обобщенному выражению эмоций, без их психологической конкретизации и утверждал идею «синтетического» мастерства, позволяющего актерам разыгрывать как трагедию, так и оперетту. Театр отдавал предпочтение «чистым» жанрам – трагедии и комедии (по терминологии Таирова – «мистерии» и «арлекинаде»); особое внимание уделялось пластической выразительности актера, пантомиме, музыкальности актерской речи; ориентировался театр преимущественно на классический и западный репертуар. «Федра» Ж. Расина в постановке Таирова (1922) стала одним из событий театрального искусства начала 20-х. В 1930 г. он поставил «Оперу нищих» Брехта. С конца 20-х годов Камерный театр подвергся в СССР критике за эстетизм, формализм, аполитичность мастерства, сильное влияние западноевропейского искусства. В 30-е годы театру становилось все труднее вписываться в идеологический регламент. Позже, уже в 1949 г., в период «борьбы с космополитизмом» Таиров был освобожден от обязанностей художественного руководителя Камерного театра, А. Коонен уволена из театра, а в августе 1950 г. Камерный театр был закрыт.

Высказанное М. Л. Винавером мнение о Камерном театре не противоречило официальному.

⁶ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 81-83. Автограф.

<14/VI 1930. Варшава>.

Собирался все, Екатерина Дмитриевна, чтоб спокойно ответить Вам. И так все откладывал почти до последнего момента. И опять спешу. Но уже не хочу откладывать и поэтому пишу коротко.

Спасибо за “Les Annales Collectives”. Вступление и часть статей просмотрел (не прочел). Очень занятно. Повезу его с собой и передам Стр<умилину>, если его еще застану. Поговорю и о книжке С<ергея>Н<иколаевича>. Конечно, передам и фотографии Л<идии> П<етровне>.

Вас бы просил купить мне книжки вроде Беседовского¹, если выйдут. Пришли-те мне тогда, когда напишу Вам. Я буду только к январю и тогда уж постараюсь Вас повидать.

Теперь задержался больше, т<а>к к<а>к получил от Е<катерины> П<авловны> телеграмму об этом и жду письма, но на днях уеду.

Привет всем Вашим и крепко жму В<ашу> руку.

Мих<аил> Льв<ович>.

Посылаю Вам 50 дол<ларов>. Остальные деньги, очевидно, только к Н<овому> Году будут.

14/VI 1930.

Подтвердите получение; оказывается, что мне придется остаться еще несколько дней².

¹ Беседовский Григорий Зиновьевич – советский дипломат, с октября 1929 г. - невозвращенец. Печатал свои статьи в газетах «Возрождение» и «Последние новости». В 1930 г. в Париже вышла его книга «На путях к Термидору».

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 84-85. Автограф.

1-52

16/VI 1930. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Случилось так, что в последний момент мне пришлось остаться на несколько дней в связи с телеграммой Ек<атерины> Павл<овны>. Мне попала в руки Ваша статья от 11/VI¹. Хотя я и не любитель вести корресп<онденцию> на политич<еские> темы, но все-таки хочется Вам ответить.

Вы согласны с каким-то Вашим корреспондентом, что «колхозное движение - это могила для большевизма», хотя немного и смягчаете это, что неминуем, а во всяком случае возможен голод 1921 г., что Россия может, жертвуя миллионами других

могил от голода, что очень дорогой ценой окупается в России гибель безумной теории. К^{<a>} часто бывает, я с Вами не согласен. А т^{<a>}к к^{<a>} времени мало, то вкратце изложу почему. И хотелось бы еще получить Ваш ответ. Если даже запоздает, то перешлют мне его.

Колхозное движение считаю необходимостью и экономической, и, следовательно, политической. Экономической, т^{<a>}к к^{<a>} для поднятия земельной культуры нужны крупные объединения, где можно применять современную американскую технику (тракторы и пр^{<очее>}), удобрить, руководить правильно агрономически и т^{<a>}к д^{<алее>}; экономической необходимостью, т^{<a>}к к^{<a>} все растущая гигантскими шагами крупная промышленность должна быть хозяином сырья и не зависеть от индивидуального потребления, должна иметь по крайней мере полную возможность регулировки (ведь и Форд купил плантации каучуковые в целях регулировки). А ведь до сих пор, несмотря на все красивые словца, советская власть для того, чтобы получать сырье, – поддерживала, по существу, зажиточного мужика, т^{<a>}к к^{<a>} бедняку и середняку нечего было давать, избытка не было у него. А это имело бы в ближайшем будущем и политическое следствие: требование политической власти. Да еще эти все многомиллиардные бюджеты, эти крупные вложения в индустриализацию – не с неба же сваливались, а получались из «ножниц». Это тоже причина, почему советской власти пришлось строить коллективы, где часть необходимых средств получается благодаря применению высшей техники, лучшей организации, а не из ежегодных в той или иной форме произведенных, но по существу экспроприацией у мужика. Поэтому наступила необходимость бросить с-ровскую прогр^{<амму>} для деревни – перейти к программе, соответств^{<ующей>} тому, что происходит в городе. Ведь вопрос в том, что если уже не коллективизировать по первонач^{<альному>} плану – коллект^{<ивизировать>} 20 % в 5 лет, то взятый темп (55 % в первом году, если не больше), конечно, был результатом общей психозы, царившей 2 – 2,5 мес^{<яца>}. Конечно, бед, глупостей, жестокостей ненужных наделали до черта; пропало не меньше 30%, за год не исправить, но оставшиеся 20 – 25 % коллект^{<ивных>} хозяйств – это уже крепкие коллективы, на них хватит тракторов и пр^{<очего>} и прирост ежегодный 10 – 15 % будет явлением здоровым².

Конечно, не сытно теперь, но не предстоит голод, тем более, что урожай предвидится хороший (это я знаю от америк^{<анских>} агрономов), если не будет стихийного бедствия, и что засеяно в общем не меньше, чем в прошлом году (меньше весной, но больше осенью). В городах было скверно с продовольствием, в янв^{<аре>}, февр^{<але>} и до ½ марта, когда были закрыты рынки, но с ½ марта это почти прекра-

тилось. Года 1½ будет не хватать мяса, масла, но думаю, что через 1½ - 2 года эти неудобства прекратятся и в смысле нехватки предметов первой необходимости и пропитания наступит более или менее нормальное время.³

Я должен кончать, а то очень спешу. Поэтому прибавлю только, что если только на 13-м году взялись за коллективизацию, то потому, что пришлось им подготовить почву в деревне; что их поддерживала молодежь, бедняки и большая часть середняков. Конечно, благодаря своему темпу коллективизации и методам – испоганили хорошую и необходимую меру, но хорошо, что хотя поздно, но не слишком поздно спохватились, что взялись энергично за исправление ошибок, и что поняли, что можно только артель строить, а не больше, что нельзя поощрять нездоровых темпов. Вреда сделано много, но это еще не их «могила», к<a>к Вы пишете, и не «могилы» от голода, к<a>к Вы полагаете, но чего и сами не желаете. Это еще 1½ - 2 года нехваток всяких, на мой взгляд.

Сидят мне над головой чужие люди – поэтому кончаю этим.

Привет всем Вашим

М<ихаил> Л<ьвович>⁴.

¹ Речь идет о статье Е. Д. Кусковой «За пустую единицу», напечатанной в газете «Последние новости» 11 июня 1930 г. (№ 3367). Статья оканчивалась следующим абзацем: «Один из моих корреспондентов, немец, пишет мне: «колхозное движение – это могила большевизма». Это – верно: этап для большевизма весьма опасный. Но ведь раньше этой могилы Россия может снова, как и в 1921 г., покрыться миллионами других могил... Работа за «пустые единицы» неизбежно приведет к пустым желудкам. Очень дорогой ценой покупается в России гибель безумной теории, применяемой на опыте с живыми людьми...»

² В июне 1929 г. в СССР была начата подготовка к форсированной коллективизации и было принято положение об организации машинно-тракторных станций. В ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) принял решение об ускорении темпов коллективизации. В конце декабря 1929 г. Сталин заявил о начале сплошной коллективизации и о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». Коллективизацию сначала намечалось проводить постепенно (в три этапа в зависимости от районов) и на добровольных началах, но на практике в колхозы часто загоняли силой. Поэтому вслед за постановлением «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», принятым ЦК ВКП(б) 5 января 1930 г., меньше чем через месяц, 30 января и 1 февраля 1930 г. ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР приняли постановление о борьбе с кулаками. В результате в 1930-1931 гг. были высланы 240 тысяч семей кулаков - более 1 млн человек. Следствием насильственной коллективизации и раскулачивания явились полная дезорганизация работ, а также активное и в основном пассивное сопротивление крестьян, повсюду забивавших скот. 2 марта 1930 г. в «Правде» была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой он возложил вину за катастрофические последствия коллективизации на местных руководителей. 14 марта 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». В результате доля коллективизированных крестьянских хозяйств уменьшилась с 55 % в марте до 24 % в июле 1930 г.

³ Через 2 года, осенью 1932 г., в России начался страшный голод, о котором власти ничего не сообщали. Голод охватил основные хлебопроизводящие регионы страны: Украину, Нижнее и Среднее Поволжье, Кубань, Казахстан. Голод был в значительной степени спро-

воцирован полным изъятием зерна у крестьян с целью выполнения планов (нереальных, завышенных), «спущенных» властями. Особенно пострадала Украина. Присланная из Москвы на Украину комиссия под руководством председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова добила́сь полного вывоза всего урожая 1932 г., и в начале 1933 г. у крестьян не осталось даже семенного фонда. Число умерших от голода составило (по разным оценкам) от 3 до 7 миллионов человек.

⁴ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 86-91. Автограф.

1-53

Czechoslovacja. Pani K. Kuskowa-Prokopovich. Villa Beneš. 1258 Praha – Košice. 23/VI 1930. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Я получил оба Ваши письма и очень Вам за них благодарен. Не смогу уже ответить обстоятельно, а то уезжаю. Буду в январе опять, и получите уже частичный ответ от истории. Жму крепко Вашу руку, желаю быстро стать совершенно здоровым С<ергею> Н<иколаевичу> и посылаю привет Ев<гению> Ив<ановне>.

Мих<аил> Льв<ович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 92. Открытка. Автограф.

1-54

Варшава. 28/VIII 1930.

Екатерина Дмитриевна! Я приехал на неделю по семейным делам в Варшаву, не знаю, в Праге ли Вы или отдыхаете вне ее. Письмо, во всяком случае, дойдет до Вас.

Книжка С<ергея> Н<иколаевича> хорошо расходуется, хотя ее и ругают в газетах, и читается с интересом очень многими, как говорил мне Стр<умилин>. Он только что вернулся из отпуска. Думает, что книжку вторую сумеет издать в институте, во главе которого стоит; думает, что следовало бы ее издать не от имени С<ергея> Н<иколаевича>, а под псевдонимом, о кот<ором> Вы писали (кстати, напомните мне, под каким), ввиду нападок на С<ергея> Н<иколаевича>.

Просит дополнения, о кот<ором> Вы писали, и охотно выкинет полемическую часть, о чем Вы писали. Изменения и дополнения пришлите Е<лене> Г<ермановне> для меня. Думает он также, что не следует делать заявок насчет новой работы

С<ергея> Н<иколаевича>, а когда напишет ее, пусть отсылает. По замыслу очень интересна.

Если Вас письмо застанет в Праге, напишите немедленно ответ. Я должен уехать обратно не позже 4-5-го, после чего Ек<атерина> Павл<овна> уедет месяца на 2 в Италию. Как здоровье Вас всех? Привет.

Мих<аил> Льв<ович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 93-94. Автограф.

1-55

31/IX 1930. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Спасибо за письмо и за книжки. Не знаю, удастся ли их прочесть до отъезда, но постараюсь, а то все-таки интересно, хоть довольно противно читать их.

Просьбы Ваши исполнены.

С<ергей> Н<иколаевич>, надеюсь, уже поправился, и Вы немного отдохнули. Неужели болезнь Ев<гении> Ив<ановны> будет повторяться. Ведь лечат эти болезни вплоть до операции.

Мне не удастся отдохнуть в этом году, т<а>к к<а>к ждет меня Ек<атерина> Павл<овна> – и сейчас же уедет месяца на два, а то и больше¹. Ел<ена>

Герм<ановна> тоже не отдыхала; возможно, что приедет ко мне на октябрь.

Мне пришлось приехать по семейным делам; умерла моя старшая сестра, старушка, и в связи с этим пришлось улаживать всякие квартирные и другие вопросы. Кончаю, Екатерина Дмитриевна, а то до отъезда много работы. Привет всем Вашим.

Мих<аил> Льв<ович>².

¹ Е. П. Пешкова уехала из Москвы 12 сентября 1930 г. и вернулась через два месяца в начале ноября 1930 г. До 17 сентября она пробыла в Варшаве по делам Польского Красного Креста. В письме к М. К. Николаеву, она писала о том, что плохо себя чувствует («нехорошо с сердцем»), что ей очень тяжело оттого, что она должна была ехать и не могла остаться дома, что в таком состоянии она менее продуктивна и все делает через силу, и заставляет ее делать сознание того, что ее «состояние никого не касается». 18 сентября она уехала в Италию, где жила на вилле Горького. В первых числах ноября выехала в Варшаву, в которой пробыла несколько дней, занимаясь делами Польского Красного Креста.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 95-96. Автограф.

2/I 1931. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Опять шлю Вам привет из Варшавы. Пробуду здесь числа до 20 - 23-го, если меня не вызовут экстренно. Рад бы знать, как себя чувствуете Вы, Сер<гей> Ник<олаевич> и Евг<ения> Ив<ановна>.

Вопрос печатания книг Сер<гея> Ник<олаевича> откладывается в связи с тем, что неудобно печатать его книгу, когда он будто бы вел переговоры с Мил<юковым>¹ или же относительно него велись переговоры насчет его будущего министерского поста. Так, по крайней мере, показывал кой-кто из арестованных по делу Кондратьева и прочих². Рад бы знать, что в этом правда. Пишу я это Вам для выяснения, и только Вам.

Тоже для Вас пишу насчет Ваших друзей. Георг<ий>Викт<орович>³ и другие адвокаты после 4 мес<яцев> освобождены; что большая победа Креста, но зато арестован Пав<ел> Ник<олаевич> Мал<янтович>. Он месяца два тому назад прошел «чистку», из которой вышел не только вычищенным, но чистка заменилась в какой-то апофеоз его: пришло несколько старых большевиков, стали говорить о нем, как человеке, политич<еском> защитнике, пришел член В<ерховного> Суда, говорил, что когда он выступает, у него все они учатся – и Пав<ел> Ник<олаевич> действительно получил большое удовлетворение. А теперь он арестован опять в связи с делом Суханова⁴ и др<угих>⁵. Он фигурировал в двух списках как будущий министр юстиции. Хлопочем о нем; пока безрезультатно, но он только две недели к<а>к арестован.

Что нового за то время, что мы с Вами не переписывались? Привет всем, всем от меня и Ел<ены> Герм<ановны>.

Мих<аил> Льв<ович>⁶.

¹ Миллюков Павел Николаевич - общественно-политический деятель, член ЦК партии кадетов, министр иностранных дел Временного правительства. С ноября 1918 г. - в эмиграции, с 1921 г. - в Париже. В 1920 г. опубликовал книгу «Большевизм: международная опасность». В 1924 г. возглавил Республиканско-демократическое объединение.

² В 1928 г. «кондратьевщина» была объявлена «идеологией кулачества», «реставрацией капитализма». В 1930 г. советским правительством было объявлено о разоблачении Трудовой крестьянской партии (ТКП), которая обвинялась в саботаже коллективизации. По этому делу были арестованы 15 ученых-аграрников (Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов, обвинявшиеся как лица, возглавлявшие ТКП, а также А. А. Рыбников, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, Л. Н. Юровский, А. Г. Дояренко, Л. Н. Литошенко, Л. Б. Кафенгауз и др.). Суд над ТКП не состоялся. 26 января 1932 г. ученые-аграрники были осуждены во внесудебном порядке. Позже, в 1937 г., они были вновь арестованы и многие из них расстреляны (в том числе Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов).

Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович, будучи в эмиграции, активно переписывались с Н. Д. Кондратьевым и А. В. Чаяновым. С. Н. Прокопович приглашал А. В. Чаянова сотрудничать в журнале «Экономический вестник». А. В. Чаянов в своих книгах ссылался на работы С. Н.

Прокоповича в области крестьянского хозяйства. Ранее А. В. Чаянов был сотрудником ВКПГ, а кроме того, и родственником (дальним, по жене) Е. Д. Кусковой.

После арестов ученых-аграрников и начала следствия по делу ТКП западная интеллигенция организовала ряд кампаний в их защиту.

Из письма Л. О. Дан к Е. Д. Кусковой: «26.10.1930. Берлин.

«Дорогая Екатерина Дмитриевна! Не знаете ли адреса жены Чаянова – ведь это дочь Эммануила Льв<овича> Смирнова. Немецкие ученые и общественные деятели написали протест и собирают «фонд помощи», который они хотели бы расходовать на отправку продовольственных посылок родственникам пострадавших от террора, расстрелянных, арестованных, сосланных. Нет ли у вас каких-либо адресов людей этой категории? На помощь социалистам их склонить еще пока нельзя – этих-то адресов у нас целая куча!». — ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 13. Машинопись.

³ Филатьев Георгий Викторович – адвокат. До революции директор правления тюремного комитета. С 17 по 25 октября 1917 г. – тов. министра юстиции во Временном правительстве. Один из организаторов «Бюро помощи освобожденным политическим» (1917), один из учредителей МПКК. Арестован в 1930 г. вместе с другими членами коллегии защитников.

⁴ Суханов Николай Николаевич занимался исследованиями в области экономики сельского хозяйства в институте сельскохозяйственной экономики и политики, который возглавлял А. В. Чаянов. В июле 1930 г. он был арестован, «сухановщина» была объявлена опаснее «чаяновщины». В 1931 г. – один из обвиняемых по делу «Союзного бюро меньшевиков».

⁵ 1 - 9 марта 1931 г. (спустя три месяца после процесса «Промпартии») состоялся процесс «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)». По делу «Союзного бюро» были привлечены 14 человек. Все они признали себя виновными и получили от 3 до 10 лет лишения свободы. Позже многие из них умерли в заключении или были расстреляны. Н. Н. Суханов был приговорен к 10 годам лагерей.

⁶ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 97-98 об. Автограф.

1-57

15/I 1931. <Варшава>.

Отвечаю на оба Ваши письма, Екатерина Дмитриевна, и в порядке затронутых вопросов. Я вполне был убежден, что Сер<гея> Ник<олаевича> женили без его ведома; но факт, что его кандидатура обсуждалась.

Об этом нигде публично не упоминалось, но в одном из нескольких списков, не оглашенных, он фигурировал. Конечно, теперь его книги, до выяснения этого, печатать не будут, тем более что Стр<умилин> тоже теперь потерял свой прежний авторитет. Но это вопрос времени и не очень длительного. По-моему, через год книга сможет печататься.

Что касается С<ергея> Н<иколаевича>, то никто ведь его не обвиняет в «интервенции» и пр<очее>. Ведь его имя нигде не упоминалось, и, вообще, о нем нигде в публичных выступлениях не было речи. Ведь даже в опубликов<анных> списках

будущего правительства было имя Вормса¹ (не арестов<ан>), но не было имени С<ергея> Н<иколаевича>. Это частным образом было сказано, почему теперь неудобно печатать книгу С<ергея> Н<иколаевича> с указанием, что его кандидатура была выставлена, вероятно, без его ведома. А что касается Мил<юкова> – то в его «искренность» я, сознаюсь, не очень верю.

Что Рамзины² и пр<очие> это моральные ничтожества и политические глупцы – с этим я совсем согласен. Процесс, кот<орый> я смотрел, ясно доказал мне, что они брали деньги, передавали секрет<ные> сведения и пр<очее>³. Но цель процесса была другая: доказать предполагаемую интервенцию и оттянуть, сделать ее невозможной в ближайшее время. Доказал ли это процесс – это большой вопрос. Но если есть доказательства этого, то ведь о них публично не говорят. Вы их не знаете, и я их не знаю. Но полагаю, что так публично выступать против другой державы можно тогда, когда выступающим известно то, что неизвестно нам с Вами. Ответы Пуанкаре к<а>к будто подтверждали то, что боятся каких-то оглашений⁴. Но если на процессе процесс интервенции не был выяснен, то если она действительно предполагалась, то в ближайшее время стала невозможной. А внутри страны процесс вызвал большой подъем.

Вы перестаете верить, что попадете на свою родину, и Вам еще тяжелее. Я не желаю Вас утешать, но думаю, что через 1½ - 2 года это станет более возможным, чем теперь. Думаю, что Россия будет настолько крепка, что не будет чинить препятствия к возвращению. Конечно, не всех, не крайних правых. Кстати, вспомнил. Год тому назад Вы писали, а после я прочел в газетах, к<а>к Детердинг⁵ обещал в ближайшее время на каком-то торжественном заседании в поддерживаемой морально им школе (русской), что скоро возвратятся его питомцы в Россию. Вы возмущались наездками, кажется, Миллера⁶ в Прагу и др<угие> места; его речами, вербовкой и пр<очим>; теперь я прочел интервью Миллера о том, что весной предполагается интервенция, что одна держава хочет субсидировать его войска и, вообще, интервенцию. Что это все: пустые слова или какую-то почву имели и имеют? Я отлично понимаю, что одно дело хотеть, а другое – провести; вижу, что мешает этому, и не верю ни в какие интервенции и войны в ближайшее время, но понимаю и то, что другие могут иначе смотреть на это и всякими средствами пробовать оттянуть момент этот, если верят в него и опасаются его. Это тоже относится и к процессу.

Вы спрашиваете насчет посылок⁷. Вообще, теперь не стоит ничего посылать, кроме жиров, копченого мяса, немного риса. Все другое есть, или оплачивается громадная пошлина. Но получать нам – большая канитель и все-таки порядочные пошлины

придется платить (за жиры – 3 р<убля> и мясо – 3 р<убля> 50<копее>к с кило); за рис – 10 коп<еек>; за кофе и какао – 17 р<у>б<лей>). Не знаю, удобно ли это и стоит ли. Я спрошу Ек<атерину> Павл<овну> – и тогда Вам напишу. Если не существует официально прежний «Полит<ический> Кр<асный> Кр<ест>, то он именуется: «Помощь политич<еским> закл<юченным>».

Почему Вы перестали писать из-за Агаб<екова>⁸ в Посл<едние> Нов<ости>. Я купил его книжку после Вашего письма, прочел. Чем он большая сволочь, чем Беседовский или Дмитриевский⁹, писавшие и пишущие в П<оследние> Нов<ости>. Его книжка осторожнее, чем Беседовского, скажем, и менее врет он, чем Бесед<овский>. Вы спрашиваете, правда ли, что лишили себя жизни Шеин¹⁰, Федотов¹¹ или Лисичын или еще 60 чел<овек>, о чем Вы прочли в какой-то газете. Насчет 60 – определенное вранье. Насчет Шеина – были слухи до моего отъезда; я их проверил – и тогда оказались неверными. Что касается Федот<ова>, то я не знаю; но возможность предполагаю, т<а>к к<а>к Федотов действительно пережил большую трагедию; он единственный говорил правдиво и искренне на процессе; он вполне, по-моему, правдиво сказал, что ему не для чего жить больше, что он слишком стар и болен, чтобы начать новую жизнь, а к<а>к раньше теперь не хочет. Поэтому я допускаю возможность его самоубийства. Проверю. Что касается инж<енеров>, то, действительно, при мне было самоубийство какого-то крупного инженера (без жены и без детей), фамилию не помню.

Еще насчет посылки Зурову¹². Адрес «Помполит» – Кузнецкий Мост, 24, кв. 7. Письма и телеграммы под всяким адресом попадут. Что касается посылки, то таможня, вероятно, настоящего адреса не знала, уведомление не попало, и после определенного срока ожидания – возвратила посылку. Боюсь, что меня может не застать ее 10 дол<ларов>; пусть пошлет прямо на Кузнецкий.

Насчет посылки – я Вам напишу след<ующий> раз, в связи с ответом от Ек<атерины> Павл<овны>.

Выезд из Сов<етской> России – очень затруднен.

Для лечения – если лечеб<ная> комиссия признает, что нет возможности лечиться в Сов<етской> России. Старикам и детям иногда Помполит персонально, вернее, Ек<атерина> Павл<овна> или я, получаем. Хлопочем об общем распоряжении разрешить выезд лицам, желающим совсем уехать – и тут надежда есть, хотя мешает Юридич<еская> форма; нельзя давать Совет<ское> гражд<анство>, паспорт без права возвращения в свою страну. Легче всего получить паспорт при эмиграции в стране эмиграции, и <паспорт> при колонизации в Канаду и пр<очие>

страны сможет помочь. Ваш старик или старуха из Кавк<аза>¹³ - пусть напишет Ек<атерине> Павл<овне> насчет своего выезда. Что касается Евг<ении> Мойс<еевны>, – то еще окончательно не выяснилось, так ли у нее; но предполагает-ся возможность. Ей разрешено поехать в Питер лечиться, но она до выяснения не пользуется разрешением¹⁴.

Гоц и др<угие> был<и> арестов<аны>, но в Москву не привезены¹⁵. На днях был им приговор: Гоц высылается в Семипалатинск; Веденяпин¹⁶ в Чимкент; Тимофеев¹⁷ – Самарканд, Артемьев¹⁸ – Уфа и т<ак> д<алее> Это для Вас, а не для печати.

Привет С<ергею> Н<иколаевичу> и Е<вгении> И<вановне>.

М<ихаил> Л<ьвович>.

Проверьте – получили ли Вы за книжки все 300 д<олларов>¹⁹.

¹ Вормс Альфонс Эрестович – юрист, специалист по крестьянскому и торговому праву. Арестован 4 ноября 1936 г. в Москве. Приговорен к 3 годам заключения в ИТЛ, умер в заключении.

² Рамзин Леонид Константинович советский ученый–теплотехник, один из организаторов и первый директор Всесоюзного теплотехнического института. В 1930 г. осужден по делу «Промпартии», обвинялся как руководитель группы. Арестованный в августе 1930 г., в сентябре он уже давал разоблачительные показания. На его «признаниях» было построено обвинение.

³ Речь идет о судебном процессе над «Промпартией», состоявшемся в Москве 25 ноября - 7 декабря 1930 г. Подсудимые: 8 человек (Л. К. Рамзин, И. А. Калинин, С. В. Куприянов, В. А. Ларичев, А. А. Федотов, С. А. Хренников, Н. Ф. Чарновский, В. И. Очкин). Все они были крупными инженерами и профессорами и обвинялись в создании антисоветской подпольной организации и в осуществлении в 1925-1930 гг. вредительства в промышленности. На этом процессе, как и на других сфабрикованных процессах, обвиняемые давали вынужденные показания и признавали себя виновными в преступлениях, придуманных следственными органами. В ходе процесса обвиняемые признались, что в случае прихода к власти они намеревались сформировать контрреволюционное правительство, в котором премьер-министром должен был стать П. А. Пальчинский (расстрелян в 1929 г.), министром внутренних дел бывший промышленник П. П. Рябушинский (умер во Франции еще в июле 1924 г.) и министром иностранных дел известный историк Е. В. Тарле.

Печально, но, несмотря на неправдоподобность этого спектакля, показаниям обвиняемых верили многие, включая сотрудников ПОМПОЛИТа.

Ниже мы приводим выдержки из двух источников: из А. И. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ») и из писем Л. О. Дан.

1) «Крыленко дергает сразу всех восьмерых: вот промышленники-эмигранты напечатали статью, что никаких переговоров с Рамзиным и Ларичевым не было и никакой «промпартии» они не знают, а показания подсудимых скорей всего вымучены пытками. Так что вы на это скажете?.. Боже! как возмущены подсудимые! Нарушая всякую очередность, они просят поскорее дать им высказаться! Куда делось то измученное спокойствие, с которым они несколько дней унижали себя и своих коллег! Из них просто вырывается клокочущее негодование на эмигрантов! Они рвутся сделать письменное заявление подсудимых в защиту методов ГПУ!». — Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: ИНКОМ НВ. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 282-283.

2) «20-е ноября 1930 г., Берлин - Вильмерсдорф.

Дорогая Екатерина Дмитриевна, с Екатериной Павловной в бытность ее в Берлине, я виделась два раза. Нового от нее ничего узнать было невозможно, ведь она ехала из Италии, где никаких сведений не получала; наоборот, она информировалась от нас; еще в Италию я ей написала о массовых арестах, об аресте всех с.р.-ов цекистов и т<ак> д<алее>. Она имела там только одно письмо от Винавера, который писал ей, что, если она плохо отдохнула, она может еще задержаться, так <как> интересующий ее процесс будет разыгрываться только в декабре. Она думала, что это означало, что в декабре будет поставлен процесс Громана – Суханова - Кондратьева и т<ак> д<алее> Говорили мы с ней, конечно, и о возможности использовать ее адрес для посылок заключенным и их родственникам. Она говорила, что предлагает, что это делать можно – Е.П. Пешковой / Кузнецкий и т<ак> д<алее>/ для такого-то. Я лично не уверена, что этот номер пройдет, так как это стоит в полном противоречии с печатными правилами, но она думает, что пройдет. Она припоминает, что когда открывался текущий счет в Банке Красного Креста, он был фактически открыт на ее имя, и она запрашивала фининспектора, не станут ли с нее взыскивать непомерные налоги за деньги, принадлежащие Красному Кресту. Ее разуверили и, действительно, ни разу при обложении ее налогом об этих деньгах не было и разговору. Поэтому она уверена, что разговора о годовой норме не будут возбуждать. Красный Крест может, конечно, выплачивать и пошлину, если она не будет слишком высокой, то есть если посылка будет продуктовая, а не вещевая, да, наконец, некоторые из родных смогут возмещать Красному Кресту эти небольшие суммы. Во всяком случае, я бы советовала, чтобы с самого начала были посланы не слишком много посылок и недели через три - четыре, когда можно будет удостовериться, что опыт прошел гладко, повторить его в больших размерах. Она подтвердила, что получение посылок, по крайней мере, социалистами на свой собственный адрес, по ее мнению, никакими последствиями не чревато. Мы сейчас послали в разные концы и углы 35 посылок!» // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 12. Машинопись.

«Берлин, 14-е апреля 1931 г. <...> У нас все по-старому, все та же неизвестность, все то же томительное ожидание вестей. Екатерину Павловну я не видала, но, зная, что она приехала прямо в Сорренто, написала ей письмо, не сразу получила совершенно ужасный ответ, ужасный по тону. Право, мне кажется, что я еще от роду не получала таких писем; можно сказать, что почувствовала себя данной в морду по почте. Это первый был такой отголосок процесса. Выходит, что она всему верит – “так говорить по заказу нельзя, этих людей мы все знаем”. Вот ее реплика на процесс! Она пишет, что долго колебалась, отвечать ли мне – “очень уж вы, меньшевики, страшный народ!”, но “так как Вы ставите и личные вопросы, то отвечаю”. <...> Сообщению ее <...> я не придаю никакого значения. Конечно, я не считаю, чтобы Ек<атерина> Павл<овна> смогла солгать, но она сама ничего не знает и повторяет, что ей говорят в ГПУ». // Из письма Л. О. Дан к Б. Б. Меринг. Архив Л. О. Дан. Amsterdam. С. 138-139.

⁴ «Промпартия» обвинялась не только во вредительстве, но и в подготовке иностранной интервенции совместно с эмигрантами, обосновавшимися в Париже, а также в получении денег от империалистов и в шпионаже. Одним из обвинений было обвинение в попытке вооруженного свержения советской власти. Центр руководства партии якобы находился в Париже и состоял из русских капиталистов (Э. Нобеля, С. Н. Третьякова, П. П. Рябушинского и др.). Подсудимые признались в связи с французским премьером Пуанкаре, который был вынужден выступить со специальным опровержением. Но оно было подано на процессе как еще одно доказательство вины подсудимых.

⁵ Детердинг Генри (1866-1939) – один из крупнейших монополистов - «королей нефти». С 1917. по 1936 г. возглавлял англо-нидерландскую нефтяную монополию «Ройял Детч Шелл», инициатор создания мирового монополистического нефтяного треста, один из вдохновителей антисоветской деятельности в капиталистических странах. Леди Детердинг была почетной попечительницей Русской средней школы в Париже. В июне 1930 г. школа отметила свое десятилетие.

⁶ Миллер Евгений Карлович – военный и политический деятель, участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции, после гибели Кутепова руководитель Русского общевоинского союза (1930-1937). 22 сентября 1937 г. похищен советской разведкой в Париже, доставлен в Москву и расстрелян.

В июне 1930 г. генерал Миллер посетил Прагу. Чешская социалистическая печать, в том числе и газета «Последние новости», в которой сотрудничала Е. Д. Кускова, развернула против него кампанию, обвинив в том, что он приехал с целью вербовки солдат для похода против СССР, эти обвинения распространялись и на участников Белого движения.

⁷ В газете «Последние новости» от 10 августа 1930 г. (№ 3427) была опубликована небольшая заметка под названием «Посылки в Россию», в которой сообщалось, что пошлины на продовольственные продукты, пересылаемые в посылках из-за границы, повышаются безостановочно.

⁸ Агабеков Георгий Сергеевич – с 1920 г. на руководящих постах в ЧК – ГПУ - ОГПУ, с 1930 г. – невозвращенец. В июне 1930 г. бежал из Константинополя в Париж, где объявил о разрыве с Советами. Автор книг «Г.П.У. Записки чекиста» и «ЧК за работой». В 1938 г. убит в Париже сотрудником НКВД А. М. Коротковым.

Заявление Агабекова о том, что он тайно уехал из Константинополя, тайно прибыл во Францию, чтобы открыто порвать с Советской властью и начать борьбу с режимом Сталина, было сделано в Париже 30 июня 1930 г. На следующий день (1 июля 1930 г.) газета «Последние новости» напечатала это заявление и биографию Агабекова и в нескольких последующих номерах печатала беседы с ним.

Интересно, что в интервью, которое он давал по прибытии в Париж, на заданный вопрос, не боится ли он быть убитым сотрудниками ГПУ, Агабеков ответил отрицательно. Он заявил, что так как он успел подготовить к печати книгу своих воспоминаний о 10-летней службе в ГПУ, о методах и системе организаций ГПУ за границей и эта книга будет напечатана, то больших разоблачений с его стороны быть не может, и поэтому большего вреда для советской власти он нанести не сможет, и поэтому будет ей безразличен.

⁹ Дмитриевский Сергей Васильевич – советский дипломат, выразитель идеи национал-коммунизма, невозвращенец с 1930 г. Осенью 1930 г. в Берлине вышла его книга «Судьба России». В ней он разоблачал деспотическую сущность режима (полагая, что в этом состоит задача невозвращенцев), но не разоблачал его преступления.

¹⁰ Шеин С. Д. – инженер, член ВАРНИТСО с начала ее создания, выступал общественным обвинителем на Шахтинском процессе. Арестован в 1930 г., обвинялся за принадлежность к «Промпартии» как член ее ЦК.

¹¹ Федотов А. А. – один из обвиняемых по делу «Промпартии». До ареста председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института, профессор. По итогам процесса приговорен к смертной казни с заменой на 10 лет заключения.

¹² Речь идет о посылке, отправленной Николаю Александровичу Зурову в декабре 1930 г. из Праги от имени его сестры Надежды Александровны Зуровой (в это время уехавшей в Варшаву). Посылка с салом и 10 долларов на оплату таможенных расходов при получении посылки были отправлены в ИТЛ в г. Соликамск. Н. А. Зуров был арестован в августе 1930 г. и приговорен к 5 годам заключения. 31 октября 1930 г. он выехал с этапом в Соликамск. В течение зимы и весны 1931 г. ему регулярно отправлялись посылки из Ленинграда и Твери, но они не доходили до адресата. По-видимому, в это время он был уже переведен в Вишерский концлагерь Уральской обл. на командировку Суяна, где скончался 3 августа 1931 г. В архиве ПОМПОЛИТа сохранилось письмо от его сестры Екатерины Александровны Зуровой, проживавшей в то время в г. Торжок, в котором она просила Е. П. Пешкову «узнать какую-либо подробность, т. е. болел ли в лазарете, и чем именно, сколько времени и, конечно, понятно, что для нас каждое слово дорого и важно и мы были бы Вам благодарны»././ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 644. Л. 235-251. Автограф.

¹³ По-видимому, речь идет о Е. К. Майер – Евгении Карловне Майер 1865 г. р. Она была арестована в 1927 г. в Тифлисе, приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Краснококшайск. Срок ссылки был окончен в июле 1930 г., после чего она была приговорена к ограничениям проживания («-6») еще на 5 лет. Она ходатайствовала о замене ограничений на выезд за границу, где проживала ее сестра. Дальнейшая ее судьба складывалась следующим образом. В августе 1931 г. она была арестована на ст. Давлеканово в Башкирии, где отбывала «- 6», и отправлена в Уфу, а оттуда ее препроводили в Тифлисскую тюрьму. В марте 1932 г., вероятно, благодаря хлопотам Е. П. Пешковой, ограничения места проживания «-6» были заменены ей на выезд за границу. Но за границу ее не выпустили, и до декабря 1932 г. она находилась в Тифлисской тюрьме. В декабре 1932 г. ей объявили приговор: 5 лет заключения в концлагере с заменой (по старости) на ограничения места проживания «- 12» на 5 лет с прикреплением. Она выбрала Мелитополь. В январе 1933 г. Е. П. Пешкова сообщила ей, что разрешение на выезд за границу к сестре она получила. Но и в июле 1935 г. она все еще находилась в Мелитополе. Разрешение на получение заграничного паспорта она получила только в декабре 1935 г.

¹⁴ Е. М. Ратнер в 1928 г. обратилась к Менжинскому с просьбой перевести ее из г. Самарканда в город, где возможно было бы сделать необходимую ей операцию. После долгих переговоров и при содействии ПОМПОЛИТа ее удалось отправить в Ленинград, но время было безнадежно упущено, и вскоре она умерла от рака.

¹⁵ Осенью 1930 г. вновь были арестованы эсеры, осужденные по процессу ЦК ПСР и отбывавшие ссылки. Они обвинялись в принадлежности к контрреволюционной эсеровской организации. Постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ от 3 января 1931 г. по ст. 58-11 они были приговорены к новым срокам ссылки.

¹⁶ Веденяпин Михаил Александрович по процессу ЦК ПСР был приговорен к 10 годам лишения свободы. 15 сентября 1930 г. был вновь арестован и постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ от 3 января 1931 г. приговорен по ст. 58-11 к высылке на 3 года в Чимкент.

¹⁷ Тимофеев Евгений Михайлович постановлением ОСО при Коллегии ОГПУ от 3 января 1931 г. приговорен по ст. 58-11 к высылке на 3 года в Самарканд.

¹⁸ Артемьев Николай Иванович по процессу ЦК ПСР приговорен к 10 годам заключения со строгой изоляцией. Решением ЦИК СССР от 11 января 1924 г. срок заключения был сокращен до 5 лет. По отбытии срока был выслан в Темир-Хан-Шуру.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 99-104. Автограф.

1-58

21/V 1931. Варшава.

Я опять в Варшаве, Екатерина Дмитриевна. Шлю Вам всем привет и рад знать, что у Вас слышно. Приветы Вам горячие от Л<идии Петровны> и Н<атальи> Петровны¹ и всех прочих.

Мих<аил> Льв<ович>².

¹ Куприянова Наталия Петровна – двоюродная сестра В. Н. Фигнер, общественная деятельница. Так же как и ее сестра, Лидия Петровна, активно участвовала в работе ПОМПОЛИТа.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 105. Автограф.

1-59

31/V 1931. <Варшава>.

Не ответил Вам в среду, Екатерина Дмитриевна, и потому, что уезжал дня на три, и к<а>к-то не писалось, и жара неимоверная (в тени ок<оло> 30).

Рад бы еще получить хоть раз весточку от Вас. Думал, что поеду дня через два, но, вероятно, еще неделю пробуду. А хотел бы узнать, к<а>к Ваше воспаление суставов. Не помогли ли большие платы, которые, вероятно, и у Вас царствуют.

Насчет плана Бриана¹ – отвечать Вам не стану. Кажется, он уже потерпел частичный крах. Но рад бы прочесть где-нибудь Вашу статью по этому поводу. Статей С<ергея> Н<иколаевича> еще не читал; получил их, и спасибо большое. До отъезда прочту. Насчет отсутствия – заранее и давно согласен.

Троцкого² еще не читал. На днях куплю. Здесь видел на выставке. А вот если бы Вы случайно нашли у себя 17 или 18 кн<ижку> сборника «Недр» за прошлый год, где напечатан «Тов. Кисляков» Романова³ и прислали ее – был бы Вам бесконечно благодарен. Переводит его Ел<ена> Герм<ановна> – и где-то затеряла последние 75 страниц. В Москве – она вышла, и нельзя ее найти, а переводить по Берлинскому изданию неудобно.

Кроме Троцкого, кажется, ничего не вышло интересного из русских книжек за границей?

Насчет обществ<енного> отдел<ения> Акад<емии> Наук⁴ – ничего толкового Вам не скажу. Хотят дать размах этой работе, но на базисе марксизма и, к<а>к пишут, коммунистического подхода. Что выйдет – увидим через 1–2 года. Вообще, года через 1,5 – 2 надеюсь с Вами посмотреть на основании фактов и доказать, что я был прав в своих прогнозах.

Что касается Федотова, то, насколько я знаю, он жив и работает. Эм<мануил> Льв<ович> Гур<евич>⁵ получил «-12». Хлопочет об отмене. До отъезда удалось и мне переговорить об этом. После приезда посмотрю, что вышло. Удалось поговорить и о П<авле> Н<иколаевиче>, который получил 10 л<ет> лаг<ерей>. Закончила Ек<атерина> Павл<овна> – и уже через 2 дня после моего отъезда написала мне, что заменяют ему <на> «-12» и на днях будет свободен. Конечно, и это через некоторое время отпадет. Внешние показания были против него: показали 2 свиде-

телей из меньш<евистского> дела «Союзн<ого> Бюро», показания Суханова об участии П<авла> Н<иколаевича> в его «салоне» (П<авел> Н<иколаевич> был 2–3 раза, к<а>к он говорил) и канд<идатура> его в мин<истры> Юст<иции> в 2 списках. Хорошо, что так кончилось⁶.

П. Маслову⁷ дали – Москву, но и сейчас же отменили, т<а>к что он не думал. Зато Базарову⁸ 5 л<ет> (кажется, 5, не 10). Думаю, что и ему скоро облегчат это, к<а>к и П<авлу> Н<иколаевичу>. Сидел также Вл<адимир> Ник<олаевич>⁹, удалось добиться его освобожден<ия>, хотя был в крупном массовом деле. – Ну, довольно. Привет всем Вашим.

М<ихаил> Л<ьвович>.

Кстати, сын Ваш¹⁰ хотел Вам послать денег – но трудно получить разрешение.

Нужны ли Вам?

И что Вы делаете летом. Об этом особенно беспокоится Л<идия> Петр<овна>.

Она, конечно, вновь на службе, насколько я знаю.

Теперь погоня за желающими служить, настолько не хватает людей для работы.

Привет.

М<ихаил> Л<ьвович>¹¹.

¹ 17 мая 1930 г. министр иностранных дел Франции Бриан обратился к 27 странам Европы с предложением организовать европейский федеральный союз («пан-Европа») с целью экономического сотрудничества и совместной борьбы с кризисом. Предполагалось, что это сообщество европейских народов будет иметь специальный представительный орган в виде европейской конференции и исполнительный орган – европейский комитет. Проект «пан-Европы» не был осуществлен, т. к. дипломатам европейских стран не удалось договориться. В СССР восприняли план Бриана как попытку создания блока европейских государств против СССР, т. е. как носящий антисоветский характер. Бриан, имеющий в Европе репутацию «миротворца», в 1931 г. предпринял шаги к заключению франко-советского договора о ненападении, но и они не увенчались успехом.

² Л. Д. Троцкий, высланный в 1929 г. за границу написал в Константинополе книгу «Моя жизнь», в которой рассказал о своем жизненном пути от детства до высылки из СССР.

³ Повесть Пантелеймона Романова «Товарищ Кисляков» (эпопея интеллигента-приспособленца) была напечатана в журнале «Недра», кн. 18 за 1930 год.

⁴ В 1929-1931 гг. в СССР было арестовано более 150 человек ученых-историков, сотрудников аппарата Академии наук и академических учреждений, обвиненных в создании разветвленной антисоветской контрреволюционной организации «Всенародный союз борь-

бы за возрождение свободной России» (так называемое «дело историков» или «академическое дело»). Крупные ученые-историки старшего поколения обвинялись в протаскивании буржуазной науки. В 1931 г. в Академии наук по отделению общественных наук прошли переборы. Ведущим научным учреждением СССР в области общественных наук была назначена Коммунистическая академия, образованная в 1924 г. в результате реорганизация Социалистической академии общественных наук (1918-1924).

⁵ Гуревич Эммануил Львович – в 1917-1918 гг. редактировал газету «Власть народа», которую издавала Е. Д. Кускова. Член ВКПГ, после разгона ВКПГ был арестован, некоторое время провел в заключении. В 1931 г. был арестован, приговорен к ограничениям места проживания «-12», отбывал в Курске. В апреле 1932 г. ему было разрешено свободное проживание, о чем ПОМПОЛИТ (за подписью Винавера) 29 апреля 1932 г. послал два сообщения: ему и его дочери Ольге Эммануиловне Гуревич.

⁶ Павел Николаевич Малянтович в 1930 г. был арестован по обвинению в принадлежности к Центральному бюро РСДРП(м) и 10 мая 1931 г. приговорен к 10 годам содержания в концлагере. На защиту П. Н. Малянтовича бросился и Н. К. Муравьев. Не заблуждаясь по поводу правовых норм советского правосудия, он обращался к влиятельным лицам. Ниже мы приводим два отрывка из книги о Н. К. Муравьеве – выдержки из его писем-обращений в защиту П. Н. Малянтовича:

«Нельзя примириться с мыслью, что П. Н. Малянтович может быть признан социально-опасным со всеми вытекающими отсюда последствиями, вне зависимости от силы имеющихся против него улик». // «Стой в завете своем...» Николай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М.: ООО «АМА-Пресс», 2004. С. 150.

«Павлу Николаевичу дали десять лет, несмотря на то, что почти накануне Мессинг – Винаверу и Пешковой, Прокофьев – Винаверу и Гай – Фридлянду говорили, что дело идет к вполне благополучному окончанию и что максимально может быть минус. Справки вчерашнего дня дали тот же результат, что вполне может быть пересмотр в благоприятном смысле, если не будет возражать Ягода, являющийся фактическим руководителем всей текущей работы. Памятуя нашу беседу, я вчера бросился к Рыкову и искал Лежаву. Но Рыкова я не смогу увидеть раньше завтрашнего дня, а Лежаву раньше понедельника 18-го. Сегодня надеюсь увидеть Муралова. Сегодня же пишу Смидовичу и постараюсь увидеть Сольца, хотя, помня Ваш совет, это и несколько преждевременно. Но ждать нет времени». Из письма Н. К. Муравьева Н. Н. Полянскому // Там же. С. 151. (Почти все перечисленные Н.К. Муравьевым лица, те, от которых в то время зависел исход дела П. Н. Малянтовича, позже были расстреляны.)

20 мая 1931 г. Коллегия ОГПУ постановила по делу П. Н. Малянтовича: «В изменение прежнего постановления, из-под стражи освободить, лишить права проживания в двенадцати пунктах сроком на три года».

⁷ Маслов Петр Павлович – экономист, автор работ по аграрному вопросу, с 1924 г. – профессор Московского университета, в 1926-1929 гг. работал в комиссариате финансов. Арестован 1 сентября 1930 г. Освобожден через 8 месяцев благодаря заступничеству Р. Роллана.

⁸ Базаров Владимир Александрович – экономист, с 1921 г. работал в Госплане. В 1930 г. был обвинен в причастности к организации специалистов-вредителей и арестован.

⁹ Малянтович Владимир Николаевич – брат П. Н. Малянтовича, до ареста член Московской городской коллегии защитников. Арестован в 1930 г., в 1931 г. освобожден. Позже эмигрировал, сотрудничал в газете «Последние новости».

¹⁰ Е. Д. Кускова в первом браке (она была замужем за учителем гимназии И. Ювеналиевым) имела двоих сыновей. Ювеналиев умер в конце 1889 г., младший сын – в начале 1990 г.

Ее старший сын Коля (приблизительно 1886 г. р.) воспитывался в семье матери С. Н. Прокоповича. Судьба его нам неизвестна.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 106-108. Автограф.

1-60

6/VI 1931. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Я остался сверх программы и уеду 15-го. За обещание прислать «Недры» благодарю. Конечно, будут Вам скоро возвращены. Это, если не ошибаюсь, 18-ая книжка.

Если у Вас есть книжка Соломона¹ – перешлите, а то здесь не видел ее.

Лид<ии> Петр<овне> и Вашему сыну передам Вашу просьбу.

Насчет сыновей П. Н.² не знаю ничего. А что Марь³ – большая дура – это знаю. Что с Ст<аниславом> Коном? Чем болеет? Есть ли надежда спасти его? Это прекрасный, способнейший, знающий экономист и очень хороший человек.

Привет всем Вашим. Жму руку.

См. оборот. М<ихаил> Л<ьвович>.

Ек<атерина> Павл<овна> просит Вас передать Постникову⁴, что посылки и деньги может переслать на Кузнецкий. Конечно, в посылках - только продовольствие, вроде жиров, копченого мяса, риса⁵.

¹ Соломон Георгий Александрович – дипломат, с 1923 г. невозвращенец. Его книга «Среди красных вождей: лично пережитое и виденное на советской службе» вышла в Париже в 1930 г.

² Сыновья Павла Николаевича Малянтовича Владимир Павлович (1895-1938) и Георгий Павлович (1897-1938), также как и отец, члены Московской коллегии защитников, были арестованы в 1937 г. и расстреляны в 1938 г. Реабилитированы в 1956 г.

³ Малянтювья (ур. Филатьева) Мария Викторовна – жена В. Н. Малянтович, сестра Г. В. Филатьева, член МПКС с июня 1918 г.

⁴ Постников Сергей Порфирьевич – в эмиграции один из основателей РЗИА, член Пражского ПКК..

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 109. Автограф.

1-61

14/VI 1931. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! До отъезда (уеду 15-го) успел получить Ваше письмо.

Очень жаль Ст<анислава> Кона. Лечат ведь прогр<ессивный> паралич прививанием малярии или пропусканьем коротких радиовых волн (напр<имер>, проф. Вагнер в Вене). Неужели ему уж ничем помочь нельзя? У него причина болезни не наследственность. Семейю его я знал хорошо. Его несчастье женщина, бывшая одно время его женой в Париже. Я знал ее еще в 1907 - 9 годах по Брюсселю. Интересный, но ужасный тип.

Спасибо за хлопоты о книге. Не стоит Вам столько хлопотать. Я, м<ожет> б<ыть>, достану ее в Москве и пришлю Ел<ене> Герм<ановне>.

Ваши просьбы я передам Л<идии> П<етровне> и письмо Л<идии> П<етровны> о Тане, и, вообще, письма ее Вам пошлю.

Всегда очень рад Вашим письмам.

Моложе Вы многих молодых!

Привет С<ергею> Н<иколаевичу> и Евг<ению> Ив<ановне>. Буду опять в январе. Постараюсь уж с Вами повидаться.

Крепко жму В<ашу> руку от себя и Ел<ены> Герм<ановны>.

Мих<аил> Льв<ович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 110-110 об. Автограф.

1-62

Pani K. Prokopoviče-Kuskowa. Villa Beneš, 1258. Praha – Košiče, Czechoslovacia.
29/XI 1931. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Шлю Вам и Вашей семье привет.

Рад бы знать, к<а>к себя чувствуете, к<а>к состояние здоровья Ст<анислава> Кона.

К<а>к всегда, рад получить от Вас весточку. Жму руку.

Мих<аил> Льв<ович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 111. Открытка. Автограф.

1-63

5/I 1932. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна!

Спасибо за письмо.

Уезжал на несколько дней (3 дня) с Ел<еной> Герм<ановой> в деревню отдыхать – после возвращения застал Ваше письмо.

Передайте мой сердечный привет Ст<аниславу>. Кону¹. Жалко больно его. К сожалению, полагаю, что Гептнер ошибается. Полагаю так, зная прошлое его б<ывшей> жены. Но это только мое предположение, а не знание определенное.

Первый раз слышу от Вас, что кризис² близится к концу. К<а>к будто бы нет данных для заключения. На чем оно основано, кроме желания тех, кто его высказал Вам? Рад бы знать, а то к<а>к будто бы идет к углублению кризиса? И чем это все кончится? Не высказываю своего мнения и прогноза; хотел бы знать Ваше, хоть прогноз ставить трудно.

Жалко, что не удастся С<ергею> Н<иколаевичу> изучать кризис на почве изучения и анализа народного дохода. Это объективный и правильный путь, вернее, один из путей изучения кризиса. А то все почти в потемках.

Интересны Ваши мысли, может ли от отчаяния возникнуть война, которая, почти наверняка, имела бы последствием не в очень отдаленном будущем целый ряд революций³.

И что, вообще, думают те, кто думает о будущем? А я все больше убеждаюсь, что был прав я, а не Вы. И думаю, что если доживем с Вами еще 2 – 3 года - и Вы признаете это.

Курс в СССР – мягче, чем когда бы то ни было⁴. Последние 3 – 4 месяца почти совсем нет арестов, кроме временных валютных. Это, конечно, временное явление, но симптоматичное.

Инженеров освобождают. Их назначают в м<есто> лагерей на работы. Даже на чисто политич<еской> линии удастся добиваться больших успехов. Мне удалось недавно, напр<имер>, добиться из В<аших> знакомых – для Серг<ея> Осип<овича>⁵ замены 10 л<ет> тюрьмы – 5 г<одами> высылки в Казань; для Конк<ордии> Иван<овны> (его жены)⁶ – в м<есто> т<юрьмы> 5 л<ет> того же. Для Серг<ея> Ник<олаевича> Салтыкова⁷ – в м<есто> 3 л<ет> тюрьмы – ссылка на Урал, вероятно, в центр и т<ак> д<алее> для многих лиц. А это ведь по делу, связанному с процессом т<ак> наз<ываемых> меньшевиков, т<о> е<сть> труднее всего было добиться.

Поехать, вероятно, опять не удастся.

Жму руки Вас и Вашим. Мих<аил> Льв<ович>⁸.

¹ Ст. С. Кон умер в Праге в 1933 г. За несколько дней до смерти он закончил исследование о законе убывающей производительности в сельском хозяйстве.

² В 1929 г. начался мировой экономический кризис, продолжавшийся вплоть до 1932 г., дольше, чем все предшествующие кризисы. Он поразил все отрасли хозяйства (перепроизводство промышленных товаров сопровождалось аграрным и финансовым кризисом) и вызвал страшную безработицу (число безработных достигало 30 миллионов человек). Вывоз капитала почти прекратился, многие предприятия, концерны и банки прекратили платежи и объявили себя банкротами.

³ Согласно советским идеологам и советской пропаганде, мировой экономический кризис вызвал обострение противоречий двух систем – капиталистической и социалистической, и международная буржуазия ищет выход из кризиса путем развязывания новых войн не только между капиталистическими странами, но и против СССР.

⁴ К осени 1931 г. процесс выселения раскулачиваемых органами ОГПУ был в основном завершен. По данным ОГПУ, с марта по сентябрь 1931 г. из районов сплошной коллективизации было перевезено 162. 962 семей (787. 341 человек). «Вредительства» в широких масштабах были обнаружены в лесоводстве, микробиологии, горном деле, мелиорации и т. д. В 1931 г. во внесудебном порядке на Особом совещании ОГПУ и его коллегии были рассмотрены дела в отношении почти 2. 500 человек профессоров, инженеров, экономистов, агрономов и служащих. По данным эмигрантов, из 35. 000 имевшихся тогда в стране инженеров в заключении находилось 7. 000 человек. По данным О-ва «Мемориал», на 1 января 1932 г. в лагерях ОГПУ насчитывалось 272. 500 заключенных, в спецпоселках находилось 1. 317. 022 человека.

⁵ Цедербаум Сергей Осипович - брат Л. О. Дан. Постановлением Коллегии ОГПУ от 10 мая 1931 г. приговорен к 10 годам заключения. 2 месяца находился в тюремной больнице, по выздоровлении отправлен в Верхнеуральский, затем переведен в Ярославский политизолятор. В декабре 1931 г. заключение заменено на 5 лет ссылки в Казань, где работал экономистом.

Из письма Л. О. Дан к Е. Д. Кусковой: «20.10.1931. Берлин. <...> А вот из «дому» все очень плохие вести: Сергея Осиповича зачем-то гоняли по всем изоляторам – был в Челябинске, в Верхне-Уральске, теперь, наконец, в Ярославском, куда «мечтал» попасть, т<a>к к<a>к там сидит Конкордия Ивановна. За эти месяцы маяты очень устал и очень плохо себя чувствует».

⁶ Цедербаум-Захарова Конкордия Ивановна в 1930 г. была арестована в Воронеже, в связи с тяжелой болезнью освобождена до вынесения приговора. Приговорена к 5 годам ссылки в Сибирь.

⁷ Салтыков Сергей Николаевич в 1931 г. приговорен к 3 годам заключения в политизоляторе с заменой на 3 года высылки на Урал (обвинялся в принадлежности к контрреволюционной меньшевистской организации).

⁸ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 115-116 об. Автограф.

1-64

Pani K. Prokopoviče. Villa Beneš, 1258. Praha – Košiče, Czechoslovacja.

25/I 1932. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Получил я Ваше письмо. Отвечать же не буду, т^{<а>}к к^{<а>}к я уже в предвыездной горячке. Старухе Вашей¹ постараюсь помочь. Вам большое спасибо за Ваши письма. Привет всем Вашим.

Мих^{<аил>} Льв^{<ович>}².

¹ См. примечание 13 к письму 1-57.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 114. Открытка. Автограф.

1-65

Pani K. Prokopoviče. Villa Beneš, 1258. Praha – Košiče, Czechoslovacja.

2/II 1932. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! К Вашему и своему удивлению пишу еще из Варшавы. Дело в том, что накануне выезда я заболел гриппом, довольно сильным. Завтра выйду первый раз, хотя еще здорово кашляю. Но хуже то, что больна и Ел^{<ена>} Герм^{<ановна>}, у которой держится сегодня температура между 37,5 и 38,5. Поэтому задержусь несколько дней, пока у нее не пройдет температура. Дня три, наверно. Рад бы получить весточку от Вас. Верно ли, что Милюк^{<ов>} и Керен^{<ский>} в Праге в связи с возмож^{<ностью>} япон^{<ско>}- советского конфликта (лично я в ближайшее время не предвижу его). Привет Вашим.

Мих^{<аил>} Льв^{<ович>}¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 113. Открытка. Автограф.

1-66

Pani K. Prokopoviče. Villa Beneš, 1258. Sredska. Praha – Košiče, Czechoslovacja.

29/XII 1932. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Шлю Вам привет с Сер^{<геем>} Ник^{<олаевичем>} из Варшавы, куда я приехал после недавнего отсутствия. Рад бы знать, что у Вас слышно? Вышли ли интересные книжки за этот год? Крепко жму Ваши руки и жду письма.

Мих^{<аил>} Льв^{<ович>}¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 112. Открытка. Автограф.

1-67

Pani K. Prokopoviče. Praha – Hřebenky. Villa Beneš, 1258. Czechoslovacja.

11/I 1933. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Я собирался ответить Вам поосновательнее на Ваше письмо, но приходится мне уехать сегодня на 10 дней, поэтому я отвечу Вам тогда. Из Варшавы уеду к себе только к 1 февр<аля>. Шлю Вам привет, Сер<гею> Ник<олаевичу> и Евг<ениш> Ив<ановне>.

Мих<аил> Льв<ович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 125. Открытка. Автограф.

1-68

Pani K. Prokopoviče. Praha – Hřebenky. Villa Beneš, 1258. Czechoslovacja.

21/I 1933. Париж.

Екатерина Дмитриевна, во вторник 24/I я заеду к Вам поездом, приходящим в 9.10 утра и вечером в 22.50 уеду дальше. Т<а>к к<а>к заезжаю, чтобы повидаться только с Вами, то никому, кроме своей семьи, о мне не говорите. Рад, что удастся, наконец, повидаться с Вами. Привет.

Мих<аил> Льв<ович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 126. Открытка. Автограф.

1-69

27/XII 1933. Варшава.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Шлю Вам привет опять из Варшавы. Пишу «опять», хотя год прошел как мгновение. О<бо> мне расскажут Вам подательницы сего: Татьяна Алексеевна¹ и Ксения Андреевна², приехавшие со мною вместе и направляющиеся дальше в Париж. Вы их, кажется, знаете. Я просил бы Вас отнестись так хорошо, как Вы умеете. И буду Вам очень благодарен, а то они (мои старые «клиентки»)³ – вполне заслуживают Ваше особенно хорошее отношение. Задержатся они в Праге дня на два, хотят получить швейцарскую визу транзитную (в Швейцарии мать одной из них) – отдохнуть. Сердечный привет Вам и Сер<гею> Ник<олаевичу> от Ел<ены> Герм<ановны> и меня. Шлют Вам приветы Лидия и Наталия Петровна и Вера Ник<олаевна>⁴.

Мих<аил> Льв<ович>⁵.

¹ Шауфус Татьяна Алексеевна – медсестра, подробнее см. Именной комментарий, С.

² Родзянко Ксения Андреевна – медсестра, подробнее см. Именной комментарий, С.

³ Т. А. Шауфус и К. А. Родзянко являлись «подопечными» МПКК, а затем ПОМПОЛИ-Та. Арестованные в апреле 1920 г. по делу «Белого Креста», они были приговорены к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны, их освобождения добился МПКК. В 1928 г. они были вновь арестованы, приговорены к 3 годам высылки из пределов Москвы и Московской губ., затем этот срок продлевался. В результате хлопот ПОМПОЛИ-Та сестрам было разрешено выехать из СССР. В декабре 1933 г. они выехали за границу в сопровождении М. Л. Винавера. До февраля 1934 г. сестры жили в Париже, затем вернулись в Чехословакию, где получили работу.

⁴ Фигнер Вера Николаевна.

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 124–124 об. Автограф.

1-70

5/1 1934. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Откладывал несколько дней ответ на письмо, пока не выяснилось, что еду завтра дней на 10 в Париж. Поэтому, как всегда бывает перед неожиданным выездом, спешу и отвечать короче, чем предполагал.

Прежде всего большое спасибо за прием Тат<ьяны> Ал<ексеевны> и Кс<ении> Андр<еевны>. Вероятно, знаете, куда они направились: в Швейцарию или Париж. Напишите мне их направление и, по возможности, адрес в Paris – Clamart, rue Pierre Louvrier, 2, по адр<есу> О. Е. Черновой¹, только, если возможно, напишите адрес их немедленно.

Насчет Ек<атерины> Вл<адимировны> Ильинской² – вопрос о ее выезде возбужден теперь, когда окончилась ссылка. Ею занимается Ек<атерина> Павл<овна>. После приезда – прослежу. Ник<олай> Конст<антинович>³ и дочь его⁴ здоровы и процветают⁵. Недавно видел их. Послали письмо недавно⁶. Рад, что опять чувствует себя хорошо Сер<гей> Ник<олаевич>. Не пришлете ли его книгу (Идея планового хозяйства)?

Шлю Вам обоим привет и крепко жму В<ашу> руку.

Мих<аил> Льв<ович>⁷.

¹ Чернова-Колбасина Ольга Елисеевна – жена лидера ПСР В. М. Чернова. В 1918 г. была арестована вместе со своими старшими дочерьми. Благодаря хлопотам Е. П. Пешковой они были освобождены. После освобождения жили у Е. П. Пешковой. При содействии Горького им удалось легально выехать из России. С 1923 г. жили в Праге, с 1924 г. в Париже.

С 1920 г. О. Е. Колбасина и ее старшие дочери Наталья и Ольга были членами МПКК.

² Ильинская Екатерина Владимировна (1882-1962) – сестра жены Георгия Владимировича Вернадского (сын акад. В. И. Вернадского, специалист по русской истории, проф. Таврического университета, в эмиграции с 1920 г.) Нины Владимировны (ур. Ильинской). Весной 1931 г. Е. В. Ильинская была выслана в Сибирь за религиозные убеждения (баптистка). В ноябре 1932 г. Нина Владимировна обратилась к Е. Д. Кусковой с просьбой помочь вызвать сестру из России; она надеялась, что это удастся осуществить, т. к. в это время в России был опубликован декрет, согласно которому Интурист получил право ходатайствовать за граждан, желающих навсегда покинуть Россию. Но оказалось, что декрет не распространяется на политссыльных, а тем более на осужденных по религиозным делам; можно было только просить о смягчении режима. И все-таки благодаря хлопотам ПОМПОЛИТа в декабре 1933 г. Е. В. Ильинская была освобождена из ссылки. Однако, выехать за границу ей не удалось, т. к., с одной стороны, оказалось, что стоимость загранпаспорта для «лишенцев» равнялась 1000 долларов (в 2 раза больше, чем для других выезжающих), а с другой стороны, ей не удалось получить американскую визу. Таким образом, Е. В. Ильинская навсегда осталась в Советской России.

³ Муравьев Николай Константинович.

⁴ Волкова (ур. Муравьева) Татьяна Николаевна (1905-1987) – младшая дочь Н.К. Муравьева. Жила в России с отцом. В 1927 г. окончила литературное отделение ф-та общественных наук 1-го МГУ и работала редактором Главной редакции Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Ее муж Волков Гавриил Андреевич, также редактор Главной редакции Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, был арестован в 1941 г., приговорен к 10 годам лагерей и умер в заключении в 1943 г. Она была арестована в 1948 г. по делу Даниила Андреева. Приговорена к 10 годам лагерей. Срок отбывала в Коми АССР. Досрочно освобождена в 1955 г.

⁵ Н. К. Муравьев вышел из коллегии защитников в 1930 г., он не захотел в ней остаться после того, как ему было выражено недоверие, и так объяснял свой уход: «...я уже давно фактически отошел от адвокатуры и на примере Малянтовича вижу, что вынуждаюсь, во избежание неприятностей, порвать с ней как можно скорей и формально». //«Стой в завете своем...» Николай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М.: ООО «АМА-Пресс», 2004. С. 150.

Его внучка Т. А. Угрюмова об этом периоде жизни деда написала: «Во второй половине своей жизни политический защитник превратился в юрисконсульта <...> - в почитаемого, опытного, хорошо зарабатывающего и, скажем прямо, привилегированного юриста с «заслугами перед революцией». Многие его бывшие подзащитные занимали высокие посты, некоторые из них стали – на время – обитателями Кремля... Однако за этим фасадом благополучия не прекращались его бесконечные хлопоты за гонимых, как в краснокрестные времена, так и потом, до конца жизни»// Там же. С. 145.

⁶ Вероятно, речь идет о письме, посланном Н. К. Муравьевым и его дочерью Татьяной в Париж, где в это время жили Екатерина Ивановна Муравьева (жена Н. К. Муравьева) со старшей дочерью Ириной. В августе 1925 г. она с дочерьми выехала в Латвию. Поводом послужило обострение ее заболевания (туберкулезный процесс в позвоночнике). Их виза действовала до сентября 1925 г., и Е. И. Муравьева отправила Е. Д. Кусковой письмо с просьбой устроить им визу в Чехословакию. (При этом она рассказала, что латвийское правительство отказывается продлить им визу на том основании, что Н. К. Муравьев – «коммунист», а в апреле 1925 г. у них в Москве был обыск в присутствии следователя по монархическим делам и даже имелся ордер на арест Н. К.). Несмотря на трудности, Е. И. Муравьевой и Ирине удалось уехать в Париж, а Татьяна вернулась в Москву. В Париже Е. И. лечил и значительно преуспел в лечении И. И. Манухин. Ирина училась в Берлинской театрально-декоративной высшей школе, которую окончила в 1929 г., позже жила в Париже, работала художницей, вышла замуж за А. А. Угрюмова, вместе с мужем участвовала в Сопротивле-

нии. В 1948 г. Е. И. Муравьева с семьей Ирины вернулась в Россию. Вскоре Е. И., ее две дочери и муж Ирины были арестованы. Е. И. Муравьева приговорена к 5 годам ссылки, Ирина Николаевна – к 8 годам лагерей, А. А. Угримов – к 10 годам лагерей.

В годы эмиграции Е. И. Муравьева переписывалась с Е. Д. Кусковой, в частности, сообщила ей, что пишет историю Красного Креста.

⁷ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 120. Автограф.

1-71

Р.К. Prokopoviče-Kuskova. Villa Beneš. 1258. Praha – Hřebenky. Czechoslovacja.

9/I 1934. <Париж>.

Екатерина Дмитриевна! Ольга Ел<исеевна> Чернова переменила адрес.

М<ожет> б<ыть>, сообщите его Тат<ьяне> Ал<ексеевне> и Кс<ении>

Андр<еевне>, а также попробуйте сообщить по адресу О<льги> Ел<исеевны> – адрес их для меня на случай, если В<аше> письмо пропало.

Адрес Ол<ьги> Ел<исеевны>: 195 av Margueri de Renodin, Paris – Clamart.

Жму руку.

Мих<аил> Льв<ович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 121. Открытка. Автограф. На штампе: «Paris-25. Rue Danton».

1-72

Czechoslovacja. Pani K. Prokopoviče-Kuskova. 1258. Villa Beneš. Praha – Hřebenky.

31/I 1934. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Завтра уезжаю и до отъезда шлю Вам и С<ергею>

Н<иколаевичу> прощальный доотъездный привет. В этом году мало корреспондентовали с Вами, но ведь Вы виделись с сестрами, и я Вам не так был нужен. Вскоре с ними опять увидите, а то их, кажется, уже твердо, пригласили в Прагу и Чехословакию на работу; так пишут в письме, полученном мною сегодня от них из Парижа. Год не буду приезжать в Варшаву, а Е<лена> Г<ермановна>, которая шлет Вам всем привет, поедет <ко мне> на май по сентябрь или октябрь. Желаю Вам и С<ергею> Н<иколаевичу> здравствовать. Авось, в будущем январе увидимся.

М<ихаил> Л<ьвович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 122. Открытка. Автограф.

1-73

Pani K. Prokopoviče-Kuskova. Villa Beneš. 1258. Praha XVI – Hřebenky.
Czechoslovacja.

30/XII 1934. Варшава.

Екатерина Дмитриевна! Шлю Вам и Сер<гею> Ник<олаевичу> сердечный привет и лучшие новогодние пожелания. Рад бы от Вас получить весточку о Вас; интересно, как смотрите теперь на хозяйств<енное> и экономич<еское> положение Запада и СССР. Ведь я больше года даже письменно с Вами не разговаривал. Сам не соберусь, но рад буду, если после моего отъезда (недели на 3) поедет Ел<лена> Герм<ановна>.

Привет. М<ихаил> Л<ьвович>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 123. Открытка. Автограф.

1-74

7/I 1935. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Спасибо за Ваш привет, за пожелания новогодние и за Ваше письмо от 3/I. Я после приезда чуть было на следующий день не возвратился в М<оскву>; звонили мне оттуда, чтоб возвращаться; что заболела скарлатиной внучка Ек<атерины> Павл<овны>; но вечером я получил телеграмму, чтоб не возвращаться, а дня 3 тому назад письмо, что болезнь протекает легко; письмо довольно бодрое; потому я и остался. Возвращусь все-таки раньше. До сих пор я здесь провалялся ввиду гриппа; поэтому нужно кое-что сделать. Думаю, что не позже 18 утра уеду, если меня не вызовут раньше.

Хотел бы, чтобы Ел<ена> Герм<ановна> 18 - 20 уехала в Прагу. Билет я ей заготовил, паспорт есть; а нужно ей как-нибудь расшевелиться и успокоить расшатанные нервы. Уговариваю ее и, надеюсь, уговорю. Хотелось бы ей поехать в горы, близко к Кс<ении> Андр<еевне>.

Конечно, напрасно не отправили этих 1000 крон через банк или ценным письмом на имя Ек<атерины> Павл<овны> в Москву, хотя бы частями. Если выслали в Варшаву – уведомите.

Кончил деловую часть письма. Пока перехожу к ответу по существу, хочу Вам сказать, что полгода еще Крест материально проживет; что будет дальше – не знаю. Обычные источники иссякают; новых не предвидится.

И вот еще: почему так заняты сестры. Я им написал одновременно с Вами и не получил еще ответа. Думаю, что Т<атьяны> А<лексеевны> не было в Праге – а то она аккуратна обыкновенно.

Не могла ли быть напечатанной в СССР хрестоматия по географии Е<вгении> И<вановны>? Если она ценна, то думаю, что было бы возможно. Труднее, но не исключено, издание книг по методологии статистики С<ергея> Н<иколаевича>. Особенно если это было <бы> издано к<а>к перевод с чешского или английского. Подумайте об этом.

Чем Вы болели, Екатерина Дмитриевна? И почему такие мрачные мысли? Вы женщина крепкая. А если судить о Вас по статьям и письму, то полна сил, ума, энергии. Что же такая усталость жить и... ждать?

Ведь все мысли Ваши связаны с СССР. Что ж Вы, судя по акту, по Вашему безрассудному, ненужному и принесшему вред – так неправильно обобщая его, – приходите к отчаянным и печальным выводам? Ведь не можете Вы закрыть глаза <на то>, как гигантски растет СССР во всех отношениях; особенно культурном. И в смысле репрессий могу Вам сказать вполне объективно, что за последний год до Кирова их почти не было¹. Были единичные случаи, но не было массовых. Хотя Е<катерина> П<авловна> не работала почти², я кончал работу не в 10 - 11 вечера, а в 4 - 5 дня; и до обеда успевал урвать часа 2 для себя. И после Кирова работа увеличилась, но, сравнительно, немного³. А теперь возвращается успокоение. И не думайте, что все расстрел<янные> «невинные», как Вы думаете. Большинство же все-таки шпионы, контр-разведчики и т<ак> д<алее>. Но есть и немного комсомольцев (Эйсмонт и др<угие>) из террористической группы молодежи и других. Конечно, этот террор был не нужен и вреден. Но не нужно закрывать глаза и на другое большое, что творится, и только из факта террора выводить все заключения. Вы пишете, что постоянно остаетесь в дураках со своими иллюзиями к лучшему. А я думаю, что Ваша ошибка та, что Вы обобщаете отдельные скверные факты и перестаете видеть тогда и огромный культурный сдвиг, и тот большой темп поднятия культурн<ого> уровня жизни, успокоения, веселия, большей беззаботности, веры в хорошее ближайшее будущее, которое видим мы, живущие там⁴.

Привет С<ергею> Н<иколаевичу> и Е<вгении> И<вановне>.

М<ихаил> Л<ьвович>⁵.

¹ В 1933 г., по данным Общества «Мемориал», было арестовано 505 тысяч человек (по политической статье). С середины 1933 г. началась кампания амнистий, продолжавшаяся вплоть до 1936 г. Последовала она после инструкции «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения», принятой ЦК ВКП(б) и СНК СССР 8 мая 1933 г.

Убийство Кирова, совершенное 1 декабря 1934 г. в Ленинграде, открыло период террора и репрессий. 16 декабря 1934 г. были арестованы Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев. На пост руководителя Ленинградской парторганизации вместо Кирова был назначен А. А. Жданов.

² Е. П. Пешкова очень тяжело перенесла смерть сына (М. А. Пешков умер 11 мая 1934 г.), и ей было очень трудно заставить себя работать. (см. письмо 2-17).

³ Вечером 1 декабря 1934 г. был издан указ о введении ускоренной судебной процедуры и о немедленном приведении в исполнение смертных приговоров. В течение нескольких дней в Ленинграде, Москве и Киеве было расстреляно без суда большое число «белогвардейцев» и политических заключенных. С начала 1935 г. началась новая волна арестов и высылки. Из Ленинграда и области выселялись оставшиеся «буржуазные элементы», представители дворянства и духовенства. Их письма в огромном количестве поступали в ПОМПОЛИТ.

⁴ В СССР в первые годы второй пятилетки (1933-1937), благодаря взятому курсу на индустриализацию страны, происходил бурный рост промышленности и экономики. В 1933 г. были пущены Челябинский тракторный завод, Уралмаш (Свердловский машиностроительный завод), Харьковский турбинный завод и др. В результате большого строительства было покончено с безработицей, жизненный уровень населения начал расти. В 1935 г. была отменена карточная система (с 1 января были отменены карточки на хлеб и муку). В ноябре 1935 г. на 1-м Всесоюзном совещании стахановцев Сталин выступил с речью, в которой сказал: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Эти его слова, подхваченные советской пропагандой, стали крылатыми на все довоенные годы. При этом численность заключенных в ИТЛ на 1 января 1934 г. составляла 510. 309 человек (без учета находящихся в пути), а в лагерях ОГПУ за один 1933 г. умерли 67. 247 заключенных. За время с 1 января 1935 г. по 1 июля 1941 г., всего за 6,5 лет, были арестованы 19. 840. 000 человек, расстреляны в тюрьмах 7. 000. 000 человек (Данные КГБ в комиссию Шверника, расследовавшую убийство Кирова в 1960 // Померанц Г. Следствие ведет каторжанка. М., 2004. С. 8)

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 128-130. Автограф.

1-75

17/1 1935. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Завтра утром собираюсь уехать, поэтому могу только коротко ответить Вам. Жаль, а то хотелось поговорить с Вами подробнее. Прежде всего о делах. Получилось 86 крон на имя Ел<ены> Герм<ановны> и 108 крон на имя Зал<еской>¹. Последних не получил еще, но сегодня получу. Квитанций у меня нет, потому пришлю из М<осквы>².

Ел<ена> Герм<ановна>, вероятно, придет во втор<ник> или пятн<ицу>. Даст Вам знать.

Что касается Познякова³, то, кажется, Вы ошибаетесь. Это был комсомолец, лет приблизительно 22 - 24 <лет>, кажется, товарищ Эйсм<онта>.

В «Социалистическом Вестнике»⁴ тоже было ошибочное сведение⁵. Эйсмонт не бывший комиссар, как пишут, а его сын комсомолец. Он, Позняков и еще третий, не объявленный, обвинялись в руководстве террористической группой молодежи. Вчера прочел телеграмму про Зинovieва и Каменева. Что-то не верится, чтоб их под суд отдавали⁶.

Екатерина Павловна писала, что народу немного ходит, значит, там в смысле репрессий спокойно⁷. То же пишут и другие.

Желаю от души, Екатерина Дмитриевна, чтоб могли скоро спокойно и покойно работать.

Привет Сергею Николаевичу и Евгению Ивановичу. Вам крепко жму руку.

Михаил Львович⁸.

¹ Залеская Бронислава – сотрудница Польского Красного Креста.

² На все получаемые в его распоряжение деньги ПОМПОЛИТ выдавал квитанции.

³ 6 декабря 1934 г. в газете «Известия» было напечатано сообщение ТАСС «Приговоры Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по делам белогвардейцев-террористов», в котором были названы имена 66 расстрелянных по Москве и Ленинграду. Все они были арестованы в период с августа по ноябрь 1934 г. В списке было и имя Александра Познякова.

В газете «Субботник» от 30 июня 2001 г. в рубрике «Почта» напечатана статья Е. А. Прянишникова «Роковой день». В ней он рассказал, что из всех расстрелянных было рассмотрено лишь одно дело Павла Владимировича Васильева и связанных с ним Бориса Боброва, Александра Познякова и Андрея Румянцева. П.В. Васильев являлся членом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и отцом девочки, учившейся в лосиноостровской школе вместе с этими тремя юношами и жившей в подмосковном Болшево. В 1934 г. они окончили школу и поступили в институты: Б. Бобров – на исторический факультет МГУ, А. Позняков – в Институт инженеров транспорта, А. Румянцев – в Институт иностранных языков. А. Позняков был комсомольцем. Никто из них не был за границей и не был белогвардейцем – они не могли. Юноши не могли быть ими быть по возрасту. , а П. В. Васильев не мог бы стать членом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Просто юноши ездили к своей красивой соученице в Болшево, и это было представлено как террористическая организация.

⁴ Журнал «Социалистический вестник» – центральный орган заграничной делегации РСДРП, выходил в 1921-1963 гг., до 1946 г. – два раза в месяц, после 1946 г. – ежемесячно. Он был основан в Берлине 1 февраля 1921 г., а после захвата власти Гитлером стал выходить в Париже, позже редакция журнала переехала в Нью-Йорк.

⁵ В декабре 1934 г. в «Социалистическом вестнике» в рубрике «По России» было напечатано следующее сообщение: «...года полтора тому назад в Ленинграде, а затем и в Москве были открыты ГПУ какие-то «террористические группы», состоящие из комсомольцев. Правда, ГПУ в свое время, принимая во внимание крайнюю молодость террористов (там были мальчики 16-17 лет) не придало этому «заговору» сколько-нибудь серьезного значения. Кое-кого сослали, но некоторых из арестованных задержали в тюрьме на всякий случай. И вот теперь в списках расстрелянных 66-ти имеются имена этих арестованных полтора года тому назад комсомольцев-террористов. Кстати, в списке 66-ти имеется и имя Эйсмонта. Это тот самый бывший чекист, видный хозяйственник, старый коммунист, которого вы все, наверное, знали». // Социалистический вестник. 1934. № 23/24 (332). 20 декабря. С. 22.

⁶ 15-16 января 1935 г. состоялся закрытый процесс над т. н. «Московским центром», обвиняемым в соучастии в убийстве Кирова. Зиновьев был приговорен к 10 годам тюрьмы, Каменев – к 5 годам. Спустя полтора года, 19 - 24 августа 1936 г., состоялся открытый процесс (первый), т. н. «процесс 16-ти» (в их числе Зиновьев, Каменев), на котором подсудимые обвинялись в создании «террористического троцкистско-зиновьевского центра», в участии в убийстве Кирова, в подготовке заговора против Сталина и др. руководителей партии и государства. Все обвиняемые были приговорены к смертной казни и расстреляны 25 августа 1936 г.

⁷ После убийства С.М. Кирова началось уничтожение всех, включая потенциальных, противников сталинского режима. В мае 1935 г. было распущено Общество старых большевиков, в июле 1935 г. Общество бывших политссыльных и каторжан, вскоре многие члены этих обществ были арестованы. В январе 1936 г. началась очередная партийная чистка. Чистки свирепствовали на всех уровнях.

⁸ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 127-127 об. Автограф.

1-76

Pani Kuskowa-Prokopoviče. Hřebenky. Villa Beneš. 1258. Praha XVI. Praga.
Czechoslovacja.

28/XII 1935. <Варшава>.

Екатерина Дмитриевна! Привет Вам из Варшавы. Рад бы получить весточку от Вас. Укажите мне точный адрес Тат<ьяны> Ал<ексеевны>. Жму руку и посылаю привет Сер<гею> Ник<олаевичу>.

Мих<аил> Льв<ович>.

С Новым годом Вас¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 131. Открытка. Автограф.

1-77

9/IV 1936. <Москва>.

Екатерина Дмитриевна! Кроме привета, шлю кой-какие ответы по поручениям Вашим и С<ергея> Н<иколаевича>.

1) Работу С<ергея> Н<иколаевича> (о стачках), вероятно, напечатают, но не под его фамилией. Ек<атерина> Павл<овна> будет в Варшаве ок<оло> 15 апреля несколько дней. Поэтому С<ергей> Н<иколаевич> мог бы послать напечатанную на машинке или четко написанную работу; это ускорит. Если напечатают и не под его фамилией, то какую желает.

2) На письма о здоровье Мариночки М.¹ никто не отвечает.

3) О приезде Малахова² хлопотала Ек<атерина> Павл<овна>. Покуда будто бы результата нет.

4) Урусовой³ разрешен выезд. Думаю, что недели через 2 - 3 поеду. Скажите об этом сестрам. Получила ли Ксения метрику и пр<очее>⁴?

5) О выезде Зуровой⁵ никто не обращался.

Шлю привет⁶.

¹ Фамилия написана неразборчиво, лицо не установлено.

² Вероятно, речь идет о Малахове Александре Егоровиче (1876-1950) – кооператоре, родом из крестьян Архангельской губ. В начале XX века объединил разрозненные группы смолокуров в Союз артелей. После поражения Временного северного правительства был арестован ЧК и бежал из тюрьмы в Эстонию, затем в Лондон. В 1921 г. в Лондоне вышла его книга «Русская кооперация и коммунисты». Позже жил в Югославии, а затем в Чехословакии. Как член внепартийного объединения был представителем организации российских кооператоров, базирующейся в Лондоне.

³ Урусова Антонина Александровна (1874-1935?) – сестра милосердия Георгиевской общины с 1900 г. Арестована в 1924 г. в Ленинграде, около 15 месяцев содержалась в ДПЗ, затем была выслана в Туруханский край. В 1927 г. по окончании срока ссылки вновь была арестована и выслана в г. Томск, где находилась до 1933 г., не получая разрешения на возвращение из ссылки. Ее сестра Оболенская Анна, проживающая во Франции, в мае 1934 г. обратилась в МПКС с просьбой получить в ОГПУ для А. А. Урусовой разрешение на выезд во Францию (французская виза уже имелась). Разрешение было получено в феврале 1936 г., но А. А. Урусова его не дождалась - к этому времени она умерла.

⁴ Отцом К. А. Родзянко был Максимилиан Кадура – германский подданный, умерший в 1912 г. Впоследствии она была усыновлена вторым мужем матери А. П. Родзянко – украинским помещиком, умершим в 1919 г. Метрическое свидетельство у К. А. Родзянко сохранилось, а акт об усыновлении был утерян.

⁵ Зурова Екатерина Александровна (см. примечание 13 к письму 1-57).

⁶ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 101. Л. 119-119 об. Записка. Автограф.

Раздел 2

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ ПЕШКОВОЙ

1 ноября 1925 г. - 14 декабря 1934 г.

2-1

1/XI-25. <Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Прочтя Ваше и Евг<ении> Ив<ановны>¹ письма, еще больше пожалела, что не попала в Прагу². Конечно, надо бы встретиться и поговорить.

О том, что всюду за границей безденежье, мне говорили и при моем приезде в Berlin'e.

Но я считала необходимым и Вам, и в Париж сообщить, что нам одним с помощью заключ<енных> не справиться, и если здесь не приложить особых усилий, работа должна оборваться.

Я советовала, чтоб каждая группа хотя бы для своих товарищей сделала заем, спрашивала, не могут ли группы в Берлине и Париже сделать заем для общих нужд Кузнецкого, не специализируя групп, а в наше распоряжение³.

Пока сидела в Sorrento⁴, только в Париже решили достать 5 тыс<яч> фр<анков> – это, кажется, 200 с чем-то долларов – в наше распоряжение. Сравнительно с тем, что надо, - это страшно мало. Обещали прислать для своих грузины. Ни меньш<евики>, ни эс-ры денег пока не раздобыли для своих. Не знаю, к<а>к мы там будем.

Приехав в Berlin, узнала о голодовке Гоца, а сейчас мне сообщили, что он освобожден⁵. В Sorrento ничего не знала. Виновер⁶ не хотел меня волновать⁷ и оч<ень> мало писал и ничего не сообщал о делах.

Здесь выяснила, что, по-видимому, опять трудная полоса у нас будет.

Со своим фурункулезом я, кажется, покончила, дрожжи пила в Москве, но безрезультатно. Хорошо повлияло на меня свечение кварцевыми лучами и то, что прекратили меня резать и только светили (18 сеансов было) и клали компрессы из фильтратов Безредько. Ну, а итальянское солнышко закончило дело.

С этим, видимо, организм справился, но энергии нет. Какое-то противное пассивное состояние.

Жалко было уезжать из Италии. И солнца жалко, и еще больше жаль не видеть каждый день внучку – Марфу⁸. Очень мечтаю вырваться к своим весной, коли мы не умрем, и Виновер меня отпустит.

Что же это Сер<гей> Ник<олаевич> у Вас расклеился? Ведь он сначала так хорошо поправился за границей.

Кланяйтесь ему, поцелуйте Евг<ению> Ив<ановну>. Коли захотите что мне написать, адресуйте в Варшаву: Smolna 6, Croix Rouge, Polonaise. Я там пробуду до вечера пятницы 6/XI, в воскресенье 8/XI буду в Москве. Если письмо опоздает – мне перешлют.

Жму Вашу руку и еще раз привет Сер<гею> Ник<олаевичу> с Евг<енией> Ив<ановной>.

Ек<атерина> Пешкова⁹.

¹ Репьева Евгения Ивановна.

² Е. Д. Кускова просила Е. П. Пешкову, чтобы она, приехав в Прагу, остановилась в ее семье, а не в отеле; предлагала выслать визы и создать «все условия для жизни: покой и самый тщательный уход»; обещала постараться «не утомлять ее и ничем не огорчать: не хочет видеть русских – не надо, желает их видеть – сколько захочет». Е. Д. Кускова писала: «Нельзя же совсем без ласки оставить невольных изгнанников». Е. И. Репьева, присоединяясь к Е. Д. Кусковой, приписала, что приезд Е. П. Пешковой в Прагу для них – настоящий праздник. «Я уже заранее сияю при мысли, что увижу Вас и в Вашем лице кусочек моей любимой Москвы»; она писала, что, если Екатерина Павловна минует Прагу, для них это будет огромным разочарованием, и также обещала: «Из русских будете видеть, кого захотите». // ИМЛИ. АГ. ФЭП-кр. 36-19-3.

³ В Париже сборы для ПОМПОЛИТа осуществлялись с помощью Берты Меринг, бывшей одним из членов-учредителей МПКК (представительницей БУНДа) и уехавшей из России в конце 1921 г. (или в начале 1922 г.). Ниже приводим два ее письма:

«26/XI <1924>. Paris.

Дорогая Екатерина Павловна, от Лидии Осиповны <Дан> узнала, что Вы в Италии, и шлю Вам горячий привет и пожелания силы и бодрости в той тяжелой работе, которую Вам приходится нести. Не писала Вам никогда, не зная, не будет ли это Вас напрасно беспокоить. Хотела бы теперь Вам сообщить, что недели три тому назад мы выслали Вам через банк сто долларов; пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, что все деньги, идущие из Парижа на Ваш адрес, направляются в полное Ваше распоряжение; без всяких обязательств по отношению к сидящим социалистам. От Лидии Осиповны мы узнали, что теперь представляется okazия кое-что из вещей переслать; мы наспех собираем, и если удастся, отправим в субботу корзину ношеного платья в Варшаву, а квитанцию pošлем Вам по адресу Польского креста. Мы только не уверены, удастся ли Вам получить эти вещи без пошлины – было бы очень хорошо, если бы Вы могли черкнуть пару строк по этому поводу. В феврале одна из местных еврейских благотворительных организаций отправит в Москву вагон вещей, они нам обещали, что возьмут и у нас вещи с тем, чтобы их передать непосредственно Вам – считаете ли Вы это удобным? Оказия эта очень большая и удобная.

Напишите об этом, дорогая Екатерина Павловна, если Вам не трудно.

О себе писать скучно. Если бы не хворала, было бы лучше.

Большой привет Михаилу Львовичу и всем старым работникам Креста. С каким удовольствием я бы вновь очутилась на Кузнецком!

Крепко, крепко жму руку и желаю Вам большого успеха. Б. Меринг». // ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 26. Л. 177-177 об. Автограф.

«Paris. 2/II <1925>.

Дорогая Екатерина Павловна, выслала Вам, на Ваше имя, через банк для нужд заключенных 355 долларов, из коих 37 долларов от частного лица, в пользу лиц заключен<ных> в Киевской тюрьме по делу - процессу Киевских профессоров.

Буду Вам очень благодарна, если черкнете пару строк о получении пересланных денег.

Привет Вам сердечный и крепко жму руку. Б. Меринг.

Я надеюсь, что деньги Вы уже получили. Не сообщала об этом раньше, т<ак> к<ак> была опять больна». // ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 74. Л. 176. Автограф.

⁴ Е. П. Пешкова была в Италии с 14 сентября по 28 октября 1925 г. Уехала она из России больная фурункулезом, с забинтованными руками. Она писала М. К. Николаеву, что, хотя «без определенного дела» чувствует себя «нелепо», но должна отсидеть в Италии положенный на поправку срок («знаю, что должна совсем здоровой вернуться»). О своих итальянских ощущениях она писала: «Все так далеко от нашей жизни» (<море, музыка, праздник>), «Какой-то потусторонний мир, так далеко от нашего безбожника», «Все не наше, не то, чем наполнен наш день», «Отдыхать можно, когда все окружающее отрезывает от того, чем живешь», а по поводу быта на вилле «Il Sorito»: «Неприятно брать ванну из воды, которую приносят на головах – это, как ездить на людях». // ИМЛИ. АГ. ФЭП-рл. 8-15-199, 8-15-205, 8-15-207.

⁵ В мае 1925 г. А. Р. Гоц был освобожден из тюремного заключения и сослан в Ульяновск. Через 1,5 месяца вновь арестован по обвинению в попытке организовать побег (вместе с ним был арестован и Е. М. Тимофеев). В сентябре - октябре 1925 г. они провели ряд голодовок, к которым присоединялись и другие цекисты, находящиеся в заключении. Информация об аресте А. Р. Гоца и Е. М. Тимофеева и об их голодовках просочилась на Запад, вызвав нежелательные запросы к советскому правительству. // Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства. М.: Росспэн, 2005. С. 563-575.

⁶ Е. П. Пешкова так писала фамилию М. Л. Винавера.

⁷ Отношения Е. П. Пешковой с репрессированными эсерами отличались от ее отношений с другими подопечными МПКК, а затем ПОМПОЛИТа. Она выделяла эсеров из других категорий репрессированных (важнейшее разногласие с Н. К. Муравьевым: Е. П. Пешкова и М. Л. Винавер придерживались того взгляда, что Политический Красный Крест должен оказывать помощь в первую очередь репрессированным членам политических партий, т.е. борцам за идею). Е. П. Пешкова была членом ПСР, из партии вышла, начав работать в МПКК (как уже говорилось выше, беспартийность была непременным условием работы в организации), и эсеры были ее товарищами по борьбе за светлое будущее. Согласно следственному делу, возбужденному против нее в июле 1919 г., она обвинялась как член ПСР. При обыске в приемной МПКК, проведенном ГПУ 3 августа 1922 г., был обнаружен и конфискован архив члена ЦК ПСР М. А. Веденяпина, обвиняемого по процессу цекистов, и другие компрометирующие документы, указывающие на связь МПКК с репрессированными эсерами.

⁸ Марфа - первая внучка Екатерины Павловны, родилась 17 августа 1925 г.

⁹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 52-59. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

2-2

13/VIII-26. <Сорренто>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Хоть Вы и ошиблись в моем отчестве (Павловна, а не Ивановна)¹, но не ошиблись в том, что я делаю. Действительно, с 10 августа, как приехала сюда, вожусь с чудесной внучкой. Премилое и пресмешное создание.

Попала снова оч^{<ень>} кстати, т^{<а>}к к^{<а>}к няня девчушки заболела за неск^{<олько>} дней до моего приезда, и матери одной было с ней трудно. Вчера обнаружился у нее тиф – определил врач, вызванный из Неаполя, а здешний лечил от колита. Сегодня ее увозят в больницу, все надо дезинфицировать и ждать, не заразятся ли кто. Вот в какое время сюда попала.

Вчера вечером принесли Ваше письмо. Встретимся ли мы на обратном пути, не знаю. Где Вы будете в конце августа, в начале сентября? До этого времени рассчитываю пробыть у наших, если не вызовут раньше в Варшаву или в Москву, где остался Виновер один, т^{<а>}к к^{<а>}к все из Креста разъехались в отпуска и по дачам. Только Лид^{<ия>} Петр^{<овна>}² вернулась.

О чем Вы хотите со мной говорить? О Кресте или, вообще, о том, к^{<ак>} мы живем?

В сфере узкой работы Креста потеря Дзержинского³ незаменима. А будь Менж^{<инский>}⁴ или Уншлихт⁵ – это не большая разница. И Уншлихт неплохо относится к Кресту, но его кандидатура и не намечалась. Дзержинского бесконечно жаль.

Жду Вашего письма.

Вас с Евг^{<енией>} Ив^{<ановной>} целую. Она ведь с Вами. Сер^{<гею>} Ник^{<олаевичу>} – привет и пожелания скорей поправиться. Ал^{<ексей>} М^{<аксимович>}⁶ – все такой же худой и бледный.

Ек^{<атерина>} П^{<ешкова>}⁷.

¹ Екатерина Дмитриевна Кускова, по-видимому, ошиблась потому, что в это же время она переписывалась и с Екатериной Ивановной Муравьевой.

² Куприянова Лидия Петровна.

³ Дзержинский Феликс Эдмундович – в 1926 г. нарком внутренних дел и председатель ВСНХ СССР.

⁴ Менжинский Вячеслав Рудольфович - в 1926 г. после смерти Ф. Дзержинского был назначен председателем ОГПУ.

⁵ Уншлихт Иосиф Станиславович в 1925-1930 гг. – зам. председателя РВС и зам. наркома по военным и морским делам. Разрешение на работу ПОМПОЛИТа (удостоверение) было выдано в ноябре 1922 г. за подписью Уншлихта.

⁶ Горький Алексей Максимович.

⁷ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 49-51. Фотокопия.

Не сразу Вам ответила, дорогая Екатерина Дмитриевна, т<а>к к<а>к хотела выяснить, когда выеду. Теперь по письмам из Москвы и Варшавы вижу, что могу остаться здесь до дня «Picdigrotta» 7/IX. Это день праздника песни в Неаполе.

Если Вы находите нужным повидаться, заеду к Вам, а то в следующий свой приезд непременно хочу попасть в Париж, тогда опять не попаду к Вам. Отсюда выеду 8/IX, дня два займут визы обратные в Риме. Значит, 11-12 буду во Флоренции, куда непременно хочу заехать хоть на 1 день¹, оттуда могу завернуть к Вам в Marienbad или Прагу, судя по тому, где Вы 12-15 будете. Ответьте мне в Неаполь Hot Continental, еще лучше, если ответите Peschkow Sorrento телеграммой, чтоб я могла сообразить заранее обратный путь.

Т<а>к к<а>к деньги из Праги посылали, судя по Вашему письму, Вы, – посылаю Вам квитанцию на них. А я запросила Вл<адимира> Мих<айловича> Зенз<инова>², не он ли посылал, но не получила ответа. Послала ему письмо, на адрес Mering³.

Было оч<ень> досадно прочесть в Известиях письмо Ал<ексея> М<аксимовича>, кот<орое> сочли возможным напечатать с выдержкой из моего к нему письма⁴. Для заграницы своего мнения о Дзержинском не скрываю и даже считаю своим моральным по отношению к нему долгом сказать о нем то хорошее, что знаю о нем. Он т<а>к много помог нам за эти годы, устраняя то ненужное ни для никого, что облегчало участь наших подопечных⁵.

Что это у Вас все болеют? Евг<ения> Ив<ановна> тоже сплеховала. А ведь она у нас была молодцом. Мих<аил> Льв<ович>, пишут мне, без меня замотался. Лид<ия> Петр<овна> оч<ень> хороший помощник, но к несчастью, она оч<ень> занята службой и появляется у нас часов в 5 – 6, когда мы уже окончательно обалдели от разговоров.

Ну, до свидания. А Marienbad это не очень не по дороге мне?

Всего лучшего. Привет Сер<гею> Ник<олаевичу>. Целую Вас и Евг<ению> Ив<ановну>.

Ек<атерина> П<ешкова>⁶.

¹ В сердце Е. П. Пешковой Италия занимала особое место. Не только потому, что с Италией была связана значительная часть ее жизни, что здесь продолжительное время жили А. М. Горький и их сын с семьей, что здесь родились обе ее внучки. Оказавшись в Италии в годы эмиграции, она всем сердцем полюбила ее море, ее природу, ее народ с его обычаями и ее замечательную культуру. Она знала итальянский язык, на котором могла читать и говорить. В 1923 г., выехав из Советской России за границу по делам Польского Красного Креста, она сумела, несмотря на трудности, выбраться на несколько дней в Италию, в Alassio, где когда-то жила в годы эмиграции. Письмо, отправленное ею в эти дни в Москву, начинается со слов: «Завидно? Хожу и глазам своим не верю, что я здесь», и дальше: «Как хорошо, что попала я сюда», «Как сон эти дни». Природой Италии Екатерина Павловна всегда на-

слаждалась, при этом она чувствовала себя едва ли не виноватой перед оставшимися в России, ей было, как она писала, «совестно немножко красоты, в которой живу». И совсем уже по-особенному Екатерина Павловна относилась к Флоренции, немало строк в своих письмах она посвятила ей. Вот лишь немногие слова восхищения: «Флоренция, как всегда, пленила», «каждый раз что-то новое видишь в этом чудесном городе», «уж очень хорош этот город, ни один не действует так умиротворяюще», «изумительный город для приведения в порядок нерв», «что за чудесный город». Каждый раз, бывая в Италии, она выбиралась во Флоренцию. В последний раз она посетила Италию в 1935 г., через год после смерти сына, когда жизнь для нее была особенно тяжела. На прощание она съездила в любимую Флоренцию, остававшуюся для нее по-прежнему притягательной. «Флоренция, как всегда, чудесна, всегда что-то новое можно увидеть в ней», - написала она оттуда. Внучка Е. П. Пешковой Марфа Максимовна Пешкова рассказала, что когда умирающую Екатерину Павловну спросили, чего бы ей хотелось (имелись ввиду бытовые желания), она ответила: «Увидеть Флоренцию».

² Зензинов Владимир Михайлович – председатель Берлинского «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России».

³ Меринг Берта Борисовна. (1885-1970) – одна из членов-учредителей МПКК, представитель БУНДа, в эмиграции с 1921 г. Жила в Париже, работала в зарубежных организациях помощи политическим заключенным и ссыльным в России.

⁴ Речь идет о частном письме А. М. Горького, напечатанном в газетах «Правда» и «Известия» как некролог «М. Горький о тов. Дзержинском». История этого письма («сыгравшего роль катализатора в процессе разрыва Горького с эмиграцией») такова. В день внезапной кончины Дзержинского (20 июля 1926 г.) Е. П. Пешкова, всегда тяжело переживавшая смерть людей, с которыми была когда-либо связана совместной жизнью или работой, написала Горькому: «Нет больше прекрасного человека, бесконечно дорогого каждому, кто его знал». Горький в частном письме к Я. С. Ганецкому процитировал ее слова и присоединился к ним. Публикация этого письма в советской прессе вызвала немедленную и резкую реакцию эмигрантской печати. Зарубежная русская общественность, связанная с заграничными группами Политического Красного Креста, была настолько возмущена отзывом Е. П. Пешковой о «палаче», как о «прекрасном человеке», что одно время Екатерина Павловна полагала, что ей придется оставить работу по помощи политзаключенным.

Мы хотим заметить, что в это же время М. Осоргин – несомненный нравственный авторитет русской эмиграции, безусловно осуждая Дзержинского и категорически не согласный с позицией Горького, доброго отношения к Е. П. Пешковой не изменил. Из письма М. Осоргина к М. Горькому: «Знаю также тяжкий путь, пройденный Дзержинским, и его бескорыстие личное. <...> Но государственный убийца <...> – уже не человек, а извращение идеи человека. <...> Простым человеком и настоящим и искренним имя его будет в России навеки проклято. <...> Очень прошу Вас кланяться Екатерине Павловне, если она в Сорренто. Среди тысячи людей, которых участь она облегчила, был и я». — Бочарова И. Согласно голосу совести // Арбатский Архив. М., 1997. С. 337-338.

⁵ Ниже мы приводим два документа, в какой-то мере проливающие свет на отношение Е. П. Пешковой к Ф. Дзержинскому.

1. Решение Президиума МПКК, состоявшегося 10 августа 1921 г. (когда председателем Комитета был Н. К. Муравьев), по заявлению «В. Н. МАЛЯНТОВИЧА о необходимости принятия мер к освобождению члена Комитета В. А. ПЛЕСКОВА, сидящего в подвале МЧК и объявившего голодовку»: «Просить Е. П. ПЕШКОВУ переговорить с бывшим каторжанином ДЗЕРЖИНСКИМ об освобождении бывшего каторжанина ПЛЕСКОВА, В. Н. ФИГНЕР с ЦК РКП, В. Н. МАЛЯНТОВИЧА с Бреславом и Н. К. МУРАВЬЕВА возбудить ходатайство в Президиуме ВЦИК». // ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 27. Л. 43.

2. Письмо Е. П. Пешковой к Ф. Д. Дзержинскому, написанное во время ее пребывания в Варшаве по делам Польского Красного Креста. В письме идет речь об «обмене» польскими и российскими подданными, заключенными соответственно в российских и польских тюрь-

мах (т. е. в тюрьмах государства, подданными которого они не являлись). В соответствии с договором этот «обмен» происходил два раза в год по спискам, заранее составленным и согласованным с органами. Упоминаемая в письмах пани Стефания Семполовская являлась Уполномоченной Бюро Российского Красного Креста в Варшаве (Е. П. Пешкова – Уполномоченной Бюро Польского Красного Креста в Москве).

«Варшава. 30/V-24<г.>

Феликс Эдмундович.

Говорили мы тут с р<ани> Stefani'ей. У нее есть люди, которых необходимо вывозить из тюрем. Среди моих подопечных ряд лиц не попадает в обмен группы, посылаемой дополнительно к только что обмененным (со стор<оны> Польши осталось 14 ч<еловек>, со стор<оны> Росс<ии> 40 с чем-то). Семполовская в бытность свою в Москве оставила списки лиц, кот<орых> она предлагала взять отсюда. После она добавила неск<олько> человек, найденных при объездах тюрем.

Было бы оч<ень> хорошо, чтоб вместо дополнительной отправки (14 и 40 с чем-то) обе стороны послали по увеличенному списку (60 чел<овек> отсюда и соответственное количество от нас). Это ликвидировало бы обмен данного времени. Ну, что людям зря сидеть тут и у нас.

К<а>к видите, я все еще во власти «дел», хотя уже неделя, к<а>к уехала из Москвы.

Будьте здоровы.

Ек<атерина> Пешкова». // РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 87. Л. 2-2 об.

⁶ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 89-96. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

2-4

Pani Procopovicez

Villa Benes 1258

Praha Kosire

Tchechoslovakia.

7/IX-26. <Сорренто>.

Получила Вашу телеграмму, а сейчас и письмо. Сегодня уезжаю отсюда. Из Флоренции или из Рима дам Вам телеграмму, когда буду и проеду в указан<ный> Вами Hotel. Больше дня пробыть в Праге не смогу, т<а>к к<а>к пересидела больше, чем следовало, здесь.

Привет Вам, Е<вгении> И<вановне>, С<ергею> Н<иколаевичу>.

Е<катерина> П<ешкова>¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 139-141. Открытка с фотографией «Sorrento. Panorama da Capodimonte». Фотокопия, сторона с текстом сфотографирована дважды.

2-5

18/X-26. <Москва>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Не скоро по приезде отвечаю Вам, хотя о возвращенцах¹ говорила уже недели 2 назад. Из всех разговоров ясно мне, что было бы хорошо, чтобы те, кто хочет сюда ехать – переговорили бы лично с Овсеенко². Разумеется, не шла бы говорить вся группа лиц, желающих вернуться, а пошло бы 2 - 3 человека от них. Вопрос о каждом будет решаться индивидуально, но общий вопрос с мертвой точки сдвинут, и общего предубеждения, на мой взгляд, после данных разъяснений нет.

Придется переговорить еще кое с кем после конференции, тогда же еще раз переговорю и об Ал<ексее> Вас<ильевиче> Пешехонове. Советовали мне поднять вопрос о нем тоже в следующей инстанции, а не там, где я говорила, и поднять – после конференции.

Тогда опять напишу Вам.

Возвращаю Вам письмо Ш. Любопытное.

Я тут по приезде совсем разъехалась, и бок вновь болит, и температура, и нервы разъехались донельзя.

Ехала и думала, что если кто-ниб<удь> из заключ<енных> подумает обо мне т<а>к, к<а>к предполагала, <что> могут подумать, Лид<ия> Ос<иповна>³, надо бросить работу в Кресте.

Никто из закл<юченных> и ссыл<ьных> т<а>к не реагировал, даже и похожего чего-л<ибо> на это не было. Некоторых заинтересовало даже, почему я т<а>к сказала о Дз<ержинском>. И сурового к себе отношения от закл<юченных> и ссыл<ьных> не встретила. Уже отовсюду были люди со свиданий, и отовсюду получаю прежние обращения. Но хотела выждать с месяц, к<ак> приехала. - То, что доверие ко мне пересилило естеств<енное> чувство неприятного впечатления у закл<юченных>, помогло взять себя в руки от всей трепки нерв последнего времени и разговоров и переписки с людьми на воле.

Теперь уже никак на это реагировать не могу, т<а>к к<а>к заключенным, а не нам было решать – вести ли мне дальше работу, а у них и не встал этот вопрос, то и у меня – единственной, ставившей себе этот вопрос, он отпал. Жизнь заставила даже немного раньше этого моего решения говорить о некот<орых> делах. Нервно поговорили у нас в Комитете по моем возвращении, но у них мысль о возможности прекратить работу не приходила в голову. Сейчас здесь это отошло в область прошлого, и работа каждого дня заслонила все прочее. Меня же истрепала эта история здорово, и меня мои друзья сегодня выгоняют на пару недель на юг, а то здесь не оправлюсь никак и не осилить зимы, когда без Виновера придется работать⁴.

Привет Евг<ении> Ив<ановне> и Сер<гею> Ник<олаевичу>. Привет Бор<ису> Н<иколаевичу>⁵.

Лид<ии> Петр<овне> очень понравились книжки Евг<ении> Ив<ановны>. Рассказала ей все о вас всех.

Будьте здоровы. Ек<атерина> Пешкова⁶.

¹ В 1922 г. из России была выслана группа интеллигентов (более 60 человек). Т. к. в соответствии с большевистским законодательством высылка назначалась на 3 года, то формально осенью 1925 г. срок ее истекал, и можно было начать ходатайствовать о возвращении в Россию. Высылка была насильственной и большинством высланных воспринималась как тяжелое наказание; но спустя 3 года ситуация изменилась и для многих путь, по которому пошла Россия, стал неприемлем. Они решили остаться за границей. Однако, были и немногие другие – охваченные «ностальгией» и мечтавшие вернуться на родину, так называемые «возвращенцы». Самым ярким представителем «возвращенцев» был Пешехонов. Выступления Пешехонова, поддерживаемые другими лидерами «возвращенцев» (Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокоповичем, М. А. Осоргиным), способствовали второй после сменовеховства волне возвращения интеллигенции на родину.

² Антонов-Овсеенко Владимир Александрович - в 1924-1928 – полпред СССР в Чехословакии.

³ Дан Лидия Осиповна - член Берлинского Комитета «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России».

Ниже приводим отрывок из ее письма Б. Меринг и два отрывка из ее писем Е. Д. Кусковой.

1. «18/VIII [1926]

Милая Берта Борисовна.

Сегодня получила Ваше письмо и тотчас почти отвечаю т<а>к к<ак> до него хотела писать Вам.

Я третьего дня прочла письмо Горького (чорт с ним, я совершенно равнодушна к бестактностям и даже больше этого человека), но слова Екат<ерины> Павл<овны> меня привели в такое состояние, что я третий день схожу с ума и в (сл нрзб), если это верно, повторяю, я буду ей писать.

Что с того, что Дз<ержинский> доверял Е. П. Пешковой и что-то иногда делал, терпел Кр<ест> в том уродливом виде, как тот существовал последние годы, и с которым приходилось мириться, разве из этого следует (и из-за личного), что можно менять оценку людей в масштабе общественном. Он был и в потомство уйдет как палач, как убийца. Пусть фанатик, пусть маньяк, тем хуже для несчастной России. Я не могу пережить, не могу примириться и вряд ли смогу иметь дело с Е<катериной> Павл<овной>. Я не могу. Нельзя идти до бесконечной (сл нрзб), объяснение и т. д. О ее "личном" отношении к Дз<ержинскому> мы, ее ближайшие сотрудники, ничего не знали. Я не могу работать и быть на одном деле с человеком, который так тщательно прячет свое лицо. Это ее отношение к Дз<ержинскому> для меня удар грома среди ясного неба. Я этого пережить не могу». // The International Institute of Social History in Amsterdam. Archiv B. MERING. Письмо Л. Дан. Автограф.

2. 12 декабря 1926 г. «Я на Вас в претензии – что это Вы обласкали Екатерину Павловну после ее нелепого гаффа? Конечно, в том, что ее письмо с похвальным словом Дзержинскому попало в печать не по ее вине и уж, конечно, против ее воли, я уверена, но самый факт нелогичности таких чувств к Дзержинскому у человека, который чаще видел его жертв, чем допускался перед его светлые очи, меня очень задел, почти оскорбил и уж во всяком случае лишил охоты вести в дальнейшем с ней дела. <...> Это приблизительно я ей написала, а она в письме к Зильберберг ссылалась на то, что в Праге ее обласкали, а люди уж, наверное, не хуже берлинцев. Я тоже считаю, что люди не хуже, но на этот раз дали маху». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 17. Машинопись.

3. 19 декабря 1926 г. «Хотела еще написать, что никак не могу разделить Вашего добродушного отношения к Е.П. Я не могу равнодушно слышать, как поются дифирамбы победителям в то время, как не остыла еще кровь, пролитая побежденным, вернее, выпущенная победителями. <...> Это не только моя мораль, но и Ваша, смею думать. <...> Что касается до того, как реагировать на все это невольное “выступление” Е. П. в России, то я знаю только одно – она обратилась, между прочим, и в нашу организацию, должна ли она покинуть свой пост, на что ей ответили, что такого требования они не выставляют, т. к. не могут решать за заключенных, но если она решит уйти, то они тоже не возражают. Как видите, до выражения доверия очень далеко, но у нас, слава богу, нет парламента. Наших сборов в пользу заключенных мы делать не перестаем и теперь на днях опять собрали около двухсот долларов, причем, я буду предлагать деньги, направляемые в Московский Крест, направлять по адресу Веры Николаевны <Фигнер>, благо она недавно в своей автобиографии гласно заявила, что снова, как встарь, занимается делом помощи жертвам Гражданской войны и политических преследований». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 15-16. Машинопись.

⁴ М. Л. Винавер по возвращении Е. П. Пешковой из заграницы уезжал на какое-то время в Польшу, где жила его жена. В связи с тем, что право подписи под документами ПОМПОЛИТа имела одна Е. П. Пешкова, а в ее отсутствие - М. Л. Винавер, то вместе они из Москвы никогда не уезжали, чтобы не приостанавливать работу.

⁵ Рабинович Борис Николаевич – один из учредителей и казначей Пражского ПКК.

⁶ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 21-36, 110-118. Фотокопия, каждый лист сфотографирован трижды.

2-6

15/XI-26. < Москва >.

Милая Екатерина Дмитриевна.

Передайте, пожалуйста, Бор<ису> Ник<олаевичу> прилагаемую квитанцию и скажите ему, чтобы он известил меня, предназначены эти 200 р<ублей> для Сары Ник<олаевны>¹, для цекистов или, вообще, для с-р. Ничего не пишу больше, т<а>к к<а>к уезжает лицо, кот<орое> отправит Вам это письмо, и торопит меня. Е<катерина> П<ешкова>².

¹ Гоц (ур. Рабинович) Сара Николаевна – см. примечание 2 к письму 1-28.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 1-2. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

2-7

HOTEL EUROPEJSKI

WARSZAWA

20/III 27. <Варшава>.

Милая Екатерина Дмитриевна! До вторника пробуду в Варшаве. В среду 23/III неск<олько> часов между поездами буду в Вене. Еду к своим недели на 2.

Черкните мне туда. Sorrento, villa "Il Sorito".

Говорят здесь, что читали мой ответ брату Пав<ла> Дм<итриевича>¹ в газетах.

Как ни старалась не попасть со своим именем в газеты – опять случилось. За-чем он это сделал. А я еще волновалась, дойдет ли мой ответ к нему². На днях судьба П<авла> Д<митриевича> решится. Со всеми, с кем требуется, я говорила перед отъездом и получила заверения, что ничто страшное ему не грозит. Скажите об этом его брату, но без права передавать об этом в газетах, так как это и неудобно мне и не выгодно для Пав<ла> Д<митриевича>.

Как только будет приговор, меня известят, а я сообщу Вам. Как здоровье всех вас троих? Судя по письмам, полученным Лид<ией> Петр<овной>, у вас все ладно? Не пишу сейчас больше, так как у меня страшная толчея в номере – беспрерывно народ. Целую Вас, Ев<гению> И<вановну>, С<ергею> Н<иколаевичу> привет. Бор<ису> Н<иколаевичу> скажите, что у Сар<ы> Ник<олаевны> сейчас все здоровы. Пусть напишет мне в Sorrento.

Ек<атерина> Пешкова³.

¹ Долгоруков Павел Дмитриевич.

² 29 января 1927 г. ПОМПОЛИТом было отправлено письмо в Прагу следующего содержания:

«Петру Дмитриевичу Долгорукову.
Прага.

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, брат Ваш, Павел Дмитриевич Долгоруков, действительно арестован и содержится в Харькове.

Дело его в следствии. Ваше письмо переслано ему.

Помощь ему оказать, конечно, можно. Вы можете прислать для него деньги в наш адрес. Вчера перевели ему десять рублей». // ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 168. Л. 20. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390а. Л. 1-2. Письмо написано на листе со штампом варшавской гостиницы. Автограф.

2-8

29/III-27. <Сорренто>.

Милая Екатерина Дмитриевна!

Приехав, застала здесь Ваше письмо¹.

Рада, что быстро отозвались. Деньги от Петр<а> Дм<итриевича> Долгору<кова>, если это те, что он послал через Париж, мы получили, о чем послали Josefson'y² квитанцию. Кроме того, есть специальные поступления для него и в Рос-

сии. Есть – пока сидит. Скоро он получит приговор, видимо, высылку не оч^{<ень>} скверную, судя по впечатлению во время последних переговоров о нем. Для ссылки денег ему потребуется, конечно, больше, чем пока сидит.

Если есть для него деньги, удобнее всего их прямо перевести на Кузнецкий 16, и известить письмом, что такая-то сумма переводится такому-то. Но если брат денег не добудет, пусть не оч^{<ень>} беспокоится, т^{<а>}к к^{<а>}к для Пав^{<ла>} Дм^{<итриевича>} персонально можно достать и у нас.

Относительно цифр пражского корреспондента³ ничего сказать не могу. Видимо, это данные отдела частных амнистий при ВЦИК'е постоянно действующем. Каковы будут результаты комиссии по амнистии, кого она захватит, покрыто мраком неизвестности, и все мы пытаемся лишь слухами – весьма неясными.

С Пешехоновским въездом все еще вопрос висит в воздухе.

Ник^{<олай>} Дм^{<итриевич>}⁴ просит меня Вам передать, что он давал сведения о разрешении, об отказе и пр^{<очем>}, что он сообщал, как результат переговоров с Менж^{<инским>}. Но ведь дело не в том учреждении, а в другом – высшем. Там все на той же точке.

Что за несчастная семья. То тяга домой не давала покоя, то болезни.

Доклад Сер^{<гея>} Ник^{<олаевича>} пошлите мне в Варшаву. Вы не забыли там адрес: Smolna 6, Polsk. Strerw. Krz., для меня.

Да, еще возвращаюсь к деньгам для Пав^{<ла>} Дм^{<итриевича>}.

Вы пишете, что из Berlin'а было послано для него 25 дол^{<ларов>} на имя Веры Ник^{<олаевны>}⁵. Они получены, конечно. Но сестра Лид^{<ии>} Ос^{<иповны>} Женя⁶ сообщила, что деньги – для Креста. Так они и были записаны и израсходованы.

П^{<авел>} Дм^{<итриевич>} в своем письме, видимо, писал о первых 10 р^{<ублях>}, <в> след^{<ующий>} месяц ему было переведено вновь 10 р^{<ублей>} и т^{<ак>} д^{<алее>}, и посылаются оч^{<ень>} хорошие посылки. Послали ему в последний раз в день моего отъезда белье, одеяло. Все, что понадобится, - пошлем, когда будем знать место его высылки. Очень мы смеялись: - в его письме ко мне подпись: «с буржуазным приветом. П. Д.» Да, а что касается насчет бойкота меня Berlin'ом, о кот^{<ором>} Вы сообщили Виноверу, а теперь написали мне, то он или отошел в области преданий, или был частным мнением Лидии Осиповны. После Вашего письма Мих^{<аил>} Льв^{<ович>} написал об этом Фридлендеру⁷, котор^{<ый>} был в Berlin'е. Тот прислал ему ответ, что никакой враждебности ко мне там нет. Все, к^{<а>}к было. И мы тогда же получили в мой адрес какое-то количество денег для Креста.

Ну, а если это и есть - их дело. Меня могло волновать отношение заключенных. Оно было очень заботливым и трогательным, и оно решило вопрос, кот<орый> сама себе ставила.

Ну, хватит об этом. В свое время достаточно намучилась от дум, и разговоров, и переписки.

На другой день после заметки о неск<ольких> частных заводах, в том числе Фридлендера, было разъяснение, что никем не «открыт» незарегистрированный завод, а что он с ведома и в контакте с ВСНХ работал. Ничего ему не грозит.

Жалко, что Фридлендерам не удалось получить визу в Италию. Надеялась встретить их здесь.

Что-то я расписалась. Целую Вас, Евг<ению> Ив<ановну> за себя и Лид<ию> Петр<овну>.

Серг<ею> Н<иколаевичу> привет. Ек<атерина> П<ешкова>.

Ал<ексей> М<аксимович> кланяется⁸.

¹ Письмо Е. Д. Кусковой к Е. П. Пешковой от 22 марта 1927 г. (подлинник) сохранилось и находится в архиве Е. П. Пешковой // ИМЛИ. АГ. ФЕП-кр. 36-19-5.

² М. Josefson - представитель организации "Croix Rouge Russe a Paris. Secours aux corvess politique en RUSSIE". Через эту организацию оказывалась помощь (деньгами и вещами) российским политзаключенным и политссыльным различных категорий. Деньги обычно пересылались чеками через банк (Banque du "Commerce pour Pays de l'Europe"), по их получении Е. П. Пешкова высылала расписку, а затем по получении денег адресатом – извещение о факте их получения лицом, которому помощь оказывалась. Вещи, как правило, передавались через Варшаву (Польский Красный Крест).

³ Е. Д. Кускова сообщала, что в письме московского чешского корреспондента приводятся следующие данные: в 1926 г. комиссия ВЦИК амнистировала 14. 030 человек, из них по политическим преступлениям - 12,5 %, из них крестьян – 49,8 %, чиновников – 27 %.

⁴ Вероятно, Николай Дмитриевич Кондратьев.

⁵ Е. Д. Кускова сообщила, что Берлин «во исполнении своего глупого постановления не иметь с Вами дела» послал 25 долларов на имя Веры Николаевны Фигнер.

⁶ Цедербаум Евгения Осиповна (1882-?) – младшая сестра Ю. О. Мартова. В 1909 г. уехала из России в Париж, училась в Сорбонне. По-видимому, в это время познакомилась с Е.П. Пешковой, в те же годы тоже жившей в Париже и учившейся в Сорбонне. В 1920-х годах она жила в Москве недалеко от Е. П. Пешковой: в Мыльниковом переулке (теперь улица Жуковского).

⁷ Фридлендер Рафаил Григорьевич.

⁸ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 3-20, 119-130. Фотокопия, каждый лист сфотографирован трижды.

24/IX-27. <Сорренто>.

Милая Екатерина Дмитриевна.

Уже больше полутора недель живу у своих. Приехала позднее, чем думала, т<а>к к<а>к задержалась на неск<олько> дней в Москве, неск<олько> дней пробыла в Варшаве. Здесь застала Ваше письмо и письмо Петра Дм<итриевича>¹.

Простите, что не сразу отвечаю. Полежала на солнце, покупалась, более или менее пришла в себя и теперь пишу, а то оч<ень> усталой сюда приехала и хотелось мыслями подальше от своей работы уйти.

Надо написать и П<етру> Дм<итриевичу>. Но совсем не знаю, куда и когда отсюда уеду. Собиралась в эту поездку побывать в Париже. Даже запаслась для этого французской визой. Но оказалось, что прибавление семейства у Максима вместо 1/2 сентября состоится или в конце или в первой половине октября. Так что гораздо дольше, чем предполагала, придется мне пробыть здесь, и не будет возможности заехать во Францию. Тогда ограничусь тем, что поеду не прямым поездом Рим – Варшава, а заеду в Berlin на день. В дороге 1 день будет лишний. Так что всего два дня на это уйдет. Вот и думала предложить П<етру> Дм<итриевичу> приехать туда и переговорить о том, что его интересует. Сказать особенно нечего, т<а>к к<а>к ведь я не видела Пав<ла> Дм<итриевича>, а лишь получила от него неск<олько> писем и, ожидая его скорого выезда в ссылку, мы послали ему целое «приданое»: пальто, две - три смены белья и пр<очее>. Разумеется, ни о каких истязаниях не могло быть и речи. Все это вышло, как мы думаем, для всех, к<а>к и для нас – неожиданно².

Распоряжения о переписке нет. И, конечно, Ваша или Евг<ении> Ив<ановны> переписка не может повредить Лид<ии> Петр<овне>. Ведь кому надо, прекрасно известны ваши давние отношения.

Лид<ия> Петр<овна> и Нат<алья> П<етровна> оч<ень> вам всем кланяются. Теперь Лид<ии> Петр<овне> и прочим нашим в Кресте приходится измышлять, к<а>к заполнить пробел в наших делах, кот<орый> образовался, благодаря национализации з<аво>да Фридлендера, кот<орая> все-таки на днях осуществилась. Мы лишились оч<ень> крупного взноса, к<отор>ый оплачивал нам квартиру и жалованье 4-х служащих. Не знаю, как мы справимся.

Милашевского не знаю, но у меня сейчас живет Скимунт³, которому 64 года, а бодр, свеж, неутомимо ходит. Только чересчур много отдает внимания своему здоровью.

Ваши плохо поправились за лето? Но ведь Вы молодцом?

А что Бор<ис> Ник<олаевич> подделывает? Где он? Я здесь наслаждаюсь обществом внучки – оч<ень> своеобразный милый ребенок. Отдыхаю от своей суеты, но еще мой темп не совпадает с темпом здешней жизни, и все время я куда-то спешу.

Когда выяснится мой отъезд, напишу Вам. Ведь Вы уже в Праге будете безвыездно?

Крепко жму руку и целую Вас. Привет Евг<ении> Ив<ановне> и Сер<гею> Ник<олаевичу>.

Ек<атерина> Пешкова.

Да, Вы спрашивали о Кишкине⁴. С ним не приходилось встречаться, но знаю, что после удара он поправляется и крайне безучастно ко всему относится. Так мне рассказывали люди, кот<орые> у него бывают⁵.

¹ Долгоруков Петр Дмитриевич.

² Вопреки уверениям Е. П. Пешковой и М. Л. Винавера, что Павлу Дмитриевичу Долгорукову грозит самое большое - ссылка, он был расстрелян 7 июня 1927 г. (в числе 20 представителей видных дворянских и буржуазных семей в ответ на убийство в Варшаве советского посла П. Л. Войкова).

³ Скимунт Сергей Аполлонович (1863-1932) – до революции книгоиздатель. Окончил военное Александровское училище, служил, дослужился до чина штабс-капитана, но военной службы не любил. В 30 лет, неожиданно получив после смерти дальнего родственника огромное наследство (два с половиной миллиона, степные хутора и земли), вышел в отставку и постарался разумно употребить «шалые», как он говорил, деньги. Около 100 тысяч рублей пожертвовал «Обществу содействия устройству общедоступных народных развлечений», в котором участвовали Станиславский, Немирович-Данченко, Корш; основал на паях с прогрессивным публицистом В. А. Крандиевским либеральное издательство «Труд»; сблизился с Горьким, через которого щедро финансировал революционные организации. Горький, приезжая в Москву, часто останавливался у Скимунта. В 1905 г. был редактором-издателем московской большевистской газеты «Борьба». Был арестован, освобожден под крупный залог, в ноябре 1907 г. приговорен к 3 г. заключения в крепости, но ему удалось выехать за границу. После амнистии приезжал в Россию на короткое время в 1915 г., окончательно возвратился в 1926 г. Принимал участие в работе издательства «Международная Книга» и жил в семье Е. П. Пешковой. (В московской квартире Е. П. Пешковой и на даче в Барвихе всегда жило много разных людей, попавших в трудное положение; Горький недаром называл ее дом «ковчегом»).

⁴ Кишкин Николай Михайлович. При обыске, произведенном чекистами в квартире Е.П. Пешковой в июле 1919 г., вместе с другими конфискованными у нее бумагами было изъято заявление, написанное М. Горьким в ВЧК: «Всероссийской Чрезвычайной комиссии. Очень прошу освободить арестованного Николая Михайловича Кишкина на поруки мне. М. Горький. 18.II.19.»

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 60-67. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

GRAND HOTEL MINERVA

30/X. <1927. Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна. Из письма Петра Дм<итриевича> узнала, что с Сер<геем> Ник<олаевичем> плохо. Что именно с ним?

Ответьте мне на Smolna 6, Croix Rouge, Polonaise, Warsawa, для меня. Мне перешлют. Пишу Вам накануне отъезда. Собиралась основательно написать, а Вам пишу наспех. Без конца народу у меня все время здесь. Уже устала. А у меня еще новая внучка. Назвали Дарьей¹. Вот, что значит жить вне России.

Оч<ень> тороплюсь отправить хоть эти неск<олько> строк. Целую Вас, Евг<ению> Ив<ановну>.

Сер<гею> Ник<олаевичу>, Бор<ису> Ник<олаевичу> (которому не собралась написать) приветы.

Напишите, что Сер<гей> Ник<олаевич>?

Ек<атерина> П<ешкова>.

Прилагаю письмо для Петра Дм<итриевича>. Нет у меня здесь его адреса. Е<катерина> П<ешкова>»².

¹ Дарья - вторая внучка Е. П. Пешковой родилась 12 октября 1927 г.

² ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 97-102. Письмо написано на листе со штампом флорентийской гостиницы. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

2-11

5/III-28. <Варшава>.

Милая Екатерина Дмитриевна. Везу с собой некоего младенца в Неаполь к тетке¹, а потому никак не выходит мой заезд в Прагу. Если позволят валютные возможности, постараюсь на обратном пути в самых первых числах апреля между поездами посмотреть на всех вас.

Теперь посылаю записку Лидии Петр<овны>, 2 ф<унта> и 15 dol. от нее и квитанцию на 50 р<ублей> для Бор<иса> Ник<олаевича> Рабиновича. Я не знаю его адреса и оч<ень> прошу Евг<ению> Ник.² передать ему квитанцию и мой адрес в Sorrento Villa Le Sorito, чтобы он написал мне и прислал свой адрес и с-ровские последние №№ соц<иалиста>-рев<олюционера>³ и рев<олюционной> Рос<сии>⁴. У меня было последний месяц оч<ень> много неприятностей, и еду измотанная. Конечно, это пройдет, т<ак как> человек, особенно мы, женщины, – народ выносливый.

Как теперь Сер<гей> Ник<олаевич>? А не забывали применять к нему метод Манухина⁵, кот<орый>, когда лечил Ал<ексея> Макс<имовича> говорил, что рентгенизация селезенки ведет <к> увелич<ению> выделения крас<ных> кров<яных> шариков, а потому это не только борьба с туберк<улезом>, но и с лейкокроем.

Вы бы запросили на всякий случай Ек<атерину> Ив<ановну>⁶, ведь она с Манухиным встречается?

Письмо Ев<гений> Ив<ановны> насчет мальчика получила, пришел уже мне и перевод денежный. Я виделась с человеком, кот<орый> привезет мальчика в Москву. Дала ему указания, какие документы он должен получить от деда. Надеюсь, в двадцатых числах Виноввер отправит его в Прагу⁷. По крайней мере, все для этого налажено.

До свиданья. Целую Вас, Евг<ению> Ив<ановну>.

Привет С<ергею> Н<иколаевичу>. Ек<атерина> П<ешкова>⁸.

¹ Мальчика звали Юра Михайлов. До 1928 г. он жил в России. По неизвестной нам причине он лишился родителей, и его тетка, живущая в Неаполе, с осени 1927 г. хлопотала о его выезде к ней. Е. П. Пешкова за непродолжительное время общения с мальчиком успела привязаться к нему и сожалела, что его надо отдавать тетке и нельзя оставить у себя. К этому времени она уже взяла на воспитание одного мальчика, оставленного отцом в подъезде приемной ПОМПОЛИТа. Этот мальчик (его звали Александр Воскресенский), выросший в ее семье, погиб на фронте в 1942 г.

² Описка автора, имелась в виду Евгения Ивановна.

³ «Социалист-революционер» - журнал под редакцией Заграничной Делегации ПСР, издавался в Париже в 1927-1932 гг. Первый номер журнала вышел в октябре 1927 г.

⁴ «Революционная Россия» – центральный орган ПСР, издавался в 1920 – 1931 гг., с 1923 г. – в Праге.

⁵ Манухин Иван Иванович.

⁶ Муравьева Екатерина Ивановна.

⁷ Речь идет о мальчике - сыне эмигранта, жившего в Париже. Благодаря хлопотам ПОМПОЛИТа мальчика, остававшегося у бабушки с дедушкой в Астрахани, удалось отправить из России к отцу. Мальчик был доставлен в Прагу 3 апреля 1928 г. (См. письма 1-32, 1-33, 1-34, 1-36, 1-38).

⁸ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 37-48. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

<Между 9 и 11 апреля 1928 г.>

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Не удалось мне попасть к Вам в Прагу. Оч<ень> рада, что Сер<гею> Ник<олаевичу> лучше. Об этом лечении я как раз услышала за границей, когда Вы уже написали о нем. Пишу в поезде – качает. В Варшаве так замоталась и так поздно оставалась каждый вечер одна, что не собралась написать. В Berline тоже все время на людях была. Жаль, не прочла в «Днях»¹ об Ал<ексее> М<аксимовиче>². Мне не успели переслать эти №№. Всего лучшего Вам, Ев<гении> Ив<ановне>, Сер<гею> Ник<олаевичу> желаю дальнейшей поправки. Привет Бор<ису> Н<иколаевичу>. Целую Вас. Ек<атерина> П<ешкова>»³.

¹ «Дни» - эмигрантская русскоязычная газета, выходила в 1922-1928 гг. вначале в Берлине, а с сентября 1925 г. – в Париже.

² 6 декабря 1927 г. в «Днях» было опубликовано «Открытое письмо Горькому» с подзаголовком «Документ из России» – ответ на статью Горького, посвященную 10-летию Октябрьской революции и опубликованную в центральной советской прессе. В анонимном письме содержалась резкая критика позиции Горького, возмущение его славословием и восхвалением «кровавого режима, называемого советской властью».

11 января 1928 г. в «Днях» была опубликована статья Е.Д. Кусковой под названием «Из размышлений», в которой разбирался ответ Горького этому анониму.

В марте 1928 г. в «Днях» было еще две публикации, посвященные Горькому в связи с его шестидесятилетним юбилеем. Одна – «Юный Горький» (из литературных воспоминаний писателя Осипа Волжанина), вторая – «Чествование Горького», в которой рассказывалось о торжествах, проходящих в СССР.

³ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 107-109. Письмо написано на листе со штампом варшавской гостиницы. Фотокопия.

2-13

21/XI <1928. Сорренто>.

Милая Екатерина Дмитриевна.

Уже десять дней живу в Sorrento. Отдохнула, перестали меня мучить мигрени. Между утрами на солнце, читаю книжки. Всегда здесь узнаю наших новых авторов. Прочла оч<ень> интересную книжку Ник<олая> Колоколова «Мед и кровь»¹. Талантливая, сильная вещь.

Хотела, к<a>к приехала, сразу Вам написать и попросить Вас прислать мне Вашу статью об Ал<ексее> М<аксимовиче>. У нас писали, как Вы «повернулись к нему спиной»². Хотела написать Вам, но т<a>к к<a>к хотела лениться и ничего не делать, что вот только теперь собралась, когда скоро уже уезжать надо. Поеду обратно через Париж. Но не хотела бы, чтобы там, кроме нескольких человек, об этом

знали. Ответьте мне, или на Ек<атерину> Ив<ановну>³, или в Berlin Shlutterstrasse 41, an Frau Silberberg⁴. День пробуду в Берлине. И напишите, как здоровье Серг<ея> Ник<олаевича>.

Привет ему и Евг<ении> Ив<ановне>. От Лидии Петр<овны> знаю, что это новое средство сделало чудеса и он себя хорошо чувствует. Пожалуйста, передайте Бор<ису> Ник<олаевичу> мой адрес и скажите ему, что недавно у меня в Москве была Сара Ник<олаевна>. Она очень похудела, много работает к<а>к детский врач и пользуется оч<ень> большой популярностью в городе. А<брам> Р<афаилович> служит. Дети⁵ учатся, оба оч<ень> хорошо.

Целую Вас. Е<катерина> П<ешкова>⁶.

¹ Колоколов Николай Иванович (1897-1933) – прозаик, поэт, работал в газете «Рабочий край», был членом литературной группы «Перевал». «Мед и кровь» - роман о красном терроре вышел в свет в 1928 г. Критика рапповского толка сравнивала этот роман с антиутопией «Мы» Евгения Замятина, обвиняя автора в его непримиримости к действительности, еще большей, чем у Замятина. Горький, высоко оценивая дарование Колоколова (сравнивал его с Фадеевым и Шолоховым), пытался за него заступиться. По его приглашению Колоколов переехал в Москву и начал сотрудничать в журнале «Наши достижения» (ежемесячный журнал, основанный Горьким в 1928 г., где Горький был главным редактором). Из-за несогласия с направлением журнала – «лакировкой» действительности, Колоколов покинул журнал. После этого его перестали печатать, и он превратился в литературного поденщика и писал «в стол».

² В статье «Из размышлений» (газета «Дни» от 11 января 1928 г., № 1295) Е. Д. Кускова писала: «Долго читала в «Днях» письмо из России с вопросами, обращенными к А. М. Горькому–Пешкову, и с нетерпением ждала ответа. <...> И Горький ответил... Прочла письмо и подумала: лучше бы промолчал. <...> Непередаваемо грубо прежде всего заглавие – “Анонимам и псевдонимам”. Максим Горький сам всю жизнь работал под псевдонимом. <...> В 1917 году, говорит Горький, я ошибался, выступая против “диктатуры пролетариата”. Ну, а в 1918, 19, 20 годах он тоже “ошибался”, ходатайствуя в Кремле о спасении жизни многих “паразитов”, о сохранении ученых и писателей (тогда презираемых, третируемых, унижаемых. <...> Горький ездил взад и вперед между Зиновьевским Петербургом и Ленинской Москвой, хлопотал даже за великих князей, укрытых в его квартире, пользовался своим влиянием, чтобы спасти людей от разгоряченной борьбой и кровью диктатуры. И за это столь многие были ему благодарны. <...> Есть одно место в его ответе особенно тягостное. «Сейчас, пишет он, речь идет не о разгроме, а о коренном преображении всей основной старенькой жизни». <...> чтение ответа Горького – одно из тяжелейших переживаний. <...> Горький – кусок русской интеллигенции, певший гимны свободе. Теперь гимны слагаются всевластной диктатуре».

³ Муравьева Екатерина Ивановна.

⁴ Зильберберг Анна Ефимовна – член Берлинского Комитета «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России».

⁵ Миша и Оля Гоц.

⁶ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 131-138. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

< Конец апреля 1929 г. Варшава>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Не написала из Sorrento, т<а>к к<а>к полумертвой туда приехала и все письма, кот<орые> необходимо было послать – писала, заставляя себя взять перо в руки. Плохо отдохнула. Но сердце пришло почти в норму, к<а>к сказал мне сегодня тут доктор.

Кончено, не потому не писала, что обиделась за статью об А<лексее> М<аксимовиче>. Ведь и Бор<ису> Ник<олаевичу> не собралась написать про Сару Ник<олаевну>, кот<орая> была у меня, когда я вернулась осенью.

У них все ладно. Дети растут хорошо, Абр<ам> Р<афаилович> работает по-прежнему. Сара Ник<олаевна> похудела, что ей на пользу.

Возвращаюсь без бодрости. Надеюсь, она вернется, когда начну работать. А, в общем, поизносился организм и, видимо, требует основательной починки.

Не сердитесь, что не писала. Целую Вас и Ев<гению> Ив<ановну>. Привет Сер<гею> Ник<олаевичу>. Ек<атерина> П<ешкова>»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 144-147. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

2-15

10/XI-29. <Сорренто>.

Дорогая Екатерина Дмитриевна! Целых три недели прожила я в Sorrento, теперь еду обратно. Отдохнула только. Хотя здесь было необычно тихо – наши только с неделю назад вернулись, и я жила одна со своими чудесными внучками¹.

Теперь одной четыре, другой – два года, и обе оч<ень> милые и интересные девчущечки. Страшно жалко от них уезжать, оч<ень> привыкла к ним за лето, кот<орое> они провели у меня, пока наши ездили по России. Мы чудесно прожили с ними под Москвой. Была-то я с ними не оч<ень> много, только утро и вечер, и праздники, но занятно было знать, возвращаясь домой, что там есть такие милые существа.

Мелькала мысль ехать обратно на Прагу, но досидела тут до последней возможности, и теперь надо спешить.

Буду рада, если напишите мне в Варшаву – Not<el> Europejski. На Кузнецком у нас безденежье, хотя за этот год через нас по 1 октября прошло около 41 тыс<ячи> руб<лей>, а обычно за год бывает около 40. Все больше устаем от этой работы.

Как здоровье Сер<гея> Ник<олаевича>? Что Ев<гения> Ив<ановна>?

Лидия и Нат<алья> Петровны просили вас расцеловать всех или передать приветы, если не увижу. Они по-прежнему у нас работают. Нат<алья> Петр<овна> оч<ень> увлекается насаждением кустарн<ых> вышивок в Казанск<ой> губ<ернии>. От времени до времени приносит нам разные салфеточки и пр<очее>, и радуется, когда нам нравится.

Вера Ник<олаевна>² – неувядаема. Пешком приходит к нам на Кузнецкий, всегда деятельна и энергична.

Читаю статьи Беседовского³. Не понимаю, почему его так радостно-дружески приняли.

Ну, до свиданья. Целую Вас и Евг<ению> Ив<ановну>. Привет Сер<гею> Н<иколаевичу>. Ваша Ек<атерина> П<ешкова>.

Привет Бор<ису> Ник<олаевичу>. Видела летом Олечку⁴. Она жила у Берты Марк<овны> недалеко от меня. Большая, умная девочка с общественным интересом⁵.

¹ Начиная с 1928 г. и вплоть до своего окончательного возвращения в 1933 г. Горький вместе с семьей сына приезжал на лето в СССР. В 1929 г. он вернулся в Италию только к ноябрю 1929 г. Е. П. Пешкова уехала из Союза за границу 12 октября 1929 г. вместе с внучками и их няней. Посетив Варшаву по делам Польского Красного Креста, Е. П. Пешкова повезла внука в Сорренто, куда они прибыли 21 октября 1929 г.

² Фигнер Вера Николаевна.

³ См. примечание 1 к письму 1-51.

⁴ Оля – дочь А. Р. и С. Н. Гоц. Училась в Москве на медицинском факультете. Сара Николаевна последние годы своей жизни жила с ней.

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 68-76. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

2-16

29/XI- 31. <Франция >.

Милая Евг<ения> Ив<ановна>.

Не сердитесь на меня, что сразу не ответила Вам. Я совсем не помню, сколько Вы тогда перевели. Ведь обычно я, возвращаясь, вношу в кассу Креста деньги, квитанцию отдаю Мих<аилу> Льв<овичу>, который вскоре после моего возвращения уезжает к жене. Верно, так было и с этими деньгами. Я ему написала в Варшаву, чтоб оттуда переслали ему. Вероятно, вернувшись через неделю в Варшаву, найду там его письмо.

Сейчас могу лишь подтвердить, что указанную Вами сумму получила¹. Жаль, что Вы не указали эквивалента 1000 крон в дол<ларах>. Вероятно, это около 50 dol? Это было в апреле? Крест к<а>к-то все еще живет. Комитет все тот же. Появились некоторые новые люди среди сотрудников, более молодые.

Временами бывает непереносимо трудно, бывало прямо физически невозможно принять то кол<ичес>тво людей, кот<орое> приходило на прием. Ваша Леля довольно часто к нам заходит. Отношения с мужем у нее, видимо, восстанавливаются.

Скажите Бор<ису> Ник<олаевичу>, что с большим трудом удалось помочь Мише² поступить в Архит<ектурный> Инст<итут> в Ленинграде. Он оч<ень> вырос, оч<ень> высок ростом и взял лучшее в лице от Сары Ник<олаевны> и Абр<ама> Раф<аиловича>. С Лид<ией> П<етровной> и Нат<алией> П<етровной> видимся оч<ень> часто, т<а>к к<а>к они по-прежнему аккуратно бывают на Кузнецком. Все таким же молодцом Вера Николаевна³. Когда впадаешь в разные настроения, оч<ень> полезно на нее посмотреть или о ней подумать. Сейчас она, вероятно, в Сухуми, где собиралась прожить неск<олько> месяцев, когда я уезжала.

Прожила со своими внуками больше полутора месяцев. Оч<ень> отдыхаешь с ними, т<а>к к<а>к живешь их жизнью и их интересами.

А в Москве бывает подчас оч<ень> и оч<ень> трудно.

Первый раз, кажется, читая Ек<атерину> Дм<итриевну>, чувствую, что и она оторвалась от России. Вот о ней <и> о Бунине⁴ всегда оч<ень> жалею, что не варилась они это время в нашем котле.

Каждый раз, уезжая из Москвы, собираюсь заехать в Прагу к Вам, и все не выходит. Целую Вас и Ек<атерину> Дм<итриевну>. Привет Сер<гею> Ник<олаевичу>. Ваша Ек<атерина> П<ешкова>.

Вот опять задержала письмо и опускаю его во Франции.

В Варшаве мой адр<ес> «Hot<el> Europejski»⁵.

¹ Недоразумение возникло в связи с тем, что иностранная жертвовательница не получила расписки на переданные ею деньги. См. письмо Е. Д. Кусковой, посланное в ответ на запрос этой жертвовательницы (приложение 1, письмо 4).

² Михаил – сын А. Р. и С. Н. Гоц. Окончил архитектурный институт.

³ Фигнер Вера Николаевна.

⁴ Бунин Иван Алексеевич (1870-1953) – писатель, лауреат Нобелевской премии. Знакомы с Е. П. Пешковой с 1900 г. С тех пор в течение многих лет они многократно встречались в Ялте, Н. Новгороде, С.-Петербурге, Москве, на Капри. Его брат Ю. А. Бунин (литератор, умер в 1921 г.) был одним из учредителей МПКК.

⁵ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 77-84. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

2-17

HOTEL EUROPEJSKI

WARSZAWA

14/XII-34. <Варшава>.

Милая Евг<ения> Ив<ановна>! Проездом в Вене нашла Ваше письмо. Оч<ень> удивилась, увидев на конверте почерк Ек<атерны> Дм<итриевны>, как Вы узнали адрес, потом сообразила, что, верно, Раф<аил> Гр<игорьевич>¹ написал.

Я все еще не соберу себя и не могу сделать себя работоспособной². Вот и здесь после приема людей охватывает как-то непобедимое состояние протрации и равнодушия³. Из-за этого т<а>к задержалась здесь, все не могу закончить дел.

Сейчас вот заставила себя писать Вам, т<а>к к<а>к знаю, что надо ответить. Деньги для Креста перешлите или на имя Елены Герм<ановны>⁴, или на имя Zaleska Bronislava (Залеская)⁵ Chmielna, 25, m 14a. Или на то и другое по малу можно переводить. Они передадут через кого-ниб<удь> нам в Крест. Отсюда часто ездят.

Получила письмо Ек<атерины> Дм<итриевны>, и меня даже уговаривали мои домашние поехать на курорт, где она лечилась.

Целую Вас и ее. Привет всем троим и милым сестрам⁶.

Ек<атерина> П<ешкова>.

Проносила письмо в портфеле и уже с пути посылаю⁷.

¹ Фридлиндер Рафаил Григорьевич.

² Е. П. Пешкова очень долго не могла прийти в себя после неожиданной смерти сына. Максим умер 11 мая 1934 г. (спустя полгода после окончательного возвращения Горького с семьей в СССР). До настоящего времени нет однозначного мнения, что послужило причиной его смерти (диагноз - крупозное воспаление легких), существует несколько версий. Екатерина Павловна говорила: «его убили», но не разъясняла, кто и почему. Всю последующую жизнь до самой своей кончины она часто начинала день с того, что ездила на могилу Максима (его похоронили на Новодевичьем кладбище; теперь рядом с его могилой находится и ее могила).

³ Приводим выдержку из письма Л. О. Дан к Е. Д. Кусковой от 17 декабря 1935 г.: «Катерину Павловну я видела летом, когда она приезжала в Лондон. До Лондона она была очень неприятна, по-видимому, потому что боялась своих сопровождающих, после Лондона удалось поговорить с ней по душам; в ней не все умерло, есть и много тревоги за возможное грядущее развитие России, очень жалуется она на то, что в нынешнем ГПУ все новые люди, которые ровно ничего не понимают, которым старые имена уже ничего не говорят, какая-нибудь Андреева* жалуется порой ей, Пешковой, что новым молодцам имена Гоца или Либера уже ничего не говорят. <...> Смерть ее сына ее совершенно разрушила, от нее осталась только тень человека. Жаль ее очень». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 7-8. Машинопись.

*Андреева (Горбунова) Александра Азарьевна (1888-1951) – следователь ВЧК по делам эсеров, помощник начальника Секретного отдела ГПУ. В значительной степени по ее настоянию был закрыт МПКК и против его сотрудников, включая Е. П. Пешкову, возбуждено следственное дело. В заключении по делу о Политическом Красном Кресте от 25 августа 1922 г. Андреева писала: «...разным политическим заключенным по делам ГПУ политический Кр^{асный} Кр^{ест} оказывал не материальную помощь, а способствовал их преступной деятельности во вред Соввласти. Поэтому секретный отдел ГПУ вышел с ходатайством перед председателем ГПУ о закрытии полит^{ического} Кр^{асного} Кр^{еста} и возбуждении следствия против виновных лиц». // ЦА ФСБ РФ. ВЧК – ГПУ – ОГПУ - НКВД. Ф. 2. Оп. 1. № 879. Л. 16.

⁴ Винавер Елена Германовна.

⁵ Залесская Бронислава – сотрудница Польского Красного Креста.

⁶ Речь идет о сестрах милосердия Т. А. Шауфус и К. А. Родзянко. (См. письма 1-69, 1-70, 1-71, 1-72, 1-74, 1-76).

⁷ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 390. Л. 85-88. Фотокопия, каждый лист сфотографирован дважды.

Приложение 1.

**ОПРОСНЫЙ ЛИСТ МПКК и ПИСЬМА
ЕКАТЕРИНЫ ДМИТРИЕВНЫ КУСКОВОЙ**

17 октября 1921 г. – 19 июня 1936 г.

1. Опросный лист МПКК, заполненный Е.Д. Кусковой в Бутырской тюрьме.

Москва, 17 октября дня 1921 г.

Дел. №.....

Анкету принял.....

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ МОСКОВСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА

1. Фамилия *Кускова-Прокопович* имя, отчество *Екатерина Дмитриевна*

2. Где содержится (тюрьма, кор. кам. лагерь; ЧК и т.д.....)	<i>Сначала в Особом Отделе, сейчас – Бу- тырская тюрьма, Карантин, камера 9</i>
3. Возраст, национальность, подданство	<i>50 л<ет>, русская, русское</i>
4. Семейное положение, кто находится на иж- дивении, арестован, их возраст	<i>Замужем</i>
5. Не болен ли и чем?	<i>Базедова болезнь и астма</i>
6. Заболел в тюрьме или до ареста	<i>До ареста</i>
7. Грамотен или нет, и где учился и кончил курс	<i>Да, Брюссельский университет, Бельгия</i>
8. Профессия	<i>Писательница</i>
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	<i>Москва, Арбат, 2-й Мал<ый> Николо- песковский пер. д. 4 кв. 2</i>
10. Чем занимался до февральской революции	<i>Писательством</i>
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	<i>Тоже</i>
12. Чем занимался перед арестом.....	<i>Комитет Помощи Голодающим и Тех- никум Кустарной Пром<ышленности.> при Главпрофобре</i>
13. Занимал ли какую-нибудь должность по вы- борам, какую и где.....	
14. Средний месячный заработок перед арестом	<i>18.000 руб<лей> и небол<ьшой> паек</i>
15. Партийность до октября 1917 г. (ответ по желанию)	
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам, когда и в чем обвинялся, чем окончились те дела	<i>Неоднократно при Самодержавии и только один раз при Сов<етской> вл<асти>. Дело окончилось ничем. Си- дела 3 недели.</i>
17. Когда арестован по настоящему делу	<i>27 августа</i>
18. Где арестован	<i>На собрании Комитета Пом<ощи> Гол<одающим></i>
19. Когда доставлен в Москву	
20. По ордеру какого учреждения арестован	<i>В.Ч.К.</i>
21. Повод к аресту	<i>?? По-видимому – слишком активное содействие Советской власти в деле помощи голодающим</i>
22. Кто еще арестован по этому делу	<i>Все члены Комитета</i>
23. За кем числится	<i>За В.Ч.К.</i>
24. Когда и кем допрошен	<i>Никем и ни разу за все семь недель</i>
25. В чем обвинен	<i>??? В высшей степени интересно знать, иметь ответ на этот вопрос. Мучи- тельно – не знать.</i>
26. Есть ли приговор по делу	
27. Что предпринято по делу	
28. Есть ли родные в Москве (адрес, телефон)	<i>Муж (арестован). Больше родных здесь нет.</i>
Кто ходатайствует об арестованном (фамилия,	

имя, отчество, адрес, телефон) Отношение ходатайствующего к арестованному О чем ходатайство	
---	--

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ (По возможности подробно изложить сущность дела и допроса). *По существу дела могу высказать лишь предположение. Комитет был учрежден согласно декрету ВЦИК. Действовал исключительно и сугубо легально, понимая всю ответственность за взятое на себя дело. Ввиду отказа ВЦИКа выпустить за границу делегацию Комитета, а без ее работы работа Комитета была бы бессмысленна и создавала бы лишь параллель с комиссией ВЦИК (Комиссия Помощи Голодающим) Комитет решил 27 Августа закрыть свои действия. На этом моменте и произошел арест. Дальше ровно ничего не знаю. В Особом Отделе мне было предложено написать ответ на 8 или 9 письменных вопросов, что я и сделала. Не знаю, кто мой следователь и в каком положении мое дело.*

Подпись *Ек. Кускова-Прокопович*

Чем кончилось дело

ТИПОГРАФИЯ КООП. Т-ВА «ЗАДРУГА», МОСКВА¹

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 226. Л. 76 - 76 об. Стандартная анкета (отпечатана в типографии) заполнена Е. Д. Кусковой (курсив). Автограф.

На Опросном листе есть две пометы: «Освобождена. Ноябрь 1921 г. Вл. Трапезников» и «К делу Комитета Помощи Голодающим. 21/XI-21 г.» Автографы.

2. Е. Д. Кускова - Е. П. Пешковой

28/XII <1926. Прага>

Только что написала Вам личное поздравление, как приходится писать Вам по делу, - как представительнице Красного Креста. Ко мне обратились родственники князя Павла Долгорукова с просьбой написать Вам и просить Вас дать справку, правильны ли сведения, распространяемые эмигрантскими газетами об аресте его в России и т<ак> д<алее> Они просят Вас навести справку, есть ли кто-нибудь около него, кто о нем заботится, и если нет никого, как организовать ему помощь, можно ли послать деньги Кресту. Не можете ли также сообщить, грозит ли ему суд, и если да, есть ли у него защитник. Очень буду Вам признательна за исполнение этой просьбы его родственников. От себя могу только прибавить, что вне моего понимания стоит, зачем эти люди таскаются в Россию, подвергают опасности себя без всякого дела и смысла, - не пойму! Его родственники говорят, что его заела тоска, и только. Простите за то, что согласилась передать Вам эту их просьбу. Прилагаю Вам вырезку из газеты. Правда ли все это?

Екатерина¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 118. Л. 1-2. Автограф.
На письме помета Е. П. Пешковой: «Запр<осить> КРО».

3. Е. Д. Кускова – Е. П. Пешковой

Praha, 7/XI 1927.

Дорогая Екатерина Павловна!

Сер<гей> Ник<олаевич> просит Вас навести точную справку по след<ующему> поводу. В иностранных газетах приведен текст амнистии ВЦИКа, а в нем пункт: «Освобождаются все осужденные судами или органами управления до 1-го января 1923 г.». По смыслу этого пункта высланные за границу в июле и октябре 1922 г. как будто подходят под этот пункт. Так ли это? И если так, то какой порядок применения амнистии? Исходит ли инициатива ее распространения на те или иные категории от комиссии ВЦИКа или же осужденным следует хлопотать о применении самим? Извините, что утруждаем Вас хлопотами, но мы будем Вам очень признательны за ответ. Сер<гей> Ник<олаевич> просит передать Вам его сердечный привет. Он сейчас тяжело болен.

Крепко жму Вашу руку. Ваша Ек. Прокопович¹.

Villa Beneš, 1258, Praha – Košiče, Tschechoslovaquie.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 167. Л. 411. Автограф.
На конверте указан домашний адрес Е. П. Пешковой: Машков пер., д. 1, кв. 16.
На письме помета Е. П. Пешковой: «Отв<етить>, чтоб обратились в консульск<ий> Отд<ел> нашего Посольства в Праге».

Спустя несколько дней после этого письма, 11 ноября 1927 г., Е. Д. Кускова посылает Е. П. Пешковой письмо с сообщением, что в иностранных газетах напечатана телеграмма, разъясняющая смысл амнистии, – это ответ А. И. Рыкова на запрос французской делегации. Согласно этому ответу, к политзаключенным, даже арестованным до 1 января 1923 г., амнистия не применяется. // ИМЛИ. АГ. ФЕП-кр. 36-19-6.

4. Е. Д. Кускова – шведской жертвовательнице¹

Глубокоуважаемая Fraulin!

Я уже писала Вам о получении 1966 /кр. щ./ и о том, что 100 рус<ских> руб<лей> (1750 к. щ.) я отправила немедленно Ек<атерине> Пав<ловне> Пешковой. Она не живет в Варшаве, а только приезжает туда по делам Польского Красного Креста 3 – 4 раза в год. Сейчас она давно уже в Москве.

Меня очень удивило то, что Вы не получили от нее расписки на посланные Вами деньги. Объясняю это только тем, что Вы послали ей деньги прямо, без посредства русских. В последние годы сношения с иностранцами большевики ставят в вину. Если Вы напишите мне 1) сколько Вы ей послали, 2) когда именно (число, месяц, год), я попробую получить от нее расписку через Варшаву. И тогда перешлю ее Вам.

В России сейчас положение страшное. Шведские газеты, вероятно, сообщали о расстреле трех виднейших инженеров² – гг. Пальчинского³, фон-Мекка⁴ и Величко⁵.

А рядом с эти тюрьмы снова наполнились представителями интеллигенции, снова гонимой, снова подозреваемой в контрреволюционных замыслах. Теперь в тюрьмы попадает и много верных коммунистов, несогласных с господствующим в партии течением.

Положение сидящих в тюрьмах тем более ужасно, что оставшиеся на воле родственники и друзья не имеют возможности помочь им: Россию мучит острый продовольственный кризис и столь же острая безработица.

Теперь новая форма изъятия интеллигенции, так называемые перевыборы профессоров, - прикрытая форма устранения людей или совсем не желающих вмешиваться в политику или же не согласных с господствующим курсом. Тысячи профессоров и учителей уже отстранены от их кафедр. У многих – семьи. Причем ученый, и особенно старый ученый, не может найти никакой другой работы и обречен поэтому на голодное существование.

Русские, приезжающие из России, сравнивают теперешнее положение с годами военного коммунизма (1918–21 гг.). Мы думаем, что теперь положение много хуже. Тогда еще были у многих запасы, были надежды, что эта историческая бессмыслица скоро окончится и откроется возможность нормальной жизни и нормальной работы. Теперь все запасы давно истрачены, одежда сношена, золото и драгоценности – у кого они были – прожиты. Значительно ослабли и надежды: процесс затягивается и приносит все новые и новые страдания.

Тяжело думать о тех, кто там...

Вы спрашиваете, каково положение эмиграции. Некоторая часть эмигрантов освоилась с европейской жизнью и устроилась. Нашла работу более или менее прочную. Огромное большинство получает на этой работе минимальную заработную плату и поэтому с большим трудом может воспитывать своих детей. Вот почему так трудно во всех странах положение русского гимназиста и русского студента. Студенты часто тратят три четверти своего времени на постоянную работу и лишь четверть на свое прямое дело – ученье. От такого напряжения страдает не только уче-

ные, но и здоровье. Даже здесь, при помощи Чехословацкого правительства, студенчество живет очень тяжелой жизнью: помощь равна 450 чеш<ским> кр<онам> в месяц и при растущей дороговизне жизни едва может покрыть самое скудное существование. Смертность среди русских студентов от туберкулеза и острого малокровия очень высокая.

В первые годы эмиграции иностранцы весьма охотно приходили на помощь беженцам и молодежи беженской. Затянувшийся процесс и в этой части русских сильно ухудшил положение: «нельзя же вечно помогать русским!» - говорят более счастливые представители других народов. Попытки русских общественных деятелей обратиться к богатой Америке к некоторым – очень малым – результатам привели. Но и там настроение тоже: «Как? И через 12 лет после революции все еще бедствуют?!» Полноправные народы забывают, что русский эмигрант бесправен: ему даже передвигаться в поисках работы трудно. Для него не только всюду сохранены визы, но и трудность получения их: Нансенский⁶ паспорт дверей не отворяет.

А теперь назревает и новая проблема: проблема стариков. Изношенные люди 60 - 70 лет уже не могут работать. Куда им деться? Во всяком благоустроенном и передовом государстве старики имеют пенсию, часто скопленный «на старость» капитал или же пристанище у женатых сыновей, в доме дочерей. Русские старики в беженстве ничего этого не имеют. Наступает трагедия, кончающаяся нередко самоубийством. Затем и жертвователи – совершенно основательно – предпочитают поддержать молодежь, студентов или детей, чем людей, вступивших в ночь своей жизни... Но мы, русские, так смотреть не можем. У нас есть много стариков-ученых. Они большой работы совершать уже не могут. Но в области науки все-таки могут двигаться вперед; ценен и материал научный, накопленный ими в прошлом. Поэтому мы думаем устроить осенью «День старика», как недавно, этой весной, был устроен «День ребенка». Кое-что, вероятно, соберем.

Несмотря на эти увеличивающиеся тяжести жизни, не теряем надежды на перемены в России. Это – возврат в родную страну – остается все-таки самым радикальным средством лечения наших ран. К сожалению, пока это еще не возможно и приходится прибегать к паллиативам, т<о> е<сть> искать временной помощи без лечения основной болезни.

Кажется, дорогая Fraulein, в общей форме я ответила на все Ваши вопросы. Детальнее ответить трудно: сколько заключенных? Сколько остальных? Кто их считает? Можно лишь с точностью сказать, что их десятки тысяч. Можно также сказать, что каждый день современного режима приносит их увеличение. И только точнее

едва ли ответит даже сама Чека: сейчас идет в России острая борьба с властью, и люди счетом гибнущих в этой борьбе мало занимаются. Жизнь стала снова страшной, и помощь нужна неотложная.

Я не могу, дорогая Fraulein, благодарить Вас от имени заключенных и ссыльных: не имею таких полномочий. Но я совершенно уверена, что многие из них в недалеком будущем узнают Ваше имя, услышат, кто проявил к ним высокогуманное отношение, кто думал о них, кто заботился, кто брал на себя эту высокую миссию помощи страждущему чужестранцу - во имя общечеловеческой солидарности.

Примите мой дружеский привет и лучшие пожелания.

P.S. Оставшиеся у меня 216 кр<он> я позволила себе внести в кассу остроуждающихся студентов, лишенных (внезапно) помощи на 2 летних месяца – Июль и Август. Для громадного большинства это – катастрофа: работы здесь так быстро найти нельзя, а узнали они о лишении иждивения за 1 - 2 недели до 1-го Июля. Расписку студенческой организации прилагаю.

P.S. После многих опытов я предпочитаю посылать деньги Е. П. Пешковой. Она и М. Л. Винавер - единственные люди, которым разрешен доступ в тюрьмы. И еще не было случая, когда деньги, переданные через нее, не дошли бы по назначению. Через нее можно пересылать и в другие города, а также с назначением на определенные имена. Отчеты она предоставляет бывшим членам Политического Красного Креста, нашим друзьям⁷.

¹ Лицо не установлено.

² 22 мая 1929 г. Коллегия ОГПУ постановила расстрелять участников контрреволюционных организаций на железнодорожном транспорте: Фон Мекк Н. К. и Величко А. Ф. и в золотоплатиновой промышленности вредителя – Пальчинского П. А.

³ Пальчинский Петр Акимович (1875-1929) - горный инженер. В годы Первой мировой войны тов. председателя Военно-промышленного комитета (т. е. зам. министра оборонной промышленности). После Февральской революции 1917 г. занимал аналогичный пост во Временном правительстве, тов. министра торговли и промышленности, член исполкома Петроградского Совета (1917). Арестовывался при советской власти в 1917, 1918, 1922 гг. Последний раз арестован в 1928 г. До ареста - профессор Горного института и консультант Госплана.

⁴ Мекк Николай Карлович, фон (1863-1929) – до 1917 г. совладелец и главный управляющий Московско-Казанской железной дороги (самой старой и прибыльной из частных железных дорог России), сын знаменитой меценатки, покровительствовавшей П. И. Чайковскому. До ареста - представитель Наркомата путей сообщения в Госплане. Арестован в 1928 г.

⁵ Величко А.Ф. (?-1929) – военный инженер, крупнейший специалист по железнодорожному строительству и перевозкам, генерал-лейтенант царской армии, до революции профессор военной академии Генштаба, руководил Управлением военных сообщений в Военном министерстве. До ареста работал в Наркомате путей сообщения. Арестован в 1928 г.

⁶ Нансеновские паспорта - временные удостоверения личности, заменявшие паспорта для беженцев и лиц без гражданства. Были введены Лигой Наций в 1922 г. по инициативе Ф. Нансена. Лица с нансеновским паспортом получали какие-то юридические права: право проживать и перемещаться в ряде стран (странах-участницах конференции, их было более 50), устраиваться на работу, получать хоть какое-то пособие (довольно мизерное).

⁷ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 603. Л. 3-7. Автограф.

Письмо написано на русском языке и отпечатано на немецком. Дата проставлена по контексту, предположительно, 1929 г.

5. Е. Д. Кускова - В. М. Краснову¹

3/І 1935.

С Новым Годом, многоуважаемый Василий Михайлович!

Всего на свете наилучшего желаю Вам. Правда, свет этот скуп, преподносит нам много «наихудшего». Но – авось! Без этого слова нельзя было бы жить!

Мы уже пропустили Ек<атерину> Пав<ловну>. Она прислала прощальное письмо и уехала в Россию. Но сегодня приехал ее друг и помощник (все это, конечно, между нами) Мих<аил> Льв<ович> Винавер (родной племянша покойного Винавера). Он останется недолго, и следовало бы переслать ему деньги Креста. Т<а>к к<а>к, кажется, нельзя посылать больше 200 кś на одно лицо, то даю Вам три адреса, можете переслать 600 к<рон>. А если еще есть, пришлите мне, я pošлю еще 400 кś на два других адреса. И сообщите мне с М. М. - будете ли посылать и когда, чтобы я могла его об этом предупредить. Очень жаль было бы пропустить и эту оказию. Все это ведь непосредственные и верные деятели Креста, оба они имеют дипломатические вализы и могут купить в Варшаве одежду, что до зарезу нужно там!

Жму Вашу руку. Ваша Е. К.

Адреса:

1. Михаил Львович Винавер (Vinaver). Złata ul, 52, m 3, Warszawa, Polska.
2. Madame Hélène Vinaverova. Złata ul, 52, m 3, Warszawa, Polska.
3. Madame Bronislava Zaleska. Chmielna ul, 25, m 14a, Warszawa, Polska².

¹ Краснов Василий Михайлович (1878 – после 1942) – член правления Пражского ПКК, возглавлявший ревизионную комиссию. По образованию юрист, в 1917 г. прокурор Ставро-

польского окружного суда, председатель Ставропольской окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание, позже министр юстиции Южно-Русского правительства, эмигрант.

² ГАРФ. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 10. Л. 7-8.

6. Е. Д. Кускова – В. М. Краснову

12/I <1935>

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Оказывается, через Zivnostensky Bank (Potikope) можно переслать 192 франка на одно лицо (т<о> е<сть> почти 250 к. ч.). А может быть, и больше. Пожалуйста, немедленно (в понедельник) пошлите, но не по трем, а по двум адресам (исключите Михаила Львовича Винавера), а пошлите только на госпожу Hélène Vinaverova и госпожу Zaleska по самой большой сумме, которую Zivnobank согласится перевести. Остаток пришлите мне, скоро опять будет оказия. Может быть, Zivnost согласится перевести всю сумму по двум адресам. Это было бы прекрасно. Повезли бы вещи из Польши. Это много дешевле, чем покупать их через Торгсин. Значит, Кресту и тюрьмам больше достанется. Ек<атерина> Пав<ловна> пишет, что деньги Кресту очень нужны сейчас. Сердечный привет от себя и Сергея Николаевича. Ваша Е. К.¹

¹ ГАРФ. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

7. Е. Д. Кускова - Е. П. Пешковой

Hřebenka. č. 1258, Villa Beneš.

Praha XVI.

Praha, 19/VI 1936.

Дорогая Екатерин Павловна!

Сегодня утром газеты принесли сообщение о кончине Алексея Максимовича. Все предшествующие дни чешские газеты давали бюллетени - о ходе его болезни. А мы - трое ваших друзей от старых времен – думали о Вас.

Быть может, Вы – единственный человек, способный понять, как болезненно переживали мы разрыв с покойным Ал<ексеем> Мак<симовичем>. Вы поймете также, что никакие – самые острые - разногласия, не могут ослабить добрых чувств и воспоминаний обо всем вместе пережитом - на протяжении нескольких десятков лет – с этим большим человеком¹.

Примите же наше самое глубокое сочувствие Вам в эти тяжелые для Вас минуты.

Всегда Вас помнящие²

Ек. Кускова-Прокопович.

Евгения Ивановна присоединяет и свою подпись³.

¹ В своих воспоминаниях «Давно минувшее» Е. Д. Кускова рассказала о взаимоотношениях с М. Горьким: «В те годы крепкая хорошая дружба связывала меня с Горьким. Мы часто виделись, я правила грамматические ошибки в его «Макаре Чудре» и радовалась росту его таланта. А он рассказывал мне о разных эпизодах своей жизни и тепло заботился о моем здоровье. Как все изменил Октябрь! Когда начались сталинские зверства, я написала ему письмо <в 1929 г.>, умоляя его не молчать, вмешаться, протестовать. Он ответил мне письмом, где объяснял свое молчание. Это замечательное письмо было затем переведено на несколько европейских языков и напечатано. Объясняя свое поведение, он вспоминал Нижний Новгород в 1893 г., наши встречи в Вознесенском переулке. А когда я повторила свои упреки, он уже не ответил мне личным письмом, а напечатал в «Известиях» огромную статью, где предлагал «гуманистам моего типа» поскорее умереть: они мешают ходу революции... Письмо Горького напечатано в № 38 «Нового журнала» в моей статье о Горьком». // Новый журнал. 1958. № 51. С. 169.

² В черновике следует подпись С. Н. Прокоповича, но затем она вычеркнута и в окончательном варианте отсутствует.

³ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 603. Черновик письма. Автограф.

Приложение 2

Биографии М.Л. ВИНАВЕРА,
Е.П. ПЕШКОВОЙ и Е.Д. КУСКОВОЙ.

Биография
Михаила Львовича ВИНАВЕРА
(1880-1942?)

Михаил Львович Винавер родился в марте 1880 г. в Варшаве в еврейской семье. Его отец Лев Герцевич Винавер¹, врач по образованию, с 1883 г. жил во Франции. Его дядя – один из основателей кадетской партии М. М. Винавер.²

М. Л. Винавер окончил варшавскую гимназию с золотой медалью. Высшее образование получил в Бельгии. По образованию инженер-технолог.

В 1898 г. вступил в БУНД, состоял его членом, фактически до 1900 г., формально вышел из его рядов в 1918 г.

В 1911 г. переехал из Варшавы в Москву, до 1918 г. служил инженером в «Агент. комисс. конт.»³, затем некоторое время служил инженером в Москоммуне.⁴

М. Л. Винавер является одним из учредителей МПКК. В январе 1918 г. от его лица было направлено письмо народному комиссару юстиции И. З. Штейнбергу с предложением создать в Москве Политический Красный Крест. М. Л. Винавер был заместителем председателя МПКК (вначале Н. К. Муравьева, затем Е. П. Пешковой) все годы его существования (1918-1922), а затем бессменным заместителем Е. П. Пешковой по работе в ПОМПОЛИТе (1922-1938) и в Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста (1920-1937).

По-видимому, М. Л. принимал участие в организации «Лиги спасения детей». Подлинник устава Всероссийского Общества «Лига спасения детей» подписали 7 человек, в их числе: Е. Д. Кускова-Прокопович, Н. М. Кишкин, М. Л. Винавер, Н. К. Муравьев, Г. В. Филатьев.

После 1917 г. М. Л. Винавер арестовывался несколько раз и вскоре после ареста освобождался. В марте 1919 г. он был арестован на квартире Ю. О. Мартова, отправлен в Бутырскую тюрьму и через 2–3 недели освобожден⁵. В 1922 г. вновь арестован, арест также был кратковременным.

В 1926 г. принял польское гражданство.

Был женат⁶, детей не имел.

Последний раз был арестован 3 августа 1937 г. в деревне Козы Судакского района Крымской АССР, где отдыхал вместе с женой. Обвинялся в шпионаже в пользу Польши. Виновным себя не признал⁷. Решением военного трибунала Московского военного округа от 29 июня 1939 г. по ст.58-6 приговорен к 10 годам ИТЛ⁸.

По сведениям Главного информационного центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, в начале 1942 г. М. Л. Винавер был освобожден из лагеря по амнистии как польский подданный, 29 сентября 1942 г. скончался⁹. (По другим сведениям: в 1943 г. по его просьбе был направлен в армию В. Андерса, формировавшуюся на территории СССР, и, заболев, умер в дороге).

Реабилитирован 18 октября 1991 г. решением Главной военной прокуратуры. (По другим сведениям – 7 февраля 1992 г.)¹⁰.

¹ Винавер Лев Герцевич (1861–1927) родился в Варшаве, окончил 1-ю Варшавскую гимназию, учился на медицинском факультете Варшавского университета; был близок к народовольцам, в 1883 г., преследуемый на родине по политическим мотивам, навсегда переселился во Францию, завершив медицинское образование в Сорбонне. В течение 38 лет работал врачом во французском городе Лиме. После его смерти благодарные сограждане присвоили одной из улиц его имя. (Источник: Видре К. Хочу спасти от забвения // Звезда. 2002. № 3. С. 179-190).

² Винавер Максим Моисеевич (1862–1926) окончил Варшавский университет, юрист-государствовед, один из основателей кадетской партии, ее теоретик и постоянный член ЦК, ближайший соратник П. Н. Милюкова, депутат 1-й Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание – протест против роспуска Думы и призыв к гражданскому неповиновению, за что отбывал в 1908 г. 3-месячное заключение в тюрьме. Играл ведущую роль в «Союзе для достижения равноправия евреев» и в «Обществе для распространения и просвещения среди евреев». После Февральской революции 1917 г. Временным правительством назначен сенатором. После Октябрьской революции 14 ноября выбран в Учредительное собрание. Весной 1919 г. вошел в краевое правительство в Крыму как министр внешних сношений. Бежал вместе с союзниками. В 1919 г. возглавил в Париже Комитет кадетов. Участвовал в издании журнала «Европейская трибуна» и газеты «Последние новости».

³ Так указано место службы М. Л. Винавера в справочнике «Вся Москва» за 1917 г. По-видимому, он работал в учреждениях «Агентств и комиссионных контор», существовавших в дореволюционной России для обслуживания перевозок на железных дорогах. Косвенным подтверждением такого характера работы М. Л. Винавера может служить тот факт, что в члены МПКК были приняты несколько рабочих железных дорог, все – по рекомендации М. Л. Винавера.

⁴ У нас нет сведений о том, получил ли М. Л. Винавер юридическое образование, но многие люди, обращавшиеся за помощью в ПОМПОЛИТ, а позже и те, кто вспоминал о его работе, воспринимали М. Л. как юриста. Во всяком случае он выполнял работы, требующие юридических знаний.

⁵ Во время следствия (после ареста 1937 г.) М. Л. вменялось знакомство с меньшевиком Ю. О. Мартовым, в квартире которого М. Л. был арестован в 1919 г. М. Л. объяснил, что посещал он не Мартова, а его сестру Л. О. Дан, с которой вместе работал, а с Мартовым познакомился «после Октябрьского переворота», обходя тюрьмы, как представитель ПКК. В архиве МПКК сохранился документ – копия ходатайства об освобождении М. Л. Винавера.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КРАСНЫЙ КРЕСТЬ
МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТЪ
МОСКВА, М. Никитская, 25.
Апр. 8 дня 1919 г.
№ 912

В ПРЕЗИДИУМ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И
КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

Президиум Московского Политического Красного Креста

В ночь на 31-е сего марта в Москве арестован по ордеру М.Ч.К. инженер Михаил Львович Винавер.

М. Л. Винавер состоит тов. Председателя Московского Политического Красного Креста.

Хорошо зная вполне лояльное отношение М. Л. Винавера к Советской власти и будучи по этому глубоко уверен в том, что арест М. Л. Винавера основан на недоразумении, Президиум Московского Политического Красного Креста просит об освобождении М. Л. Винавера на поруки Президиума, если не предоставляется возможным его безусловное освобождение.

Председатель». // ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 183. Л. 143. Машинопись.

⁶ Жена Елена Германовна Винавер, переводчик с русского на польский, с 1917 г. постоянно проживала в Варшаве. Ее судьба нам неизвестна, существует несколько версий. Одна из них (нам она кажется наиболее правдоподобной), что Е. Г. Винавер погибла в Варшаве во время немецкой оккупации, попав в облаву на евреев.

⁷ Обвинительное заключение ему было предъявлено лишь 31 декабря 1938 г. За время столь длительного следствия М. Л. Винавер никого не оговорил и виновным себя не признал (это удавалось немногим). К. Видре, знакомившаяся со следственным делом М. Л. Винавера, по поводу этого следствия написала следующее: «В то время (после февральско-мартовского пленума ЦК) применение силовых приемов (то бишь пыток) было легализовано. Следствие по делу Винавера продолжалось год и четыре месяца. Так вот. За все время следствия Винавер не оговорил ни одного человека! А силовые приемы к нему применяли. В справке о реабилитации Винавера сообщается, что бывший следователь ГУГБ НКВД СССР Маклаков, расследовавший его дело, за нарушение соцзаконности уволен из органов НКВД, а Кобулов, «принимавший участие в расследовании настоящего уголовного дела, за нарушение соцзаконности осужден»». // Видре К. Хочу спасти от забвения // Звезда. 2002. № 3. С. 179-190.

⁸ Е. П. Пешковой не удалось его спасти.

Е. Г. Винавер в мае 1938 г. писала Е. Д. Кусковой: «Настроение такое, что руки опускаются. <...> Приходили в голову всякие мысли и насчет Е. П. Поэтому Ваше письмо очень меня утешило: раз она существует, значит, есть кому позаботиться о М<ихаиле> Л<ьвовиче>». // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 102. Л. 2. Автограф.

Сохранились некоторые (их очень немного) документы, подтверждающие попытки Е. П. Пешковой и сотрудников ПОМПОЛИТа «позаботиться» о М. Л. Винавере. Среди них расписка в получении денег, датированная августом 1941 г.:

«Расписка.

Дана гр. Перес В. А. в том, что от нее принято денег для з/к Веновер М. Л. в сумме сто двадцать пять /125/ руб. принял. 29/VIII-41 г. (Подпись неразборчива)». // Из архива В. А. Перес.

Позже В. А. Перес, находясь в эвакуации в Уфе, пыталась разыскать М. Л. Винавера в уральских концлагерях, но ей это не удалось. Е.П. Пешкова сохранила ее телеграмму, относящуюся, по-видимому, к 1942 г.: «УФА – ТАШКЕНТ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ВИНАВЕРА ВЫЕДУ НЕМЕДЛЕННО ВЕРА» // ИМЛИ. ФЕП-кр. 45-16-7.

⁹ Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск, изд. 4-е. М.: Звенья, 2007. Сост. Международный Мемориал, 2007.

¹⁰ До настоящего времени мы очень мало знаем о М. Л. Винавере. Нам не известно, была ли у него другая работа, помимо работы в МПКК, ПОМПОЛИТе и Бюро Польского Красного Креста, и многое другое, в том числе, какой он был в жизни. Поэтому свидетельства людей, знавших его, особенно ценны. Приводим их.

1. Елена Благинина - писательница. Ее воспоминания «Бульвар Новинский, № 6» изда- ны ее племянником А. Д. Благиным. В них она рассказывает о вечерах в доме Кости Блеклова (сын революционера С. М. Блеклова и друг Максима Пешкова по школе Фидлера - зарубежной школе для детей русских эмигрантов) и его жены Кати Беклешовой (ставшей позже известной кукольной). В их доме собирались друзья - «пискаторы», устраивавшие талантливые театрализованные представления. («Пискаторами» они называли себя, на- верное, причисляя к школе Э. Пискатора – немецкого режиссера и театрального деятеля, пред- ставителя новаторского революционного театра).

«...Танечка Альфер <сотрудница ПОМПОЛИТа, жившая в квартире Е. П. Пешковой> привела Михаила Львовича Винавера (кличка – “БЕЗ ВИНЫ-ВИНАВАТЕР”). Винавер при- вязался к нам всей душой. Он также боялся пропустить очередной писк и сам звонил Кате – а, мол, не предвидится ли в следующий выходной чего-нибудь пишущего?

М. Л. работал главным юристом в Красном Кресте вместе с Е. П. Пешковой. Это был невысокий, плотненький, с небольшой бородкой человек. Румяный. Он был добр, тонок и умен. Из поездок в Польшу всегда привозил что-нибудь вкусненькое и баловал пискаторов. Все мы полюбили его сердечно» // Бульвар Новинский, № 6. Орел, 2003. С. 16.

«Был еще один очень веселый писк. <...> Зал уже не сидел на стульях, а лежал на полу. <...> Винавер повизгивал, утирая глаза то и дело, для чего ему нужно было то и дело сни- мать очки. Я, по натуре смешливая, уткнулась в соседское плечо и только приговаривала: - “Ой, не могу, не могу!”». // Там же, С. 47.

«<...> кончилось наше счастье. Ранней весной <1938 г.> ушел Костя – его поглотили круги дантова ада. Туда же исчезли Винавер и Малкин. Там же должна была пропасть Катя, но ее выручила Пешкова Е. П., царство ей небесное. Каким образом уцелели мы – непости- жимо. Нас осталось немного – мы живем на кладбище, но все-таки живем и полны благо- дарной памяти к ушедшим, да святятся их имена». // Там же. С. 74.

2. Из письма Л. О. Дан к Е. Д. Кусковой.

«Париж, 27-е октября 1938 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна, очень много думала все последнее время о Вас и Сергее Николаевиче. Как то Вам живется? Как Евгения Ивановна?

Какие у Вас планы? Думаете ли оставаться в Праге или строите какие-нибудь иные пла- ны?

Недавно я имела вести из России, очень печальные; это даже слишком слабое выраже- ние, о всех наших рассказывают так, что надо, собственно, в отчаянье прийти. Все сидят, и сидят без всякой надежды выйти когда-нибудь на волю. О Кат<ерине> Павл<овне> сооб- щают, что она в полном несчастье, у нее две ее внучки, вдова ее сына взаперти, даже неиз- вестно, жива ли она.

О бедном Михаиле Львовиче сообщают, что он получил приговор – 25 /!// лет концла- геря и уже отослан в Ногаев, это где-то на берегу Охотского моря, за полярным кругом, от- туда строят дорогу на Верхне-Колымск... Это, конечно, плохо замаскированный смертный приговор. Обвинялся он в шпионаже в пользу Польши, а вся его краснокрестовская деятель- ность рассматривается как камуфляж... Как этот человек жестоко наказан за свой опти- мизм!...» // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 156. Л. 2.

Биография
Екатерины Павловны ПЕШКОВОЙ
(1876-1965)

Екатерина Павловна Пешкова (ур. Волжина) родилась 26 июля 1876 г. в г. Сумы Харьковской губернии.

Ее отец, Павел Николаевич Волжин, мелкопоместный дворянин, занимался разведением сахарной свеклы. Когда он разорился и семья переехала в Самару, Екатерина Павловна была еще ребенком. Она поступила в Самарскую гимназию, но семья бедствовала, не было средств оплачивать учебу, так что девочка в течение двух лет не имела возможности посещать занятия. Уже с 4-го класса гимназии ей пришлось самостоятельно зарабатывать деньги, давая уроки математики.

В 1895 г. окончила гимназию и начала работать корректором в редакции «Самарской газеты». Там она познакомилась с журналистом Алексеем Максимовичем Пешковым (начинавшим приобретать известность писателем М. Горьким). В августе 1896 г. она вышла за него замуж. Вскоре супруги переехали в Нижний Новгород, где Екатерина Павловна оказалась в гуще жизни передовой российской интеллигенции. В доме Пешковых собирались яркие талантливые люди, которых заботили судьбы России, ее народа и общечеловеческие ценности. Такое представление о характере и масштабе жизни у Екатерины Павловны осталось навсегда.

Ее семейная жизнь не сложилась счастливо: в 1904 г. М. Горький, увлекшийся М. Ф. Андреевой (актрисой МХТа и членом партии большевиков), оставил семью, а в 1906 г. умерла их дочь. Екатерина Павловна очень тяжело переживала уход мужа и смерть дочери, но, что касается первого, она сумела стать выше своих обид. В дальнейшем ее отношения с Горьким, с которым у них был общий сын, а позже и внучки, сложились так: у каждого из них был свой дом, своя личная жизнь, при этом они оставались друзьями и близкими людьми.

Начиная с 1899 г. Е. П. Пешкова занималась общественной работой. До 1904 г. – в Нижнем Новгороде: «Народный дом», Красный Крест; в 1904–1905 гг. – в Крыму: помощь революционным матросам.

В 1907 г. она вместе с сыном покинула Россию. К этому времени она уже была членом партии эсеров (к которой примкнула, оказывая помощь севастопольским матросам), поэтому после разгрома революционного движения ей было небезопасно оставаться в стране и, кроме того, М. Горький, который поселился в Италии, настойчиво приглашал ее приехать.

Годы эмиграции она провела в Италии, Швейцарии и Париже, главным образом в Париже. Она деятельно включилась в общественную и политическую жизнь российской эмиграции. В конце 1908 г. после разоблачения Азефа была выбрана во «Временную делегацию» партии эсеров, заменявшую собой ЦК до выборов нового ЦК ПСР. В 1908-1912 гг. работала в Парижской эмигрантской кассе по организации материальной помощи русским политэмигрантам, вместе с другими членами кассы сумела организовать в Париже детскую библиотеку, работала в организованном В.Н. Фигнер кружке помощи каторге и ссылке («Парижский кружок»), участвовала в попытках создать за границей Музей истории борьбы за политическое освобождение России (1910-1913) и в других начинаниях российских эмигрантов. Кроме общественной и политической работы, она посещала в Сорбонне курсы французского языка для русских и лекции по социальным наукам. В эти годы она приобрела уважение товарищей по партии и свою безупречную репутацию¹.

В 1914 г. после начала 1-ой Мировой войны Е. П. Пешкова вернулась в Россию. С осени 1914 г. по 1918 г. работала в обществе «Помощи жертвам войны», где заведовала Комиссией помощи детям. В 1915 г. вместе с адвокатом И. Н. Сахаровым (дедом академика А. Д. Сахарова) на средства Земского и Городского Союзов организовала отряд, занимавшийся сбором и вывозом детей, оставшихся за линией фронта. В годы войны, кроме того, работала в нелегальном кружке «Политический Красный Крест», собирала для Горького материалы о жизни евреев в России и ответы на вопросы анкеты «Дети и война».

После Февральской революции возглавила Московское бюро «Общества помощи освобожденным политическим», была выбрана его председателем. В том же 1917 г. была выбрана членом ЦК партии эсеров и гласной Московской городской думы (благодаря успеху, одержанному эсерами на выборах)².

После октября 1917 г. работала в обществе «Культура и свобода» и в Художественно-просветительском союзе рабочих организаций.

В январе 1918 г. в Москве был организован Политический Красный Крест (МПКК), Е. П. Пешкова стала одним из его учредителей. Она была избрана товарищем председателя МПКК.

Осенью 1920 г. она начала работать еще в одной краснокрестной организации, имеющей, в отличие от ПКК, международный статус, обеспеченный Женевскими соглашениями и Международным Комитетом Красного Креста, - она была назначена Уполномоченным Бюро Польского Красного Креста в СССР³. Согласилась она на эту должность после некоторых колебаний, но, согласившись, начала работать со

всей присущей ей энергией. С первых дней своей работы она проявила качества незаурядного организатора, ей удалось в сложных условиях войны, разрухи, всеобщего развала добыть необходимые для работы деньги, продукты, помещение, найти ответственных и добросовестных сотрудников⁴. Благодаря статусу Уполномоченного Польского Красного Креста она могла дважды в году выезжать за границу, что давало возможность собирать за границей средства для помощи политзаключенным и ссыльным в России.

В 1918-1921 гг. она – зам. председателя, а затем (с 1922 г.) - председатель МПКК, с осени 1920 г. до апреля 1937 г. – Уполномоченный Бюро Польского Красного Креста в СССР, с конца 1922 г. и до июля 1938 г. возглавляла организацию «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (ПОМПОЛИТ).

После 1937 г. Е. П. Пешкова занималась, в основном, увековечением памяти М. Горького. Она участвовала в организации архива и музея Горького в Москве и помогла в устройстве экспозиций музеев Горького в городах Горьком, Казани, Куйбышеве и в селе Мануйловке Полтавской губернии.

Во время войны она снова вернулась к работе, связанной с помощью людям: была одним из создателей и активным сотрудником организаций, помогавшим эвакуированным и пострадавшим от войны детям (начала эту работу в конце 1941 г. в Ташкенте). По окончании войны она вновь начала хлопотать за осужденных и вновь обращалась с просьбами к власти имущим, теперь уже не имея официальных полномочий, а лишь используя личные связи. Позже, когда наступило время реабилитаций, она помогала людям восстанавливать их добрые имена и поправленные права.

В последние годы жизни являлась консультантом Архива А. М. Горького при Институте мировой литературы имени Горького (ИМЛИ). Среди подготовленного ею к печати – два тома писем М. Горького к ней.

За свою работу по репатриации польских граждан Е. П. Пешкова была награждена почетным знаком Польского Красного Креста (в 1925 г.), за работу по помощи эвакуированным и пострадавшим от войны детям – Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Кроме того, она была награждена правительством СССР орденами «Знак Почета» 1-й степени (в 1957 г.) и Трудового Красного Знамени (в 1958 г.) за активную общественную деятельность.

Е. П. Пешкова умерла 27 марта 1965 г. от очередного инфаркта. Похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.

Она прожила долгую жизнь, на ее долю выпало немало горя, но до конца своей жизни она сохранила удивительную отзывчивость к людским бедам, стремление придти на помощь⁵.

¹ Подтверждение этому можно прочесть и в письме М. Горького к Екатерине Павловне от 25 октября 1922 г. (Сааров – Москва). В это время Горький вновь находился в эмиграции, покинув Россию уже большевистскую. Сообщая о том, что Зиновий Пешков хотел бы заняться культурной работой и организовать международную лигу помощи русским школьникам, Горький писал: «Так как у тебя хорошая за границей репутация, он <З. Пешков> просил осведомиться, вошла ли бы ты в это дело, в русский комитет? Организовала ли бы его? Из лиц, пользующихся доверием обеих сторон, как ты? <...> Не поговорить ли тебе с Ф.Э. Дзержинским по этому поводу?» // Архив А. М. Горького. Письма к Е.П. Пешковой. Т. 7. М. 1966. С. 220-221.

² М. Горький эсеровской деятельности Екатерины Павловны не одобрял.

Из письма Горького к Е.П. Пешковой от 2/15 января 1909 г. (Капри – Париж): «Знала бы ты, как иногда мне жалко и тошно, что ты идешь не по той линии, по которой я, и не с теми людьми, которые теперь являются наиболее ценными и талантливыми в русской жизни. Грустно это, но – ничего! Наши дороги сойдутся, в это я верю, это знаю». // Архив А.М. Горького. Письма к Е.П. Пешковой. Т. 7. М. 1966. С. 60.

Из письма Горького к Е.П. Пешковой от 4/17 июля 1917 г. (Петроград – Москва): «А вы – победили в Москве? Не поздравляю. Придется скоро спорить с тобой, эсерка, и презестоко.» // Архив А.М. Горького. Письма к Е.П. Пешковой. Т. 7. М. 1966. С. 199.

³ На эту должность она была назначена в сентябре 1920 г. по настойчивому желанию польской стороны и непосредственному разрешению Ф. Дзержинского при следующих обстоятельствах. Еще до окончания Русско-польской войны (мирный договор был заключен в феврале 1921 г.) между представителями Российского и Польского Красных Крестов было подписано соглашение (в соответствии с Женевскими соглашениями) относительно облегчения участи жертв войны, для чего учреждались Бюро Уполномоченных обоих Крестов в обеих странах. В качестве представителя Российского Общества Красного Креста (РОКК) в Польше была назначена известная общественная деятельница пани Ст. Семполовская, в которой советская сторона была очень заинтересована, а в качестве Уполномоченного Польского Красного Креста польская сторона настаивала на кандидатуре Е. П. Пешковой. Екатерина Павловна, колебавшись некоторое время, выразила согласие на эту работу. Но ни одна из инстанций, имеющих право утвердить ее кандидатуру (ни российская делегация, ни Центрокрест, ни Наркоминдел), не решилась взять на себя ответственность за ее назначение: она не была сотрудницей РОККа и, более того, находилась под следствием (следственное дело против нее как члена ПСР было возбуждено в июле 1919 г.). Запросили Дзержинского, который в это время не только возглавлял ВЧК, но и был членом Польбюро при ЦК РКП(б) и членом Польревкома. Радиотелеграмма с запросом была послана ему на фронт, где он в то время находился. Дзержинский дал согласие «допустить гр. Пешкову к вышеозначенным функциям», но учредив над ней «Особоуполномоченного», под контролем и при содействии которого она должна была работать. (Примечательно, что в документах, касающихся начала работы Е. П. Пешковой в качестве Уполномоченного, она значалась как гр<ажданка> Пешкова, а все остальные, включая пани Семполовскую, – товарищи).

⁴ Особоуполномоченный РОККа «по контролированию и содействию» Уполномоченному Польского Красного Креста (им был назначен Я. Т. Сосновский, командированный Дзержинским от Польбюро в Центрокрест) всячески старался притормозить ее деятельность, о чем исправно докладывал в Польбюро.

Приводим выдержку из его докладной записки, датированной декабрем 1920 г.:

«С самого начала дело тормозилось из-за отсутствия денег у Пешковой. Красный Крест не мог сейчас исходатайствовать большой суммы денег в Госконтроле. Ввиду этого тов. Дзержинский как представитель ВЧК временно ассигновал в форме ссуды 5. 000. 000 рублей. Впо-

следствии Красный Крест возвратил эти деньги в ВЧК, идя навстречу начинаниям. Много было затрачено времени мною на подыскание помещения под канцелярию, кстати сказать, безрезультатно. Впоследствии помещение было предоставлено по любезности гр. Пешковой МПО: Мясницкая, 20, 3-й этаж. Постепенно был набран штат сотрудников по-моему и Ос<обого> Отд<ела> соглашению, и в настоящее время платных сотрудников 10 человек. Заместителем гр. Пешковой является гр. Винавер Михаил (с разрешения Ос<обого> Отд<ела>).

Самым острым вопросом было, откуда брать (закупать) продукты для гражданских плен-ных. Гр. Пешкова обращалась ко мне с предложением хлопотать перед Наркомпродом, я как представитель РОКК для содействия ей в работе не мог резко отказать ей в этом, но всегда уклонялся от тем более совместного исходатайствования таковых. И что больше, когда узнал, что гр. Пешкова ходила сама в Компрод, и ей приобещано получить таковые (в противовес моей точке зрения), сейчас об этом докладывал в Центрокрест тов. Коровину и Соловьеву, а также тов. Дзержинскому, чтобы воспрепятствовать таким или иным путем получить эти продукты. Однако, помимо моих своевременных заявлений, продукты в Наркомпрод были получены и до сих пор их получает гр. Пешкова, согласно разверстке месячной на человека, предусмотренной врачом Красного Креста». // РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 198. Л. 80-83.

⁵ В.А. Перес в марте 1965 г. написала о Екатерине Павловне: «Она была человеком необыкновенной отзывчивости, гуманного отношения к людям, человеком с большим правдолюбием и жаждой восстановить правду, обелить людей, пострадавших от каких-то ошибочных неправильных обвинений и действий, а также избавить их от страданий физических. Ее любовь к людям и справедливости открывали ей пути для хлопот, придавали большую убедительность ее обращениям». // Центр документации «Народный архив». Ф. 278. Д. 164. Черновик некролога (варианты).

Вот что пишет об «убедительности обращений» Е. П. Пешковой А. М. Коваленко (учитель Максима Пешкова в Парижской школе). В декабре 1912 г. он обратился к Е.П. Пешковой с просьбой помочь некоему человеку (похлопотать за него, дело не политическое): «Вы его сами почти не знаете, но зато я так хорошо знаю Вашу деятельную натуру, что не капельки не сомневаюсь в том, что если это только вообще может быть устроено, то Вы устроите, конечно, при условии, что Вы сами этого захотите». // ИМЛИ. ФЕП-кр. 33-2-13.

Когда говорят о личности большинства революционеров романтического времени конца XIX века, то говорят об их обостренном чувстве справедливости, активной жизненной позиции и смелости. Е.П. Пешкова обладала всеми этими качествами. Мы не устаем удивляться, как многое ей удавалось (конечно, изменить государственную систему она не могла).

И вот строки о Е. П. Пешковой из воспоминаний А. В. Книпер (любимой женщины адмирала А. В. Колчака и многолетней подопечной ПОМПОЛИТа): «Всегда, встречаясь с ней, я не переставала изумляться: как, прожив такую долгую, сложную жизнь, сталкиваясь со столькими людьми, всякими, - как она сумела до глубокой старости сохранить абсолютную чистоту души и воображения, такую веру в человека и сердце, полное любви. И полное отсутствие сентиментальности и ханжества. Она была очень терпима к людям. <...> Кто не пережил страшного этого времени, тот не поймет, чем был для многих и многих ее труд. Что значило для людей, от которых шарахались друзья и знакомые, если в семье у них был арестованный, прийти к ней, услышать ее голос, узнать хотя бы о том, где находятся их близкие, что их ожидает». // Книпер А.В. Фрагменты воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. М.: Прогресс-Феникс, 1990. Т. 1. С. 146-147).

Биография
Екатерины Дмитриевны КУСКОВОЙ
(1869– 1958)

Екатерина Дмитриевна Кускова-Прокопович (ур. Есипова, в первом браке Ювеналиева) родилась в 1869 г. в г. Уфе.

Отец - учитель словесности в гимназии, затем акцизный чиновник, в 1881 г. оставил семью. Мать – малограмотная татарка.

Училась в Саратовской женской гимназии. В возрасте 15 лет (в последнем классе гимназии) осталась без родителей (отец застрелился, мать умерла от туберкулеза). Чтобы обеспечить существование себе и младшей сестре, заняла место матери по заведованию богадельней. Была исключена из гимназии (формально за пропуск большого числа уроков, в действительности же за «возмутительный» характер сочинения на тему пушкинского стихотворения «Поэт и чернь»), но окончила гимназию вместе со своими одноклассницами, сдав экзамены экстерном и получив аттестат с отличием.

Осенью 1885 г. (в 16 лет) вышла замуж за своего гимназического учителя физики 32-хлетнего И. П. Ювеналиева, имела с ним двух сыновей. В конце 1889 г. ее муж умер от туберкулеза, в начале 1890 г. умер от дифтерита ее младший сын.

Осенью 1890 г. поступила на акушерские курсы при воспитательном доме в Москве, вошла в студенческий кружок самообразования, помогала распространять нелегальную народническую литературу. Летом 1891 г. вернулась в Саратов, где участвовала в собраниях радикальной интеллигенции, составившей ядро организации «Народное право», окончила фельдшерские курсы и вступила в санитарный отряд по борьбе с холерой. Во время холерного бунта чуть не погибла при столкновении с разъяренной толпой. Это столкновение стало одним из решающих факторов в ее политическом самоопределении, с тех пор важнейшими для нее стали задачи культурного и политического воспитания народа и, следовательно, реформистский путь преобразования общества.

За причастность к народническому кружку выслана в Пензу, а оттуда - в Москву, месяц провела в тюрьме и 3 года под гласным надзором полиции. Весной 1894 г., чтобы вызволить из тюрьмы члена группы «Народное право» студента-юриста П. Кускова, державшего многодневную голодовку и дошедшего до полного истощения, вступила с ним в фиктивный брак.

Летом 1894 г. выслана в Нижний Новгород, где близко познакомилась с В. Г. Короленко, А. М. Горьким, С. Н. Прокоповичем. Вела пропаганду среди сормовских рабочих. В этот период с позиций народничества перешла на позиции марксизма. В конце 1895 г., отбыв срок высылки, вернулась в Москву, вышла замуж за С. Н. Прокоповича и вместе с ним в феврале 1896 г. выехала за границу для лечения обострившегося туберкулеза. В 1897 г. вступила в «Союз русских социал-демократов за границей».

В 1899 г. вернулась в Россию. Написала «Краткое изложение взглядов» (набросок, сделанный не для печати, а для «удобства» в спорах о характере рабочего движения и задачах нарождающейся социал-демократической организации), где высказала суждение о том, что российские социал-демократы должны вести борьбу за политические свободы совместно с либералами, помогая одновременно пролетариату вести экономическую борьбу. Этот документ (один из списков), названный (без ведома автора) «Кредо» и истолкованный как программа «экономистов», был переслан А. И. Ульяновой-Елизаровой В. И. Ленину, находящемуся в ссылке в Шушенском. «Кредо» вызвало резкую критику Ленина и других российских социал-демократов, включая Ю. О. Мартова и Г. В. Плеханова, ведших ожесточенную борьбу с «экономизмом». Особенно возмутительным российским марксистам показалось мнение, что российскому пролетариату пока не нужна самостоятельная политическая партия. По требованию Г. В. Плеханова Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович были исключены за оппортунизм из «Союза русских социал-демократов за границей», после чего, порвав с социал-демократами, вошли в буржуазно-либеральный «Союз освобождения».

С осени 1904 г. - один из редакторов легальной газеты «Наша жизнь». Активно участвовала в создании и работе кооперации. Цели и идеалы кооперативного движения рабочего класса изложила в работе «Сон под первое мая (сказка-правда)», написанной во время ее пребывания за границей и переизданной в России в 1905 г.

В период революции 1905-1907 гг. приобрела известность как общественный деятель. На учредительном съезде партии кадетов (октябрь 1905 г.) заочно избрана в состав ЦК, но от вступления в партию отказалась из-за программных и тактических разногласий. С января по май 1906 г. - издательница, один из редакторов и постоянных сотрудников политического еженедельника «Без заглавия», выступала за блок всех левых сил, включая кадетов. В 1906-1907 гг. сотрудничала в газете «Товарищ»; с 1908 г. - в газете «Русские ведомости». В 1911 г. участвовала в переговорах, проходивших по инициативе Горького, о создании журнала, способного объединить

широкие демократические силы общества. В 1912-1914 гг. сотрудничала в журнале «Современник», опубликовала в нем статью «Во что верить?», призывавшую интеллигенцию помогать культурному росту народа, который позволит (по мнению Е.Д. Кусковой) предохранить народ от экстремистских увлечений.

В годы Первой мировой войны занимала оборонческую позицию.

Участвовала в движении за женское равноправие. Увлекалась масонством. Была членом Петроградской женской масонской ложи (позже, в эмиграции, – гостем ложи «Аврора» в Париже). В 1916 г. на ее московской квартире собирались масоны (на одном из таких собраний в апреле 1916 г. был намечен состав будущего Временного правительства).

После Февральской революции 1917 г. активно работала в кооперативном движении (видела в кооперации конкретную форму реализации общечеловеческой идеи взаимопомощи, необходимой при любом общественном строе). С апреля 1917 г. начала издавать в Москве ежедневную демократическую и социалистическую газету «Власть народа», в которой особое внимание уделялось вопросам кооперативного движения. Считала, что в основе кооперативного движения лежит стремление утвердить строй социалистического типа. В августе 1917 г. была выбрана в члены Предпарламента от кооператоров. На заседаниях Предпарламента призывала к обороне государства, заявляя, что проводить социально-революционные преобразования «во всем их объеме во время войны есть преступление».

Во время октябрьских событий 1917 г. поддерживала Временное правительство, всячески пыталась помочь осажденным в Зимнем дворце министрам (в числе которых был ее муж С. Н. Прокопович). После победы Октябрьской революции жила в Москве, не примкнула ни к какой из борющихся сторон, считая важнейшей задачей – предотвращение гражданской войны. При этом издававшиеся ею газеты «Власть народа» и «Право народа», где она была членом редакции, находились в непримиримой оппозиции к большевикам.

Во время Гражданской войны стояла на платформе «третьей силы», выступавшей против диктатуры, как большевиков, так и белых («нинистка» – «ни Ленин, ни Колчак»). Была в числе первых из небольшевистского лагеря, кто пошел на сотрудничество с советской властью. Вместе с Н. М. Кишкиным организовала «Лигу спасения детей», занимающуюся устройством приютов для беспризорных и детских колоний.¹ Один из учредителей и член Комитета МПКС. Один из организаторов и активный деятель Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПГ). В августе 1921 г. вместе с другими деятелями ВКПГ арестована и отправлена в ссылку. После

хлопот В. Н. Фигнер и Е. П. Пешковой 1 июня 1922 г. вместе С. Н. Прокоповичем выехали за границу.

Первоначально жила в Берлине, избрана председателем Берлинского комитета помощи заключенным и ссыльным в России. В 1924 г. переехала в Прагу, сотрудничала в газетах «Последние новости», «Дни», «Руль» и других, а также в журналах «Современные записки», «Воля России», «Новом журнале», играла активную роль в политической жизни эмиграции, вместе с П. Н. Милюковым вела переговоры по созданию Республиканско-демократического объединения. Входила в «Союз русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике» (в 1924-1925 гг. – член правления). Член Пражского ПКК.

В 1939 г., после оккупации Чехословакии немецкими войсками, переехала в Женеву, сотрудничала в старейшей газете русской эмиграции «Новое русское слово», в «Новом журнале» и в других изданиях. Умерла в Женеве 22 декабря 1958 г.

Е. Д. Кускова прожила в эмиграции более 35 лет. Длительные годы она считала свое изгнание из России временным и надеялась вернуться на родину. После Великой Отечественной войны, в большой степени в связи с победой СССР над фашистской Германией, у нее вновь возродились надежды на возможность возвращения; они, как известно, не сбылись.

¹ «Лига спасения детей» была организована осенью 1918 г. по инициативе В. Г. Короленко. Это была независимая общественная организация, утвержденная Совнаркомом и работающая легально. Предназначена она была для борьбы с детской беспризорностью (борьбы, которая была начата обществом, а не властью). Всего за время своего существования Лига помогла 3,5 тысячам сирот. Весной 1920 г. Лига обратилась в СНК с предложением о спасении голодающих детей России путем предоставления помощи из-за границы. Эта форма оказания помощи беспризорным детям стала поводом для закрытия организации. В январе 1921 г. все детские учреждения «Лиги спасения детей» были переданы в распоряжение отдела народного образования. Осенью 1921 г., когда детская беспризорность захлестнула страну, при ВЦИК была образована Комиссия по улучшению жизни детей под председательством Ф. Э. Дзержинского.

Е. Д. Кускова в статье «А что внутри?» рассказала о работе «Лиги спасения детей», о подопечных детях, о проблемах их воспитания в условиях войны, голода и революционных преобразований. «Мне 2¹/₂ года пришлось работать в “Лиге спасения детей”. У Лиги было свыше 18 колоний, 11 детских садов, санаторий, детские клубы и огороды. Детей мы брали всякого возраста и, безусловно, с улицы». Е. Д. Кускова рассказала, что в тяжелейших условиях в России растут новые замечательные люди: «Худенькие ручки и печальные, недетские глаза... Эту картину не всегда можно было без слез видеть. Но что получается? Не только материализм. В Лиге спасения такие же крошки или немного больше прятали сахар, кусочек хлеба, чтобы отдать на свидании... маме или другой сестренке! Разве это не высоконравственные моменты! Я уже не говорю о массовой работе, колоссальной работе 15–16-летних юношей и девушек, которые нередко держат на своих плечах целый дом. И какие это юноши... Сильные, выносливые, сметливые. Это те, которые выживут среди вьюги и мороза... Это – плоды своеобразного естественного отбора».

Е. Д. Кускова всю свою жизнь оставалась патриотом России, и эта ее статья, написанная вскоре после высылки с родины, заканчивалась так: «Как все-таки хорошо, что приехали из России долго там жившие, много и тяжело работавшие, много думавшие люди! Несут они кусочки России, хорошие и дурные, несут, стараясь показать их другим, не видевшим. Пусть

только показывают больше, больше, полнее и разнообразнее. А вот из этих кусочков мы сложим ее, Россию, родину нашу, сложим все вместе и – будем знать, что делать дальше»// Воля России. 1922 г. № 6.

.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ.

Агабеков Георгий Сергеевич (1895-1938) – участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1920 г. на руководящих постах в ЧК – ГПУ - ОГПУ в Екатеринбурге, Бухаре, Ташкенте, с 1928 г. начальник восточного сектора иностранного отдела ОГПУ, с октября 1929 г. резидент ОГПУ на Ближнем Востоке. В июне 1930 г. бежал из Константинополя в Париж, где объявил о разрыве с Советами. Автор книг «Г.П.У. Записки чекиста» и «ЧК за работой». В 1938 г. убит в Париже сотрудником НКВД А.М. Коротковым.

Альтовский Аркадий Иванович (1880-1975) – член ПСР. С 1901 г. член Саратовской молодежной группы социалистов-революционеров и социал-демократов, объединившей все рабочие кружки. До революции неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам. С 1907 г. – в эмиграции. В августе 1917 г. вернулся в Россию. В 1919 г. кооптирован в ЦК, арестован; мог быть освобожден по амнистии, но отказался от подписки о прекращении контрреволюционной деятельности и не был освобожден. В феврале 1922 г. включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу эсеров было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Приговорен к расстрелу. По решению Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 г. смертная казнь заменена на 5 лет заключения со строгой изоляцией. Срок заключения закончился 27 декабря 1924 г., после чего был выслан на 3 года в Темир-Хан-Шуру. Позже – в ссылках. В 1937 г. получил срок в ИТЛ. После войны отбывал ссылку в Ухте. В 1955 г. – главный инженер электростанции в Ухте.

Антонов-Овсенко Владимир Александрович (1883-1938) – советский партийный и государственный деятель. В революционном движении с 1901 г. До революции неоднократно арестовывался, был приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторги. В 1910 г. эмигрировал, в 1917 г. вернулся в Россию. В 1919 г. – нарком военных дел в УССР. В 1921 г. руководил подавлением крестьянского восстания в Тамбовской губ. В декабре 1921 г. возглавлял комиссию ЦК РКП(б) в Кронштадте. Член РВС республики, начальник политуправления РККА, в 1922-1924 гг. – член ЦИК СССР. В октябре 1923 г. подписал «Заявление 45-ти» в ЦК РКП(б), обвинявшее большинство Политбюро в установлении антидемократического антипартийного режима. Решением январского пленума 1925 г. снят с занимаемых постов. В дальнейшем на дипломатической работе. В 1924-1928 гг. – полпред в Чехословакии. В декабре 1928 г. переведен полпредом в г. Ковно. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

Артемьев Николай Иванович (1883-?) – член ПСР с 1903 г. За принадлежность к ПСР до революции был сослан в Красноярский уезд Енисейской губ., где занимался статистикой. В 1913 г. вернулся в Москву, работал статистиком. Член МК ПСР в 1917-1920 гг., председатель в 1917-1918 гг. В феврале 1922 г. привлечен к процессу ЦК ПСР, по итогам которого приговорен к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией. Решением ЦИК СССР от 11 января 1924 г. срок заключения был сокращен до 5 лет. Содержался в Бутырской тюрьме, дважды держал голодовку. По отбытии срока был выслан в Темир-Хан-Шуру. Последний раз был арестован в феврале 1937 г. в Ирбите (Свердловская обл.) по обвинению в руководстве нелегальными эсеровскими организациями.

Бажанов Борис Георгиевич (1900, Могилев-Подольский – 1982, Париж) - советский партийный деятель. Окончил 7 классов гимназии, некоторое время учился в Киевском университете, а затем в Московском высшем техническом училище. С 1919 г. член РКП(б). С 1922 г. работал в административном отделе ЦК ВКП(б). По собственным воспоминаниям, являлся автором нового Устава ВКП(б). С 1923 г. - секретарь Оргбюро ЦК. С августа 1923 г. - личный секретарь И. В. Сталина. С 1926 г. - редактор «Финансовой газеты». 1 января 1928 г. бежал в Персию, а затем переехал в Европу. Жил во Франции. Получил широкую известность на Западе после публикации своих мемуаров «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». В них он подробно рассказал о закулисных политических интригах в Кремле, начиная с изгнания Троцкого и включая последующие действия Сталина по устранению с политической сцены своих соратников и соперников – Фрунзе, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и других.

Базаров (настоящая фамилия Руднев) Владимир Александрович (1874-1939) – экономист, публицист, философ. Социалист-демократ с 1896 г. В 1901 г. входил в Московский комитет РСДРП, в 1904 г. вошел во фракцию большевиков. Позже отошел от большевизма, пропагандировал богостроительство и эмпириокритицизм. К Октябрьской революции отнесся отрицательно. В 1917-1919 гг. примкнул к меньшевикам. Сотрудничал в меньшевистских изданиях – журнале «Мысль», газете «Наш голос». Перевел «Капитал» Маркса. С 1921 г. работал в Госплане, занимался экономической теорией, переводами научной и художественной литературы. В 1927 г. при перестройке деятельности Академии наук вошел в список желательных кандидатов. В 1930 г. был обвинен в причастности к организации специалистов-вредителей и арестован. Умер 16 сентября 1939 г.

Бах Алексей Николаевич (1857-1946) – химик, основатель школы советских биохимиков, действительный член АН СССР с 1929 г. Участвовал в народовольческом движении, 32 года провел в эмиграции, вернулся в Россию в 1917 г. Инициатор создания и первый председатель (с мая 1928 г.) ВАРНИТСО (Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству) - организации, которую поддерживал высший партийный аппарат.

Берг Ефроим Соломонович (1875-1937) – член ПСР. Неоднократно арестовывался до революции, дважды ссылался. В 1917-1919 гг. – член Петроградского Совета, член бюро ВЦИК. Арестовывался в 1918, 1919, 1921 гг. В связи с процессом ЦК ПСР включен в список эсеров, обвиняемых в антисоветской деятельности. Арестован в феврале 1922 г., по итогам процесса приговорен к пяти годам тюремного заключения со строгой изоляцией. В 1923 г. – в Бутырской тюрьме, принимал участие в 14-дневной голодовке. По решению Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 г. срок заключения сокращен до 2,5 лет, затем выслан на 3 года в Темир-Хан-Шуру. Позже неоднократно арестовывался и ссылался. В 1937 г. арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

Бернштейн Эдуард (1850-1932) – идейный руководитель ревизионизма – теории и практики реформистского крыла германской и мировой социал-демократии, член социал-демократической партии Германии с 1872 г. Выступал с критикой философского и экономического учения Маркса. Пересмотр основоположений марксизма изложил в серии статей «Проблемы социализма», а затем в книгах «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», «К теории и истории социализма», «Насколько возможен научный социализм» и др. В частности, утверждал, что рост числа мелких собственников и «демократизация» промышленности в форме акционерных компаний имеют последствием создание многочисленного слоя, заинтересованного

в мирном сотрудничестве с капитализмом, что рост политического влияния рабочего класса ведет к улучшению его материального положения. Предлагал не революционный путь развития, а мирные реформы, при которых происходит вращение нового социалистического общества в капитализм. В 1917 г. вместе с Каутским участвовал в создании Независимой социал-демократической партии.

Беседовский Григорий Зиновьевич (1896-1951?) – советский дипломат, невозвращенец. С 1917 г. член ПСР, с 1920 г. – коммунист. В 1920 г. - председатель Полтавского губсовнархоза, редактор газеты «Більшовик». В 1921 г. - председатель губпрофсовета и член бюро Полтавского губкома. В 1922 г. - поверенный в делах УССР в Австрии. В 1923-1925 гг. - советник полпредства УССР в Варшаве. В 1925-1926 гг. - член правления Амторга в Нью-Йорке. В 1926-1927 гг. - поверенный в делах СССР в Японии. В 1927-1929 гг. - советник полпредства СССР во Франции. С октября 1929 г. – невозвращенец, сотрудник газет «Возрождение» и «Последние новости», основатель и редактор газеты «Борьба» (1929-1932 гг.). В 1930 г. в Париже вышла его книга «На путях к Термидору».

В годы Второй мировой войны участник французского Сопротивления. После войны зарабатывал политическими мистификациями, опубликовав под разными псевдонимами множество исторических фальшивок, в том числе «Дневники Литвина».

Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (1875-1937) – юрист, политический деятель и литератор (псевдоним А. Кольчугин). Окончил Императорское училище правоведения. В 1900-х гг. защитник по политическим делам (участник процессов Бейлиса и Пуришкевича). Один из создателей Конституционно-монархического союза и «Союза 17 октября» (в последнем - член ЦК). Автор трудов по проблемам уголовного судопроизводства, (сб. «Суд речи», т. 1-2, 1905-1912). С 1920 г. - в эмиграции, один из лидеров «сменовеховства». В 1923 г. вернулся в СССР, член коллегии защитников в Ленинграде до августа 1933 г. Арестован 10 января 1935 г. Приговорен ВТ ЛВО 22 июня 1935 г. к расстрелу с заменой на 10 лет ИТЛ. Умер в заключении.

Бриан (Briand) Аристид (1862-1932) - неоднократно в 1909-1931 гг. премьер-министр Франции и министр иностранных дел, один из инициаторов проекта создания блока «Пан-Европа», Келлога - Бриана пакта 1928 г. и др. В 1920-х гг. проводил антисоветскую политику; в 1931 г. предпринял шаги к сближению Франции с СССР. Нобелевская премия мира (1926 г., совместно с Г. Штресманом) за «мирное урегулирование международных отношений».

Веденяпин-Штегеман Михаил Александрович (1879-1938) – член ПСР с 1903 г., член ЦК ПСР. До революции неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам. В 1917 г. выбран в ЦК ПСР. Член КОМУЧа как управляющий ведомствами иностранных дел, почты и телеграфов. Правительством Колчака объявлен вне закона и заочно приговорен к расстрелу. Выступал против вооруженной борьбы с большевистским режимом. В мае 1920 г. арестован ВЧК, содержался в заключении вплоть до процесса ЦК ПСР. В феврале 1922 г. привлечен к процессу ЦК ПСР, по итогам которого приговорен к 10 годам лишения свободы. В июле 1923 г. принимал участие (в числе 14 человек) в смертельной голодовке в Бутырской тюрьме. Решением ЦИК СССР от 11 января 1924 г. срок заключения был сокращен до 5 лет. По его отбытии был выслан в Пензу на 3 года. В 1928 г. срок ссылки был продлен на 1 год. 15 сентября 1930 г. был вновь арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной эсеровской организации и антисоветской деятельно-

сти. 3 января 1931 г. приговорен ОСО при Коллегии ОГПУ по ст. 58-11 к высылке в Чимкент на 3 года. В 1933 и 1935 гг. срок ссылки продлевался на 2 года. Последний раз арестован 7 февраля 1937 г., приговорен к 10 годам заключения в концлагере, умер в Востлаге.

Член МПКК с 1920 г. Это его архив был обнаружен в помещении МПКК при обыске, произведенном 3 августа 1922 г. сотрудниками ГПУ. Все годы его ссылки ПОМПОЛИТ поддерживал с ним связь, старался оказывать всяческую помощь ему и тем, за кого он просил.

Вормс Альфонс Эрестович (1868-1939) – юрист, специалист по крестьянскому и торговому праву. Окончил Московский университет, преподавал право в высших учебных заведениях, автор научных трудов. Вместе с Н. К. Муравьевым участвовал в издании профессионального юридического журнала «Вестник Права. Орган адвокатуры, нотариата, суда», выходившего в Москве с 1908 по 1917 г. После революции профессор МГУ. В 1925 г. участвовал в процессе по гражданскому иску правительства СССР к американскому акционерному обществу «Синклер» об аннулировании концессионного договора на аренду русской части острова Сахалин и на разработку нефти в этом районе острова; вместе с Н. К. Муравьевым выступал адвокатом фирмы. До ареста работал юрисконсультантом в шведском консульстве. Арестован 4 ноября 1936 г. в Москве. Приговорен к 3 годам заключения в ИТЛ. Умер в заключении.

Гинденбург Пауль, фон (1847-1934) – немецкий военный и политический деятель, генерал-фельдмаршал с 1914 г. С августа 1916 г. – начальник Генерального штаба и главнокомандующий германской армией. В ноябре 1918 г. жестоко подавил революционные выступления германских рабочих. В 1925 г. был избран президентом Веймарской республики. Поддерживал военно-монархические и фашистские организации. В 1932 г. вновь избран президентом. 30 января 1933 г. передал власть в руки фашистов, поручив Гитлеру формирование правительства.

Гай (Штоклянд) Марк Исаевич (Исаакович) (1898–1937) - сотрудник ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. В 1931 возглавлял ЭКУ ОГПУ СССР. Арестован 01.04.37, приговорен ВКВС СССР 20.06.37 к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

Гоц Абрам Рафаилович (1882-1940) – один из лидеров ПСР. Из купеческой семьи. Учился в Берлинском университете, вместе с Н. Д. Авксентьевым, И. И. Фондаминским, В. М. Зензиновым входил в кружок «молодых» эсеров. В революционном движении с 1896 г. Член ПСР с 1904 г., в 1905-1906 гг. входил в боевую организацию партии. В 1906 г. был арестован и приговорен к 8 годам каторги, которую отбывал в Александровском центре. С 1915 г. – на поселении близ Иркутска, где группа ссыльных эсеров, в которой он играл ведущую роль, сблизилась с группой ссыльных с.-д. (И. Г. Церетели, Ф. И. Дан и другие). В марте 1917 г. вернулся в Петроград, возглавил фракцию эсеров в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, был избран в исполком и президиум Петроградского Совета. С июня 1917 г. член Президиума ВЦИК 1-го созыва, в сентябре 1917 г. – член Демократического совета. Входил в комитет спасения Родины и Революции, в качестве председателя комитета руководил восстанием юнкеров в ночь на 29 октября 1917 г. Входил в военный штаб «Союза возрождения» в Петрограде, занимался переброской вооруженных групп на Волгу, входил в Южнорусское бюро ЦК ПСР, где отстаивал позиции борьбы на два фронта – и против большевиков и против Белого движения. Арестован в мае 1920 г., содержался в заключении вплоть до процесса ЦК ПСР. В феврале 1922 г. привлечен к процессу ЦК ПСР, по итогам которого приговорен к смертной казни с заменой на 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией.

В 1924-925 гг. вместе с другими осужденными членами ЦК ПСР содержался в Бутырской тюрьме. В январе 1925 г. участвовал в 9 дневной голодовке.

В мае 1925 г. освобожден из тюремного заключения и сослан в Ульяновск. Через 1,5 месяца вновь арестован по обвинению в попытке организовать побег. Через три месяца заключения после нескольких голодовок приговорен к 2 годам тюремного заключения, содержался в Ульяновске под домашним арестом. После освобождения, отбывал ссылку в Ульяновске, работал в Симбирском губплане. В 1931 г. был отправлен в ссылку в Семипалатинск, а затем – в Алма-Ату. В последний раз был арестован в 1937 г. в Алма-Ате, отправлен на Колыму. Постановлением ВКВС от 20 июня 1939 г. приговорен на 25 лет лишения свободы, умер в Красноярском концлагере.

Гоц (ур. Рабинович) Сара Николаевна (1883-1967) – жена А.Р. Гоца и сестра Б.Н. Рабиновича. Родилась в г. Пензе. По образованию врач. Член ПСР. В 20-30-х годах – в ссылках вместе с мужем. В 1937 г. до ареста работала врачом-педиатром в Алма-Ате. В октябре 1937 г. арестована и приговорена как ЧСИР к 8 годам ИТЛ. Отправлена в Акмолинский лагерь, затем переведена в Карлаг. Освобождена из заключения в октябре 1945 г. Имела двоих детей: сына Михаила и дочь Ольгу.

Громан (псевдоним Горн) Владимир Густавович (1874-1940) - экономист, статистик. Член 1-й Государственной думы. При исследовании крестьянских хозяйств применил разработанный им метод многофазного отбора. Выступал за свободу рыночных отношений, выдвинул т. н. генетический метод построения эмпирических кривых развития на основе экстраполяции. В 1932 осужден по делу т. н. меньшевистского центра.

Гуревич Эммануил Львович (литературный псевдоним Смирнов Е.), (1866-1952) – публицист, политический деятель, народник, впоследствии социал-демократ меньшевистского крыла, деятель кооперативного движения, тесть А. В. Чаянова. В 1917-1918 гг. редактировал газету «Власть народа», которую издавала Е. Д. Кускова. Член ВКПГ, после разгона ВКПГ был арестован, некоторое время провел в заключении. Впоследствии отошел от политической деятельности, возглавлял архив Министерства иностранных дел, работал в Институте Маркса и Энгельса. В 1931 г. был арестован, приговорен к ограничениям места проживания «-12», отбывал в Курске. В апреле 1932 г. ему было разрешено свободное проживание

Член МПКС с 1919 г.

Дан (ур. Цедрбаум) Лидия Осиповна (1878-1963) - член РСДРП с середины 1890-х годов, участник первых социал-демократических кружков в С.-Петербурге, сестра лидера меньшевиков Ю. О. Мартова, жена Ф. И. Дана. Окончила петербургскую гимназию и Бестужевские курсы. В революционном движении с 1897 г., когда примкнула к Петербургскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса. До революции несколько раз арестовывалась. В 1901 г., чтобы избежать ареста, уехала за границу, работала в редакции «Искры». В январе 1902 г. в качестве агента «Искры» вернулась в Россию. В Москве при посредстве Горького заручилась содействием социал-демократическому движению со стороны издателя Скиммунта, который обязался выделять Московскому комитету партии 100 рублей в месяц и, кроме того, предоставил свой особняк для ночевки нелегальным партийным работникам. В мае 1902 г. арестована, после года тюремного заключения отправлена в ссылку, откуда в 1905 г. бежала в Женеву, где работала секретарем в редакции «Искры» и вышла замуж за лидера меньшевиков Ф. И. Дана. В 1913 г. после амнистии в связи с трехсотлетием дома Романовых вернулась в Россию. Вместе с мужем Ф. И. Даном отбывала ссылку в Сибири. После Февральской революции вернулась в Петроград. В начале 1922 г. вместе с мужем выехала за границу. (Ф. И. Дан вместе с другими социал-

демократами добился путем голодовки замены ссылки на высылку за границу). В эмиграции: Германия, Франция, США.

Член Берлинского Комитета «Общества помощи политическим заключенным и ссыльным в России».

Дзержинский Феликс Эдмундович (30.08.1877, имение Держиново Ошмянского уезда Виленской губ. – 20.07.1926, Москва) - революционер, государственный деятель, председатель ВЧК, позже ГПУ – ОГПУ, нарком внутренних дел, с 1924 г. – председатель ВСНХ СССР. Умер скоропостижно после выступления на пленуме ЦК, по официальной версии - от сердечного приступа.

Дмитриевский Сергей Васильевич – советский дипломат, выразитель идеи национал-коммунизма, невозвращенец с 1930 г. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Был эсером, затем большевиком. В 1918 г. входил в «Союз возрождения». В 1923-1924 гг. – секретарь торгового представительства в Германии, в 1924-1927 гг. – 1-й секретарь Полномочного представительства СССР в Греции, управляющий делами НКВД СССР, в 1927-1930 гг. – советник Полномочного представительства СССР в Швеции, в апреле 1930 г. попросил политического убежища в Швеции. В эмиграции стал активным участником национал-революционных организаций. После 1940 г. его следы теряются. (Существует предположение, что он был тайным советским агентом.)

Автор книг «Судьба России» (Берлин, 1930), «Советские портреты» (Стокгольм, 1932) и книги о Сталине, вышедшей в Берлине в 1931 г. В своих книгах Дмитриевский разоблачал деспотическую сущность советского режима, но не разоблачал его преступления. Сталина он защищал от Троцкого, который, по мнению Дмитриевского, «создал карикатурно-уродливый образ Сталина, легший в основу ходячего о нем представления». Дмитриевский видел заслугу Сталина в том, что тот расчищает путь для движения России через национальный коммунизм к реставрации монархии.

Долгоруков Павел Дмитриевич (9.05.1866, Москва-10.06.1927, Москва) - князь, камергер, крупный землевладелец. Из дворянской семьи, восходящей к Рюриковичам, один из богатейших людей России. Политический и общественный деятель. Один из организаторов кружка «Беседа», «Союза земцев-конституционалистов», «Союза освобождения». Один из основателей и лидеров партии кадетов, на 1-м съезде (в 1905 г.) выбран в ЦК, на 2-м съезде – председателем ЦК. 28 ноября 1917 г. арестован вместе с другими кадетскими лидерами и заключен в Петропавловскую крепость, через 3 месяца освобожден. В октябре 1918 г. после кратковременного ареста выехал в Киев, а затем на юг России. Тов. председателя «Национального центра», организатор движения в поддержку Добровольческой армии. С осени 1920 г. в эмиграции. Предпринял два нелегальных посещения СССР. В начале июля 1924 г. перешел советско-польскую границу, был арестован, но не опознан и выдворен обратно. Во второй раз, в июне 1926 г., перешел через границу СССР и Румынии. Направляясь из Харькова в Москву, был арестован на ст. Лопасня; 11 месяцев находился в Харьковской тюрьме. Расстрелян 7 июля 1927 г. (в числе 20 представителей видных дворянских и буржуазных семей) «в ответ» на убийство в Варшаве советского посла П. Л. Войкова.

Долгоруков Петр Дмитриевич (9.05.1866, Москва-не ранее 1945, Владимир) - брат-близнец Павла Долгорукова, политический и общественный деятель. Один из организаторов кружка «Беседа», «Союза земцев-конституционалистов», «Союза освобождения». Один из учредителей партии кадетов, на 1-м съезде выбран в ее ЦК. В 1906 г. избран депутатом 1-й Государственной Думы; после роспуска Думы подписал Выборгское воззвание, за что был осужден на 3 месяца тюремного заключения.

С 1909 г. от работы в партии кадетов практически отошел. С начала Первой мировой войны служил в армии. После Февральской революции – в Москве, участвовал в работе Государственного совещания. После Октябрьской революции долго болел, лечился, скрывался от большевиков на Кавказе. В ноябре 1920 г. эмигрировал, снова активно участвовал в работе кадетской партии. В 1922 г. переехал в Прагу, где прожил многие годы, был избран зам. председателя Объединения русских эмигрантских организаций в Чехословакии. В 1945 г. при приходе Красной Армии в Прагу был арестован, приговорен к 5 годам тюремного заключения и отправлен во Владимирскую тюрьму. В статье Е. И. Фроловой «Непопулярная эмиграция» (журнал «Нева», 2006, № 10) о нем написано: «Арестован был и 80-летний князь Петр Дмитриевич Долгоруков. Судя по данным «Мемориала», его пять лет содержали во владимирской тюрьме и почему-то не освободили по истечении срока заключения. Возможно, престарелый и больной человек был уже в таком состоянии, что его и поднять с постели (или с нар) было невозможно».

Донской Дмитрий Дмитриевич (1881-1936) – член ПСР, член ЦК ПСР. Из семьи сельского врача. В годы первой русской революции вступил в ПСР, за принадлежность к которой в 1907 г. был выслан в Тобольскую губ. Бежал, эмигрировал, получил медицинское образование в Германии, вернулся, отбывал срок ссылки в Тобольской губ., работая врачом. С 1914 г. военный врач на Кавказском фронте, в 1917 г. комиссар фронта. С декабря 1917 г. – член ЦК ПСР. Один из руководителей антибольшевистского подполья в СССР. Арестован летом 1919 г., после голодовки в январе 1921 г. на некоторое время освобожден и вновь арестован в апреле 1921 г. Один из главных обвиняемых по процессу ЦК ПСР, приговорен к смертной казни с заменой на 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией. По окончании срока был выслан в Нарымский край, где остался до конца жизни, работая врачом в районной больнице. Он был человеком фантастически влюбленным в свою профессию; в Парабеле по его инициативе и под его руководством была выстроена прекрасная больница. Покончил собой в преддверии ареста.

Зензинов Владимир Михайлович (1880-1953) – общественно-политический деятель, публицист, член ЦК ПСР. Сын купца первой гильдии. Учился в Брюссельском, Берлинском, Гейдельбергском и Галльском университетах. Вместе с Н. Д. Авксентьевым, А.Р. Гоцем и И. И. Фондаминским входил в кружок «молодых» эсеров. В 1918 г. – член Уфимской директории, выслан колчаковцами в Китай. С 1919 г. жил в Праге, затем в Париже. Участвовал в работе Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. Один из основателей и первый председатель Земгора в Праге. Соредатор журнала «Воля России» (1920-1922), член редколлегии «Современных записок» (с 1920 г.), с 1939 г. в США, соучредитель и член редколлегии эсеровского журнала «За свободу» (1941-1947), один из организаторов «Лиги борьбы за народную свободу» (1949), член редколлегии «Нового журнала» с момента его основания в 1942 г. и вплоть до своей смерти.

Под руководством В. М. Зензинова и О. С. Минора в ноябре 1921 г. в Париже для оказания помощи политзаключенным в Советской России был организован беспартийный Политический Красный Крест. В ноябре 1922 г. в Берлине было создано «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России», В. М. Зензинов вошел в состав комитета этого общества, а с апреля 1924 г. стал его председателем.

Иванов Николай Николаевич (1888-1937) – один из осужденных по процессу ЦК ПСР. По итогам процесса он был приговорен к ВМН, которая решением Президиума ВЦИК СССР от 11 января 1924 г. была заменена 5 годами лишения свободы со строгой изоляцией. По окончании срока заключения вместе с сестрой, Ивановой-

Ирановой Е. А., был выслан в Самарканд на 3 года, после чего срок ссылки ежегодно продлевался еще на 1 год, а в 1936 г. – на 3 года. В 1937 г. был арестован и осужден на «10 лет без права переписки».

Иванова-Иранова Елена Александровна (1884-1937) – одна из осужденных по процессу ЦК ПСР. 8 августа 1922 г. приговорена к ВМН, исполнение приговора было отложено. Содержалась в Бутырской тюрьме. В марте 1923 г. в ответ на голодовку была вывезена на некоторое время в совхоз ГПУ, затем возвращена в Бутырскую тюрьму. Решением ЦИК СССР от 11 января 1924 г. приговорена к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией. 12 июля 1926 г. предприняла попытку самоубийства. По окончании срока выслана в Самарканд. В 1929 и 1930 гг. срок ссылки продлевался еще на 1 год. В сентябре 1931 г. отправлена в ссылку в Нарым на 3 года, после чего срок ссылки продлевался в 1933 и 1935 г. г. на 2 года. Арестована 23 августа 1937 г., по постановлению «тройки» УНКВД Запсибкрая расстреляна 31 октября 1937 г.

Измайлович Александра Адольфовна (1878-1941) – член ПСР, позже – член ПЛСР и член ЦК ПЛСР. Дочь генерала. В революционном движении с начала 1900-х годов. В январе 1906 г. после неудачного покушения на минского губернатора П. Г. Курлова и полицмейстера Д. Д. Норова была арестована и приговорена к смертной казни с заменой на 20 лет каторги. После Февральской революции примкнула к левому крылу ПСР, после раскола стала членом ЦК ПЛСР, с конца 1917 г. – член Президиума ВЦИК. Арестована после 6 июля 1918 г. Содержалась в заключении вместе с М. Спиридоновой, вместе с которой прошла всю череду заключений и ссылок вплоть до ареста в Уфе в 1937 г. По одной версии – погибла в тюрьме еще до войны, по второй – расстреляна вместе со Спиридоновой при эвакуации Орловской тюрьмы.

Каутский Карл (1854-1938) – один из лидеров и теоретиков германской и международной социал-демократии, лидер 2-го Интернационала. В 1880-1890 годах написал ряд работ и статей, пропагандировавших марксистские идеи: «Экономическое учение К. Маркса» (1887), «Томас Мор и его утопия» (1888), «Комментарии к Эрфуртской программе» (1892), «Предшественники новейшего социализма» (1895), «Аграрный вопрос» (1899), «Бернштейн и социал-демократическая программа» (1899; рус. пер. 1906) и др. Его работы по популяризации учения Маркса, работы против ревизионизма, оказали большое влияние на революционное движение в России и изучались в кружках, тюрьмах и ссылках. Позже (примерно с 1910 г.) он начал отходить от революционного марксизма, а далее противостоял ему. Он утверждал, что «истинный» социализм должен «вырастать» из капитализма; капитализм надо не свергнуть, а «заместить», созидание должно не следовать за разрушением, а предшествовать ему; социалисты не должны разрушать капиталистическую организацию производства, особенно если не создана его социалистическая организация, способная столь же совершенно, как при капитализме, вести производство. В работах, написанных после Октябрьской революции: «Диктатура пролетариата» (1918), «Терроризм и коммунизм» (1919), «От демократии к государственному рабству» (1921) и «Большевизм в тупике» (вышла в 1930 г. в Берлине на русском языке в авторизованном переводе и с предисловием Ф. Дана), он выступал с критикой большевистского пути развития страны, утверждая, что социализм можно строить только в условиях демократии и методами демократии.

Керенский Александр Федорович (1881-1970) – российский политический деятель, адвокат. С июля 1917 г. – премьер-министр Временного правительства, с августа 1917 г. – Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции пытался организовать вооруженное сопротивление большевикам. В 1918 г. выехал за рубеж,

жил во Франции, с 1940 г. - в США. В 1922-1932 гг. редактировал газету «Дни», где выступал с осуждением как коммунистов, так и фашистов. В эмиграции бывшие политические союзники Керенского отвернулись от него, считая его виновным в Октябрьском перевороте и обвиняя в сочувствии к Советской России.

Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) – политический и государственный деятель, врач. Из дворян. В 1899 г. окончил медицинский факультет Московского университета и основал в Москве водолечебницу и пансион для нервных больных. Член «Союза освобождения», член ЦК кадетской партии с 1905 г., в 1907-1914 гг. – товарищ председателя ЦК кадетской партии. После начала Первой мировой войны – один из организаторов Всероссийского союза городов, после подавления военного мятежа Корнилова вошел в коалиционный кабинет в качестве министра государственного призрения. В дни Февральской революции назначен комиссаром Временного правительства в Москве. 25 октября 1917 г. назначен особоуполномоченным Временного правительства и генерал-губернатором Петрограда. Арестован вместе с министрами Временного правительства, весной 1918 г. освобожден. Участвовал в организации и деятельности «Союза возрождения России». Совместно с Е. Д. Кусковой основал в Москве «Лигу спасения детей» для организации приютов для беспризорных. Неоднократно арестовывался ЧК. В 1919 г. участвовал в деятельности «Тактического центра», был привлечен к суду военного трибунала, но оправдан. Несмотря на советы эмигрировать, остался в России. Один из организаторов ВКПГ. Был арестован в августе 1921 г. вместе с Е.Д. Кусковой и С.П. Прокоповичем, отправлен в ссылку в Вологду. По возвращении из ссылки жил в Москве, работал в курортном отделе Наркомздрава. После ухода на пенсию был лишен продовольственных карточек и денежного содержания.

Член МПКС с февраля 1918 г.

Ключников Юрий Вениаминович (1886-1938) - политический деятель, специалист в области международного права. До 1917 г. приват-доцент Московского университета. Член конституционно-демократической партии. В период гражданской войны консультант, товарищ министра и министр иностранных дел правительства Уфимской дирекции (1918), затем не крушение капитализма, а развитие его предполагает одновременное укрепление позиций пролетариата. министр иностранных дел правительства адмирала А. В. Колчака (1918-1919). В 1919 г. уехал за границу, входил в Парижский комитет партии кадетов. Участник сборника «Смена вех» (Прага, 1921) и журнала «Смена вех» (Париж, 1921-1922). Переехав в конце 1921 г. в Берлин, вместе с Ю. Потехиным основал газету «Накануне» (Берлин, 1922-1924). В августе 1922 под давлением советских представителей в Берлине и членов редакционной коллегии газеты «Накануне» был смещен с поста редактора газеты. В августе 1923 г. вместе с И. Василевским (Не-Буквой), А. Бобрищевым-Пушкиным и А. Толстым вернулся на родину. Заведующий кабинетом международной политики Коммунистической академии, преподаватель, консультант Наркомата иностранных дел, сотрудник журнала «Международная жизнь». Постановлением Особого совещания от 25 февраля 1934 г. за «антисоветскую агитацию» выслан на 3 года в Карелию. Вновь арестован 5 ноября 1937 г. и постановлением ВКВС СССР от 10 января 1938 г. приговорен к расстрелу.

Кобулов Богдан Захарович (1904–1953) - в Грузинской ЧК с мая 1922 г. до февраля 1926 г.; в Закавказском ГПУ и ГПУ – НКВД Грузинской ССР до февраля 1938 г., затем до сентября 1938 г. – зам. наркома внутренних дел Грузинской ССР. С сентября 1938 г. до сентября 1939 г. – в ГУГБ НКВД СССР (последняя должность – зам. начальника), одновременно с декабря 1938 г. – начальник следственной части НКВД

СССР. С сентября 1939 г. и до февраля 1941 г. – начальник ГЭУ НКВД СССР. В феврале – июле 1941 г. – зам. наркома ГБ СССР; в июле 1941 г. – апреле 1943 г. – зам. наркома внутренних дел СССР; до декабря 1945 г. – 1-й зам. наркома ГБ СССР. Затем зам. начальника ГУСИМЗ: с 1946 г. по апрель 1947 г. – при Министерстве внешней торговли СССР по Германии, и с апреля 1947 до марта 1953 г. – при СМ СССР. С 11 марта 1953 г. – 1-й зам. министра внутренних дел СССР. Арестован 27 июня 1953 г. Приговорен постановлением Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 г. к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

Кон Станислав Салезиевич (1888, Варшава-1933, Прага) – статистик, экономист. Окончил варшавскую гимназию (1907) и экономическое отделение Петербургского политехнического института (1911). Был оставлен при институте для подготовки к профессорскому званию. В период Первой мировой войны поступил на службу статистиком в управление делами Особого Совещания по продовольствию; В 1917 г. переехал из Петрограда в Тифлис, где заведовал статистическим отделом Земского союза. В 1918 г. был избран доцентом Тифлисского политехнического института, в котором до 1920 г. преподавал статистику. В 1921 г. эмигрировал во Францию, проживал в Париже, сотрудничал в Российском Финансово-промышленно-торговом союзе и в редакции журнала «Экономические записки», преподавал в «Ecole Interallie des Hautes Etudes». С 1922 г. – в Праге. По рекомендации Струве был принят преподавателем на Русский юридический факультет, где сдал магистерский экзамен и в качестве приват-доцента читал курсы лекций – «Логические основы теории статистики», «Введение в теоретическую статистику». Выступал с лекциями «Сущность статистического метода» на специальных курсах по методологии научной работы, организованных Русским экономическим кабинетом профессора С. Н. Прокоповича для студентов русских вузов, расположенных в Праге. Состоял членом Парижского статистического общества, членом-учредителем Американского эконометрического общества, консультантом Чехословацкого Института сельскохозяйственной экономики и бухгалтерии.

В 1929 г. Чехословацкое статистическое управление издало на чешском языке работу «Основы теории статистического метода». В 1932 г. при поддержке фонда Карнеги было опубликовано на английском языке исследование о движении населения в Европейской России во время мировой войны. За несколько дней до смерти он закончил исследование о законе убывающей производительности в сельском хозяйстве на основании данных об урожаях сахарной свеклы (исследование проводилось по заказу Франкфуртского конъюнктурного института).

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938) – выдающийся экономист-аграрник, специалист в области международной экономической конъюнктуры. Из крестьян. Окончил церковно-приходскую школу, общеобразовательные курсы, Петербургский университет. С 1905 г. – член ПСР, до революции несколько раз арестовывался. После Февральской революции некоторое время работал секретарем А. Ф. Керенского по делам сельского хозяйства. С октября 1917 г. – тов. министра продовольствия (С. Н. Прокоповича). Октябрьскую революцию воспринял как разрушительный переворот, участвовал в работе подпольного Временного правительства. В дальнейшем отношение к большевистской власти изменилось. С 1918 г. – в Москве, заведовал экономическим отделом совета сельскохозяйственной кооперации, работал в Петровской академии, преподавал в вузах. В 1919 г. вышел из ПСР. В августе 1920 г. был арестован, проходил по делу «Союза возрождения», был заключен в концлагерь «до конца Гражданской войны», но через месяц усилиями И. А. Теодоровича и А. В. Чаянова освобожден. Вторично арестован в августе 1922 г. с целью

высылки за границу как члена ВКПГ, но по настоянию Наркомфина был оставлен и выпущен из тюрьмы. С 1920 г. - в Наркоземе, один из авторов-разработчиков 1-го перспективного плана развития советской промышленности и сельского хозяйства на 1923/24 – 1927/28 гг. («пятилетка Кондратьева»), организатор и директор Конъюнктурного института (1920-1928). В 1922-1924 годах был командирован в Западную Европу и США для изучения опыта развития сельского хозяйства. В 1928 г. «кондратьевщина» была объявлена «идеологией кулачества», «реставрацией капитализма». Он был отстранен от руководства Конъюнктурным институтом, который был закрыт. В 1930 г. Н. Д. Кондратьев был арестован. В 1932 г. по делу «Трудовой крестьянской партии» приговорен к 8 годам тюрьмы. В сентябре 1938 г. расстрелян.

Куприянова Лидия Петровна (1876-1941) – двоюродная сестра В. Н. Фигнер (дочь Петра Христофоровича Куприянова – дяди В. Н. Фигнер по материнской линии), входила в ее ближайшее окружение. До революции работала секретарем редакций журналов «Былое» и «Минувшие годы». В советское время – научная сотрудница ЦеКУБУ.

Одна из членов-учредителей МПКК, уполномоченная по тюрьмам. Активно участвовала в работе ПОМПОЛИТа.

Куприянова Наталия Петровна (1868-1950) – двоюродная сестра В. Н. Фигнер (дочь Петра Христофоровича Куприянова – дяди В. Н. Фигнер по материнской линии), общественная деятельница. В 1900-10-х гг. – председательница Общества взаимного вспомоществования учителей в Казанской губ., организатор помощи голодающим крестьянам. С марта 1917 г. – гласный Казанской городской думы. В сентябре 1918 г. эвакуировалась вместе с войсками и учреждениями КОМУЧа сначала в Уфу, а затем в Омск. После падения Колчака работала делопроизводителем Иркутского губревкома. Около 1921 г. вернулась в Казань, вошла в местную организацию Всероссийского общественного комитета помощи голодающим и возглавила эту работу в Тетюшском уезде. После ликвидации комитета была ненадолго арестована. С 1922 г. жила в Москве. В советское время – научная сотрудница ЦеКУБУ. Она, так же как и ее сестра, Лидия Петровна, активно участвовала в работе ПОМПОЛИТа.

Кутепов Александр Павлович (1882-1930) – военный деятель, генерал от инфантерии (1920), участник Белого движения. С 1920 г. - в эмиграции в Болгарии, с 1923 г. – в Париже. В 1928 г. после смерти П.Н. Врангеля и Вел. Князя Николая Николаевича возглавил Русский (или Российский) общевоинский союз. В январе 1930 г. похищен агентами ОГПУ в Париже, умер в пути к Новороссийску.

Ладыжников Иван Павлович (1874-1945) – участник революционного движения, издательский работник, друг М. Горького. Из крестьян Пермской губ., в 90-е годы XIX в. выступал в качестве организатора марксистских кружков на Урале и в Сормове. В 1903 г. был арестован как член Нижегородского комитета РСДРП. С 1905 г. возглавлял в Женеве партийное издательство «Демос», переведенное затем в Берлин, где оно называлось «Издательство И. П. Ладыжникова»; часть доходов издательств, главным образом, от издания произведений М. Горького, поступала в кассу партии. Позже работал в издательстве «Парус», в журнале «Летопись», в издательстве «Всемирная литература», с 1921 г. – в Берлине в издательстве «Книга». В начале 30-х годов помогал в Москве размещать и систематизировать личную библиотеку Горького. После смерти Горького с 1936 г. по 1943 г. был научным консультантом Архива Горького. В 20-х – начале 30-х годов жил в Москве в квартире Е. П. Пешковой как член семьи, лето проводил на ее даче в Барвихе.

Ларин Юрий Александрович (наст. имя Лурье Михаил Залманович) (1882–1932) – советский партийный и хозяйственный деятель. Из семьи крупного инженера. В революционном движении с 1900 г. В 1902 г. был выслан на 8 лет в Якутскую обл., в 1904 г. бежал из ссылки и эмигрировал. В 1917 г. после Февральской революции вернулся в Россию. С августа 1917 г. – член РКП(б). Член Президиума ВСНХ. Участвовал в организации финансовой системы республики, национализации промышленности, организации монополии внешней торговли, создании первых совхозов. Был убежденным противником рынка, но признавал, что его «по условиям положения предстоит преодолевать применением рыночных же методов». В январе 1920 г. выступил с тезисами «О финансовой политике», в которых делался вывод о необходимости перехода от военно-коммунистических методов руководства народным хозяйством к принципиально иной экономической политике, за что был исключен из членов Президиума ВСНХ. В 1920–1921 гг. – зам. председателя Высшего совета по перевозкам. Один из создателей Госплана, с 1921 г. – член его президиума. Приветствовал переход к НЭПу, но уже в конце 1921 г. выступал за усиление хозяйственного централизма. С 1922 г. фактически отстранен от выработки экономической политики и организации хозяйственной практики. Занимался литературной работой (автор многих книг, брошюр, статей по истории партии, Советского государства, становления социалистической экономики). Похоронен у Кремлевской стены.

По распоряжению Ю. А. Ларина в голодные годы «военного коммунизма» МПКС получал продукты для раздачи заключенным (из воспоминаний Б. Меринг).

Лежава Андрей Матвеевич (1870–1937) – революционер, государственный деятель. Революционную деятельность начал с середины 80-х годов XIX в. в народовольческих кружках Тифлиса, в 1893 г. работал в типографии партии «Народное право». Уже в ссылке эволюционировал к марксизму. С 1904 г. – член РСДРП(б). После октябрьской революции занимал посты председателя Центросоюза, зам. наркома внешней торговли. В 1922–1924 гг. – нарком внутренней торговли, с 1924 г. по 1930 г. – зам. председателя СНК РСФСР и председатель Госплана РСФСР. В 1930–1937 гг. – начальник управления субтропических культур СССР. Репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.

Лежнев (Альтшуллер) Исай Григорьевич (1891–1955) – литературовед, критик, публицист, один из идеологов русского национал-большевизма, один из ярких авторов журнала «Смена Вех». После 1917 г. – журналист, сотрудник газеты «Воля России», в 1922–1926 гг. – редактор советского сменовеховского журнала «Новая Россия» (1922–1925). В 1926 г. выслан из СССР, в 1933 г. получил разрешение вернуться. В 1935–1939 гг. – заведующий отделом литературы и искусства газеты «Правда».

По поводу высылки И. Г. Лежнева из СССР в книге «Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923.» (вступ. ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005) приводятся следующие сведения: «Арестован 11 мая 1926 по обвинению в создании антисоветской группировки в редактируемом им журнале. Решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 10 мая 1927 г. приговорен к высылке за пределы СССР сроком на три года. 29 мая 1927 г. выслан за границу в Эстонию». Если Лежнев был выслан из СССР лишь в мае 1927 г., то удивляет, что М. Л. Винавер пишет об этом еще в 1926 г.

Либер (Гольдман) Михаил Исаакович (1880–1937) – политический деятель, один из лидеров Бунда и фракции меньшевиков. Член ЦК РСДРП в 1907–1912 гг. В 1917 г.

- член Исполкома Петросовета. К событиям октября 1917 г. отнесся резко отрицательно, позднее отошел от политической деятельности. Репрессирован.

Львов Михаил Иванович (1885-после 1929) – член ПСР с 1904 г. Сын священника. В 1900-1902 гг. учился в Омском духовном училище. С марта 1917 г. проживал в Москве. В июле-ноябре 1917 г. – инструктор при Московском областном Совете крестьянских депутатов. Впервые арестован в ноябре 1919 г. в Саратове. Вновь арестован 15 октября 1920 г., содержался в Бутырской тюрьме. Президиумом ГПУ включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Приговорен к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией. По решению Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 г. срок сокращен до 2,5 лет. По окончании срока, 21 января 1924 г., выслан на 3 года в Чердынъ Верхне-Камского округа. В 1925 г. бежал из ссылки (после смерти жены от родов) с новорожденным ребенком (чтобы спасти его жизнь). В 1926 г. – в Суздальском политизоляторе, в 1929 г. – в Оренбургской больнице. Дальнейшая судьба неизвестна.

Майоров Илья Андреевич (ок. 1888–1941) – до революции член ПСР, после – член ПЛСР и член ЦК ПЛСР. Муж М.А. Спиридоновой. В коалиционном СНК – замнаркома земледелия. С 1921 г. – в ссылках вместе с М.А. Спиридоновой. В 1937 г. арестован вместе с ней в Уфе, в 1941 г. расстрелян вместе с ней при эвакуации Орловской тюрьмы.

Малянтович Владимир Николаевич (1895-после 1932) – адвокат, присяжный поверенный, один из учредителей МПСК, член его юридической комиссии и член комитета с февраля 1922 г., член Московской городской коллегии защитников. В 1930 г. арестован, в 1931 г. освобожден. Позже эмигрировал. В эмиграции сотрудничал в газете «Последние новости».

Малянтович Павел Николаевич (1870-1940) – адвокат, политический защитник. При его защите были признаны действительными оспариваемые родственниками завещания Саввы Морозова и его племянника Н.П. Шмидта (согласно которым крупные денежные суммы предназначались большевикам). При царской власти подвергался арестам за связь с социал-демократами и социалистами-революционерами. 25 сентября 1917 г. был назначен генерал-прокурором и министром юстиции Временного правительства, тогда же вступил в партию меньшевиков. Будучи министром юстиции, подписал полученный им по наследству указ об аресте Ленина. 26 октября 1917 г. был арестован в числе других членов Временного правительства, на следующий же день, 27 октября, был освобожден по распоряжению Ленина (видимо, помнившего, на какие деньги он жил в эмиграции). Вскоре после освобождения вышел из партии и вернулся в Москву. С осени 1918 г. до осени 1921 г. – в Екатеринодаре, работал товарищем юрисконсульта общегородской больничной кассы. В сентябре 1921 г. вызван наркомом просвещения А.В. Луначарским и наркомом юстиции Д.И. Курским на работу в Москву. Принимал активное участие в организации советской адвокатуры. Начиная с 30-х годов, подвергался преследованиям и арестам (одной из причин которых служило подписание им в 1917 г. указа об аресте Ленина). В декабре 1930 г. арестован ОГПУ. Постановлением от 10 мая 1931 г. по обвинению в принадлежности к центральному бюро меньшевистской организации приговорен к 10 годам лишения свободы. По ходатайству видных деятелей большевистской партии (включая Н.К. Крупскую и Ф.Я. Кона) освобожден 28 мая 1931 г. В сентябре 1937 г. исключен из коллегии адвокатов, 2 ноября 1937 г. арестован. Приговорен ВКВС 21 января 1940 г. к ВМН по обвинению в руководстве контрреволюционной террори-

стической организации и санкционировании в 1917 г. ареста Ленина. Расстрелян 22 января 1940 г. на Донском кладбище. Реабилитирован лишь в 1992 г.

С ноября 1921 г. член Комитета МПКК.

Манухин Иван Иванович (1882-1958) – врач, доктор медицины, ученик Мечникова. Во время Первой русской революции примыкал к социал-демократам. После Февральской революции занимал должность врача в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, расследовавшей противозаконные по должности действия высших должностных лиц царского режима. Был одним из учредителей и активным членом Петроградского Политического Красного Креста. В 1912 г. в Италии познакомился с Горьким. В 1914-1915 гг. успешно лечил его от туберкулеза. В 1921 г. благодаря хлопотам Горького выехал из России в Париж, где работал в институте Пастера.

Маслов Петр Павлович (1867-1946) – экономист и политический деятель, автор работ по аграрному вопросу. В 1896 г. редактировал первую легальную марксистскую газету «Самарский вестник». После раскола РСДРП примкнул к меньшевикам. В 1903-1918 гг. – меньшевик. Во время революции 1905 г. выдвинул проект «муниципализации земли» против ленинского проекта «национализации земли». В 1918 г. возглавлял аграрный отдел в Уфимской директории. После ее ликвидации жил в Сибири, преподавал в Омском, Иркутском, Читинском институтах. С 1924 г. – профессор Московского университета. В 1926-1929 гг. работал в комиссариате финансов. В 1927 г. при перестройке деятельности АН, когда власти пытались коренным образом изменить персональный состав академиков, он вошел в список желательных кандидатов. Арестован 1 сентября 1930 г., заключен в Бутырскую тюрьму, благодаря заступничеству Р. Роллана через 8 месяцев был освобожден. В последние годы жизни работал консультантом, сотрудничая с музеями, библиотеками и научно-исследовательскими центрами.

Мельгунов Сергей Петрович (1879-1956) – историк, публицист, общественный деятель. Из дворян. С 1907 г. член Народно-социалистической партии (НСП). Один из основателей кооперативного издательского товарищества «Задруга» (в 1911 г.), один из редакторов-издателей исторического журнала «Голос минувшего» (1913-1922), член редакции газеты «Власть народа» (1917). Участник нелегальных антибольшевистских организаций «Союз возрождения России» и «Тактический центр». По делу «Тактического центра» в августе 1920 г. приговорен к смертной казни, замененной 10 годам тюрьмы. В 1921 г. освобожден под давлением общественности и в октябре 1922 г. выслан за границу. В эмиграции: Берлин, Париж. Издавал журналы «На чужой стороне» (в 1923-1928 гг.), с 1926 г. – «Голос минувшего на чужой стороне», «Борьба за Россию» (с 1926 г.). Редактор журналов «Возрождение» (1949-1954) и «Русский демократ» (1948-1956). Один из первых исследователей Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны, выпустил по этой тематике серию книг с ценным фактическим содержанием.

В течение всего периода эмиграции делал многочисленные и малоуспешные попытки создания антикоммунистических организаций.

Один из членов-учредителей МПКК, в разное время исполнял обязанности заведующего Библиотечной и Лекционной комиссиями и Комиссией представительства, члена Комитета МПКК, Председателя Коллегии уполномоченных и другие.

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – государственный деятель, большевик. Из дворян. Окончил юридический факультет Петербургского университета, работал в адвокатуре. С 1902 г. – член РСДРП, с 1903 г. – РСДРП(б). С 1906 г. –

в эмиграции, в 1917 г. вернулся в Россию. Первый нарком финансов. В 1918-1919 гг. – генеральный консул в Берлине. С конца 1919 г. – член Президиума ВЧК, с 1923 г. – зам. председателя ВЧК, с 1926 г. – председатель ОГПУ. В 1927-1934 гг. – член ЦК ВКП(б).

Меринг Берта Борисовна (1885-1970) – одна из членов-учредителей МПКК, представитель БУНДа. В эмиграции с 1921 г. Жила в Париже. Занималась помощью политзаключенным в России. Оставила воспоминания о деятельности МПКК в первые годы советской власти.

Мессинг Станислав Адамович (1890-1937) – активный участник революционного движения. Член РСДРП(б) с 1908 г. Неоднократно арестовывался царскими спецслужбами. После Октябрьской революции был секретарем Сокольниковского исполкома и председателем Сокольниковской районной ЧК. С декабря 1918 г. – член Коллегии и заведующий Секретно-оперативным отделом Московской ЧК. В июле 1920 г. утвержден членом коллегии ВЧК. С января 1921 г. – председатель Московской ЧК. В ноябре 1921 г. назначен председателем Петроградской ЧК. С октября 1922 г. – командующий войсками ГПУ Петроградского округа, затем – руководитель Ленинградского ОГПУ и зам. Председателя ОГПУ. С 27 октября 1929 г. по 31 июля 1931 г. возглавлял внешнюю разведку. В 1931 г. переведен на руководящую должность в Наркомат внешней торговли. В 1937 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Миллер Евгений Карлович (1867-1937) – военный и политический деятель, участник Первой мировой войны и Белого движения, с января 1919 г. – генерал-губернатор, фактически руководитель Временного правительства Северной области. С 1920 г. – в эмиграции. Руководитель Русского общевойскового союза (1930-1937). 22 сентября 1937 г. похищен советской разведкой в Париже, доставлен в Москву и расстрелян.

Милюков Павел Николаевич (1859-1943) – общественно-политический деятель, историк, публицист, член ЦК партии кадетов, депутат 3-й и 4-й Государственной думы, министр иностранных дел Временного правительства. С ноября 1918 г. – в эмиграции в Лондоне, редактор еженедельника «New Russia». В 1920 г. опубликовал книгу «Большевизм: международная опасность». С 1921 г. – в Париже, редактор газеты «Последние новости» (1921-1940). В 1924 г. возглавил «Республиканско-демократическое объединение». С 1925 г. – председатель совета профессоров Франко-русского института. Противник фашизма. Впоследствии пересмотрел свои взгляды на политику СССР. В конце 30-х годов оправдывал московские показательные суды и пакт Молотова – Риббентропа как меры, направленные на укрепление российской государственности. После начала Второй мировой войны поддерживал СССР.

Муравьев Николай Константинович (1870–1936) – адвокат, известный политический защитник и общественный деятель. Из дворян. В 1890-1896 гг. изучал медицину и право в Московском и Казанском университетах. В 1896-1917 гг. выступал защитником на процессах рабочих, крестьян, сектантов, политических партий. В частности, он выступал по просьбе М. Горького защитником на процессе сормовских рабочих и на процессе Нижегородской демонстрации (П.А. Заломов и другие). Автор трудов «Русский еврей и русский рабочий» (М., 1907), «Законы о политических и общественных преступлениях» (СПб., 1910; в соавторстве с П. Н. Малянтовичем). Один из основателей движения «Молодая адвокатура» (группа молодых защитников, возникшая в последнее десятилетие XIX в.), имевшего целью оказывать юриди-

ческую помощь «слабейшим в жизненной борьбе». Составитель, а позже и блюститель завещания Л. Н. Толстого. За участие в революционном движении подвергался арестам и ссылкам в 1891, 1894, 1898, 1905 годах. В 1916 г. избран членом Московской Городской думы. После Февральской революции возглавлял (с правами тов. министра юстиции) Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. После Октябрьской революции работал юрисконсультom Московского народного банка. Один из учредителей МПКК, председатель его комитета с января 1918 г. по октябрь 1921 г. В первые годы советской власти выступал защитником на политических процессах, в т. ч. по делу «Тактического центра». В августе 1922 г. был арестован и выслан из Москвы (арест был вызван его отказом выступать защитником подсудимых на процессе ЦК ПСР и был реакцией на организованную властями демонстрацию с требованием смертной казни подсудимым). В 1923 г. вернулся из ссылки, работал юрисконсультom. Был одним из основателей Московской Коллегии защитников, из состава которой вышел в 1930 г. Умер Н.К. Муравьев 31 декабря 1936 г. Арестован он не был, может быть, этому помешала его смерть.

В книге А.А. Андреевой «Плаванье к Небесному Кремлю» (М.: ред. журн. «Ура-ния», 1998. С. 97) есть такой рассказ: «<...> Николай Константинович умер. Даниил читал всю ночь над его гробом Евангелие. <...> Как раз в это время явились с ордером на арест Николая Константиновича и обыск в квартире. Гроб с телом покойного стоял на его письменном столе, Даниил продолжал читать, не останавливаясь ни на минуту, а пришедшие выдергивали ящики письменного стола прямо из-под гроба и уносили бумаги».

По поводу деятельности Н. К. Муравьева в МПКК, одним из создателей и идеологом которого он являлся, приводим выдержку из его «Автобиографии», датированной 3 января 1931 г.:

«Из общественной деятельности этого времени отмечу возобновление в январе 1918 года деятельности старого Политического Красного Креста, начавшего свое существование еще в конце 70-х годов в качестве «Красного Креста Народной Воли». Я принадлежал к числу основателей этой организации в этой фазе вместе с Е. П. Пешковой, М. Л. Винавером, Е. П. Ростковским, И. С. Кальмеером и другими. Тотчас по возвращению в Москву В. Н. Фигнер, она стала центральной фигурой этой организации, около которой вращалась вся деятельность возрожденного Креста. Я был председателем Комитета, Екатерина Павловна Пешкова моим товарищем. Тяжкое, особенно в период начавшегося осенью 1918 года террора, бремя этой организации – поистине тяжелый крест, который я возложил на себя добровольно и который стоил мне многого здоровья и сил, я нес безропотно вплоть до 1922 года, вследствие внутренних трений, я не был выбран в Комитет, будучи заменен и, как мне казалось, не по заслугам П. Н. Малянтовичем. При этом я не принял предложенного мне избрания в Совет Политического Красного Креста, т<о> е<сть> не согласился удалиться на «покой», а покинул навсегда эту организацию, как сказано выше, стоившую мне огромного напряжения и траты огромного количества сил и здоровья». // «Стой в завете своем...» Николай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М.: ООО «АМА-Пресс», 2004. С. 108-109.

По поводу этой выдержки мы должны заметить следующее. Деятельность замечательного юриста Н. К. Муравьева обеспечивала МПКК характер правозащитной организации, с которой считались власти. После его ухода из руководства МПКК вышли такие влиятельные фигуры, как В. Г. Чертков, И. С. Кальмеер, Н. Н. Лоскутов и другие, работавшие по личному приглашению Н. К. Муравьева.

Что касается В. Н. Фигнер, то Н. К. Муравьев всегда относился к ней с большим пиететом. В 1932 г., поздравляя ее с 80-летием от себя и от «друзей по старой политической защите», он писал: «Простите мне за эти мои любовь и уважение к Вам мои недостатки и верните мне то доброе отношение, которым я некогда у Вас пользовался, и которое было большим для меня утешением и большой радостью». (РГА-ЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 611). Что касается роли В. Н. Фигнер в ПМК, то она была членом его Совета, роль, на которую Н. К. Муравьев не мог согласиться.

Кроме того, время, когда Н. К. Муравьев ушел из МПМК, нуждается в уточнении. Последний раз Н. К. Муравьев присутствовал на заседании Комитета МПМК 7 октября 1921 г. и, покинув его после довольно бурных дебатов, вызванных разногласиями среди членов Комитета, больше на заседаниях не появлялся, несмотря на настойчивые приглашения (более того, даже отказался принять составленный для него благодарственный адрес). П. Н. Малянтович вернулся в Москву из Екатеринодара не ранее сентября 1921 г., в члены МПМК был принят 25 ноября 1921 г., а на заседании Президиума МПМК впервые появился 13 марта 1922 г. Е. П. Пешкова не вступала в должность председателя Комитета (надеясь на возвращение Н. К. Муравьева) вплоть до очередных перевыборов и до февраля 1922 г. только исполняла обязанности председателя.

Что касается отношений с П. Н. Малянтовичем, то в том же 1931 г., когда была написана цитируемая выше «Автобиография», Н. К. Муравьев бросился на защиту осужденного П. Н. Малянтовича со всей горячностью своей натуры, руководствуясь не только правовыми нормами, не работающими в Советском Союзе, но и используя многочисленные личные связи (см. примечание 6 к письму 1-59).

Муравьева (ур. Гусева) Екатерина Ивановна (1882-1969) – дочь сибирского крестьянина-самоучки, ставшего предпринимателем, а в последние годы жизни – городским головой г. Минусинска. Училась на Бестужевских курсах, была исключена за неблагонадежность и выслана в Тверь под гласный надзор полиции, где познакомилась и вышла замуж за Н. К. Муравьева. После замужества стала принимать участие в деятельности московского Музея Труда, с 1902 по 1917 гг. активно сотрудничала в нелегальном Политическом Красном Кресте, после Февральской революции – в Бюро помощи амнистированным. Была одним из учредителей МПМК и председателем его Хозяйственной комиссии. В 1922-1925 гг. работала в ПОМПОЛИТе. В 1925 г. по состоянию здоровья выехала на лечение в Париж, где осталась в эмиграции. В 1948 г. вернулась в СССР вместе с семьей дочери. Через месяц была арестована и по приговору ОСО выслана на 5 лет в Сибирь. Ссылку отбывала в с. Венгерово Новосибирской обл. В 1956 г. реабилитирована.

Е. П. Пешкова всячески пыталась ей помочь вернуться из ссылки, но безрезультатно, позже помогала ей в хлопотах по реабилитации и получению пенсии.

Муралов Николай Иванович (1877-1937) – участник революционного движения, с 1903 г. – член РСДРП(б). В октябрьские дни 1917 г. – член Московского ВРК и революционного штаба. 14 ноября 1917 г. назначен командующим войсками Московского военного округа. В 1919-1920 гг. — член реввоенсоветов 3-й армии Восточного, 12-й армии Юго-Западного фронтов. В 1921-1924 гг. – командующий войсками Московского военного округа. В 1925-1927 гг. – член Президиума Госплана РСФСР, Реввоенсовета СССР и Моссовета. Одновременно — ректор Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Муссолини Бенито (1883-1945) – итальянский политический и государственный деятель, основатель итальянского фашизма. Политическую карьеру начал в Итальянской социалистической партии (ИСП), в 1912-1914 гг. – редактор газеты «Аван-

ти!». В 1914 г. призвал к вступлению Италии в мировую войну, после чего был исключен из ИСП. В 1919 г. основал фашистскую партию. В 1922 г. возглавил итальянское правительство. В 1925-1926 гг. установил в стране тоталитарный однопартийный фашистский режим. Отстранен от власти в 1943 г. в результате переворота. В 1943-1945 гг. возглавил неофашистскую «Социальную республику» на севере Италии. Казнен партизанами.

Пешехонов Алексей Васильевич (1867-1933) - общественно-политический деятель, публицист, экономист, статистик, один из лидеров партии народных социалистов. Из семьи священника. Окончил духовное училище, учился в духовной семинарии, откуда исключен за издание нелегального рукописного журнала «Из-под гнета». В 1891-1892 гг. принял участие в «хождении в народ». С 1898 г. - постоянный сотрудник журнала «Русское богатство». Принципиальный противник террористической борьбы, с начала 1900-х годов стал признавать террор как крайнее средство борьбы против произвола властей и оказывал помощь эсеровской боевой организации. Член «Всероссийского крестьянского союза», член «Трудовой народно-социалистической партии» и член ее ЦК, редактор и издатель газеты «Народное слово», в мае-августе 1917 г. - министр продовольствия во Временном правительстве. Неоднократно арестовывался до революции. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, являлся одним из основателей и активных деятелей «Союза возрождения России». Осенью 1918 г. выехал на юг, участвовал в Белом движении, позже работал в Центральном статистическом управлении Украины, участвовал в Комиссии помощи голодающим при Украинском ЦИК. В октябре 1922 г. выслан из России. В эмиграции: Рига, Прага, Берлин. В Праге - директор Русского научного института (1924-925), сотрудник Русского экономического кабинета. Его оценка большевиков не была полностью негативной, т. к., будучи противником методов и средств, используемых большевиками в их диктатуре, он был сторонником сильной власти и принципа национализации. Его выступления, поддерживаемые Е. Д. Кусковой, М. А. Осоргиным и другими представителями левой эмиграции, способствовали второй (после сменевеховства) волне возвращения интеллигенции на родину. После трехлетнего пребывания в эмиграции подал в советское полпредство в Берлине заявление о желании вернуться на родину, но получил отказ. Через год подал заявление в полпредство в Праге и в августе 1927 г. получил предложение из Москвы занять место экономического консультанта в странах Прибалтики. Умер в Риге.

Пилсудский Юзеф Клеменс (1867-1935) – польский политический и государственный деятель, маршал. С 1892 г. - член ПСС, примыкал к ее правому крылу. С 1894 г. - член Центрального рабочего комитета партии, возглавлял газету «Роботник». С 1906 г. – лидер революционной фракции ППС, организовывал вооруженные отряды для борьбы за независимость Польши. Во время Первой мировой войны командовал Польскими легионами, воевавшими на стороне Австро-Венгрии. В 1918-1923 гг. стоял во главе польского государства, руководил военными действиями против Советской России, затем ушел со всех государственных должностей. В 1926 г. вновь пришел к власти в результате военного переворота и стал фактическим диктатором страны.

Постников Сергей Порфирьевич (1876-1965) – литератор, редактор и издатель (до революции – журнал «Заветы», «Дело народа» и другие), активный член ПСР. В эмиграции – в Праге. Один из основателей РЗИА, заведующий его библиотекой и главный составитель его систематического каталога, член Пражского ПКК. Автор книг «Русские в Праге» (1928), «Библиография русской революции и гражданской войны» (1938) и других. В период фашистской оккупации помогал советским военнопленным, участвовал в Пражском восстании. 30 июня 1945 г. был арестован в

Праге органами Смерша 1-го Украинского фронта, приговорен к 5 годам заключения в концлагере и отправлен на Урал в Дубравлаг МВД СССР. В Прагу к семье он сумел вернуться только в 1957 г., будучи инвалидом.

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – общественно-политический деятель, экономист, публицист, теоретик кооперации, масон. Из дворян. Окончил Брюссельский университет. В 1904 г. вступил в «Союз освобождения», в 1905 г. некоторое время входил в кадетскую партию и был членом ее ЦК. В 1906 г. вместе со своей женой Е. Д. Кусковой издавал социал-реформистский журнал «Без заглавия». Принимал активное участие в революционных событиях 1917 г., отстаивал принципы парламентской демократии. Занимал ряд ответственных постов во Временном правительстве: в июле-октябре - министр торговли и промышленности, затем - министр продовольствия. Принципиальный противник большевизма. В первое время после Октябрьской революции участвовал в работе подпольного Временного правительства, входил в состав антибольшевистских объединений. Весной 1918 г. вошел в «Союз возрождения России». В 1918 г. – преподаватель факультета общественных наук 1-го МГУ, в 1919 г. – профессор Кооперативного института. В 1919-1920 гг. – декан юридического факультета Московского университета. Один из организаторов Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПГ). В августе 1921 г. вместе с другими деятелями ВКПГ был арестован и отправлен в ссылку. В 1922 г. выслан из СССР. В эмиграции: Берлин, Прага, Женева. Организатор и руководитель Русского экономического кабинета, один из основателей Русского научного института, организатор Института по изучению народного хозяйства СССР. Редактировал журналы: «Экономический вестник» (1923-1924, Берлин), «Русский экономический сборник» (1925-1928, Прага), «Бюллетень Экономического кабинета» (1924-1938, Прага). Автор книг «Идея планирования и итоги пятилетки» (1934, Париж), «Народное хозяйство СССР» (1952 г., Нью-Йорк).

Член МПКС с 11 марта 1919 г.

Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895-1937) – по образованию юрист, член партии анархистов-коммунистов в 1916-1919 гг., член РКП(б) - с 1919 г. До революции окончил юридический факультет Киевского университета. В годы Гражданской войны - на подпольной работе на Украине (1918-1919), начальник политпросвета 12-й армии, затем 1-й Конной армии (1919-1920). В органах ВЧК – ГПУ – ОГПУ - НКВД с 1920: сотрудник ИНО ВЧК - ГПУ (1920-1922); пом. начальника ИНО ГПУ - ОГПУ (1922-1924); начальник ИНФО ОГПУ (1924-1926); начальник ЭКУ ОГПУ (1926-1931). Позднее - зам. председателя ОГПУ, зам. наркома внутренних дел СССР, зам. наркома связи СССР. Арестован и расстрелян в 1937. Не реабилитирован.

Пуанкаре Раймон (1860-1934) - президент Франции в 1913 - январе 1920 гг. Премьер-министр в 1912 - январе 1913 гг., в 1922-1924 гг., в 1926-1929 гг., неоднократно - министр. Проводил милитаристскую политику. Один из организаторов интервенции в Советскую Россию во время Гражданской войны.

Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890-1937) – советский партийный и хозяйственный деятель. В революционном движении с 1905 г. Первоначально – анархист, с 1910 г. - большевик. До революции неоднократно арестовывался. В 1914 г. бежал из ссылки за границу. В 1917 г. после Февральской революции вернулся в Россию. После Октябрьской революции - помощник главного комиссара, затем главный комиссар Государственного банка России. Один из организаторов компартии Украины. В октябре 1918 г. возглавил украинское советское правительство. Участник Гражданской войны. С 1923 г. – зам. председателя Госплана РСФСР и ВСНХ.

В 1923-1927 гг. - член ЦК партии. Примыкал к левой оппозиции, за что в 1927 г. исключен из ВКП(б). Работал торгпредом СССР во Франции. В 1928 г. заявил о разрыве с оппозицией, восстановлен в партии. В 1929-1930 гг. возглавлял Госбанк. В 1930 г. вновь включен в состав ЦК ВКП(б). С 1931 г. зам. наркома тяжелой промышленности СССР. В 1936 г. арестован как участник «параллельного антисоветского троцкистского центра». Расстрелян.

Рабинович Борис Николаевич (?-1942) - член ПСР, секретарь заграничной делегации ПСР. До революции работал в боевой организации ПСР в Поволжье, дружил с А.Р. Гоцем. В 1917 г. возглавлял эсеровскую организацию на Северном фронте, числился в списках членов Временного совета Российской республики (Предпарламента) и Учредительного собрания. Делегат 2-го Всероссийского съезда Советов. В 1918 г. - представитель ЦК ПСР в военной комиссии. 24 февраля 1922 г. Президиумом ГПУ включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности; дело «выделено за нахождением обвиняемого за границей». С 1920 г. - в эмиграции, проживал в Праге, работал в Земгоре. Один из учредителей и казначей Пражского ПКК.

В 1942 г. был арестован по распоряжению немецких властей и отправлен в лагерь, где погиб (он не захотел подводить товарищей, предлагавших его спасти, и решил разделить судьбу своего народа).

Е.Д. Кускова о нем писала: «Очаровательный человек. Разве не горе, что такие люди не в России?» // ИМЛИ. АГ. ФЭП-кр. 36-19-5.

Рамзин Леонид Константинович (1887-1948) – советский ученый-теплотехник (один из крупнейших теплотехников XX в.). Профессор МВТУ с 1920 г., участник разработки плана ГОЭЛРО, член Госплана с 1921 г., один из организаторов и первый директор Всесоюзного теплотехнического института (1921-1930). В 1930 г. осужден по делу «Промпартии», обвинялся как руководитель группы. Арестованный в августе 1930 г., в сентябре он уже давал разоблачительные показания. На его «признаниях» было построено обвинение. Подсудимым был вынесен смертный приговор, замененный на 10 лет тюремного заключения. Рамзин был освобожден по амнистии в 1936 г. В 1943 г. получил Сталинскую премию за разработку промышленного прямого котла («котел Рамзина»).

Ратнер Евгения Моисеевна (1886-1931) - член ПСР, с 1917 г. - член ЦК ПСР, одна из осужденных по процессу ЦК ПСР. 8 августа 1922 г. приговорена к ВМН, исполнение приговора было отложено. Содержалась в Бутырской тюрьме. В марте 1923 г. в ответ на голодовку была вывезена на некоторое время в совхоз ГПУ, затем возвращена в Бутырскую тюрьму. Решением ЦИК СССР от 11 января 1924 г. приговорена к 5 годам лишения свободы. После тюремного заключения, которое отбывала в Усть-Цильме, выслана в Самарканд, где умерла от рака.

Репьева Евгения Ивановна (1868-1939) – преподаватель, специальность - география. Из старинного рода. Окончила женскую гимназию и женские педагогические курсы в Петербурге. Преподавала в лучших женских гимназиях Петербурга: Л.С. Таганцевой, кн. Оболенской, М. Н. Стоюниной. В 1918 г. уехала в Москву, работала инструктором по внешкольному образованию при культурно-просветительском отделе Всероссийского союза потребительских обществ. Дружила с Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем, приезжала к ним в ссылку, в 1922 г. провожала их за границу. В 1924 г. выехала из России, жила в Праге в семье Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича, преподавала географию в русской педагогической школе и заведовала библиотекой Русского экономического кабинета С. Н. Прокоповича. В ее некрологе напи-

сано: «Покойная никогда не замыкалась в тесном кругу партийной догмы. Может быть потому, что уж очень сильно была у нее тяга к культуре, сознание исключительной и все определяющей ценности «просвещенной свободы». // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 83.

Член МПКС с сентября 1919 г. и член Чехословацкого ПКК.

Родзянко Ксения Андреевна – сестра милосердия с 1904 г. Работала в Сергиевом Посаде в Общине Марии Магдалины (Община сестер милосердия и Красного Креста), была духовной дочерью о. Павла Флоренского. После революции работала медсестрой в г. Сергиевом Посаде, принимала участие в реорганизации Красного Креста и Школ сестер милосердия. Неоднократно арестовывалась. В апреле 1920 г. была арестована вместе с Т. А. Шауфус по делу «Белого Креста», приговорена к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны, освобождена по ходатайству МПКС. В 1928 г. вновь арестована вместе с Т. А. Шауфус, приговорена к 3 годам высылки из пределов Москвы и Московской губ., затем срок высылки продлевался. С конца 1933 г. – в эмиграции, вначале в Чехословакии, затем во Франции. В Чехословакии работала в Комитете помощи беженцам под руководством дочери президента Масарика, Алисы Масарик. Позже руководила убежищем для престарелых в г. Розе-ан-Бри (Франция).

Савинков Борис Викторович (1879–1925) - политический деятель, эсер, один из основателей и руководителей боевой организации ПСР, писатель. Из дворян. В революционном движении с 1900 г., в 1901 г. арестован и отправлен в ссылку, в 1903 г. бежал за границу, вступил в боевую организацию ПСР, стал зам. Е. Ф. Азефа, в 1905 г. кооптирован в ЦК ПСР. В мае 1906 г. арестован в Севастополе при подготовке покушения на адмирала Чухнина, предан военному суду, за два дня до суда бежал за границу. В 1907-1908 гг. от активной партийной деятельности отошел, занимался литературным творчеством. Участник Первой мировой войны, доброволец французской армии. В апреле 1917 г. вернулся в Россию. В апреле - июне 1917 г. - комиссар Временного правительства, в июле - августе 1917 г. - управляющий Военного министерства. Участвовал в подготовке Корниловского наступления, после чего в октябре 1917 г. был исключен из ПСР. К Октябрьской революции отнесся резко отрицательно, был организатором «Союза защиты Родины и свободы». В октябре 1918 г. по поручению Директории уехал в Париж, где входил в состав «Русского политического комитета». С января 1920 г. - в Варшаве, председатель «Русского политического комитета», участвовал в формировании на территории Польши военных отрядов для рейдов на советскую территорию. Летом 1921 г. выехал в Париж. В августе 1924 г. в результате чекистской операции был заведен на территорию СССР, арестован в Минске органами ОГПУ и приговорен к высшей мере наказания с заменой на 10 лет заключения. Погиб в тюрьме 7 мая 1925 г. (до сих пор точно не установлено, покончил ли он с собой или был убит чекистами).

Салтыков Сергей Николаевич (1874-1937) – член РСДРП(м) с 1902 по 1919 г., депутат 2-й Государственной Думы, товарищ министра внутренних дел в правительстве Керенского. Образование незаконченное высшее – 4 курса физмата Петербургского университета. До революции неоднократно был судим и высылаем. В 1899-1902 гг. – в ссылке в Уфимской губ., в 1906 г. судим Судебной палатой, в 1909 г. осужден по делу фракции 2-й Думы на 5 лет каторги. После революции - литературный работник (помощник заведующего Госиздата, член правления «Книгосоюза» и др.). В 1931 г. по обвинению в принадлежности к контрреволюционной меньшевистской организации осужден на 3 года заключения в политизоляторе с заменой на 3 года высылки на Урал, в 1933 г. освобожден из ссылки. С 1934 по 1937 г. работал в отделе техпропаганды Главзолото. Арестован 9 августа 1937 г. Приговорен постановле-

нием «тройки» при УНКВД по Московской области от 9 декабря 1937 г. к расстрелу. Расстрелян 11 декабря 1937 г. на Бутовском полигоне.

Смидович Петр Гермогенович (1874-1935) – член РСДРП с 1898 г., большевик. Окончил университет в России, затем специальную электротехническую школу в Париже. До революции пробыл в тюрьме и ссылке около 6 лет. С 1917 до 1920 г. работал в Москве по хозяйственной линии, с 1920 г. заведовал Московским отделом народного образования. Член Московского Совета с 1917 по 1921 г. и член Президиума ВЦИК с IV Съезда Советов. Затем - член ЦИК СССР и председатель Комитета по земельному устройству трудящихся евреев при президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР.

Соломон (Исецкий) Георгий Александрович (1868-1934?) – участник революционного движения, с 1895 г. член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в 1905 г. арестован и выслан за границу, был близко знаком с В. И. Лениным. В 1917 г. вернулся в Россию, отказался от предложения войти в правительство большевиков. С 1918 г. - на дипломатической работе, в 1919 г. – зам. наркома внешней торговли, в 1920 г. – торговый представитель в Эстонии, с 1921 г. – в Лондоне. В июле 1923 г. направил в Москву прошение об отставке. С 1 августа 1923 г. стал невозвращенцем. Автор книг «Среди красных вождей», «Моя служба в Эстонии», «Ленин и его семья (Ульяновы)». Книга «Среди красных вождей: лично пережитое и виденное на советской службе» вышла в Париже в 1930 г.

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – член ПСР с 1905 г., член боевой дружины, затем член ПЛСР и член ЦК ПЛСР. Из семьи коллежского советника. В январе 1906 г. за убийство (по заданию Тамбовского комитета партии) Г. Н. Луженовского, возглавлявшего карательный отряд по подавлению крестьянских волнений, была арестована (при попытке покончить собой), подверглась истязаниям и надругательству, в результате чего ее дело получило широкую огласку не только в России, но и за рубежом. Приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Дважды неудачно пыталась бежать, освобождена в мае 1917 г. по распоряжению А. Ф. Керенского. Поддерживала Октябрьскую революцию. Была избрана в ЦК ПЛСР. Работала во ВЦИКе. С 30 ноября 1917 г. до 15 марта 1918 г. – зам. председателя коалиционного СНК. Одобряла разгон Учредительного собрания большевиками. С весны 1918 г. – противница большевиков. Арестована 7 июля 1918 г. в связи с убийством Мирбаха, приговорена к 1 году заключения, но амнистирована и освобождена. С 1921 г. прошла череду заключений и ссылок. В последний раз арестована в 1937 г. в Уфе. В январе 1938 г. по обвинению в подготовке покушения на Ворошилова приговорена к 25 годам тюремного заключения, которое отбывала в Ярославской, а затем в Орловской тюрьмах. Расстреляна при эвакуации Орловской тюрьмы по приговору ВКВС.

Струмилин (Струмилло-Петрушкевич) Станислав Густавович (1877–1974) – советский экономист-статистик, автор более 700 работ в области экономики, статистики, управления народным хозяйством, планирования, демографического прогнозирования, политэкономии социализма, экономической истории, научного коммунизма, социологии, философии. С 1897 г. - в революционном движении. С 1899 г. – член РСДРП, с 1923 г. – член ВКП(б). При царизме неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1921-1937 гг. и 1943-1951 гг. – в Госплане СССР (член президиума, зам. председателя). Преподавал в Московском университете (1921-1923), Институте народного хозяйства им. Плеханова (1929-1930), Московском государственном эконо-

мическом институте (1931-1950). С 1931 г. – действительный член Академии наук. В 1967 г. получил звание Героя Социалистического Труда.

Суханов (настоящая фамилия Гиммер) Николай Николаевич (1882–1940) – историк, экономист, публицист. Из дворян - обрусевших немцев. В юности увлекался толстовством. С 1903 г. – член ПСР, с 1917 г. – меньшевик. Входил в литературную ложу масонской организации «Великий Восток народов России». Член исполкома Петроградского Совета первого созыва. До 1920 г. примыкал к меньшевистской группе Мартова, стоял на левом фланге партии меньшевиков. С 1921 г. - член германской компартии. Автор семитомной истории русской революции «Записки о революции» (изд. З. И. Гржебина, Берлин - Петроград-Москва, 1922-1923). В 1924-1925 гг. редактировал экономические журналы, издававшиеся на немецком и французском языках при торгпредствах СССР в Германии и Франции, сотрудник Института монополии внешней торговли при Наркомате торговли СССР. Занимался исследованиями в области экономики сельского хозяйства в институте сельскохозяйственной экономики и политики, который возглавлял А. В. Чаянов. Избран членом Коммунистической академии. В июле 1930 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. «Сухановщина» была объявлена опаснее «чаяновщины». В 1931 г. - один из обвиняемых по делу «Союзного бюро меньшевиков». Приговорен к 10 годам лагерей. На суде, признав себя виновным, изложил свои взгляды на сталинский политический курс: отказ от НЭПа «бьет по социализму и благосостоянию народа», «колхозное движение и вся хлебозаготовительная кампания 1929-1930 гг. неизбежно будут иметь катастрофическое значение для всего нашего народного хозяйства». В 1937 г. вновь арестован, обвинялся в связях с немецкой разведкой, приговорен трибуналом Сибирского военного округа к расстрелу.

Теодорович Иван Адольфович (1875–1937) – советский партийный и государственный деятель, теоретик коллективизации, автор работ по аграрному вопросу и истории революционного движения. Из дворян, сын поляка – участника восстания 1863 г. Окончил естественный факультет Московского университета. С 1895 г. - член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», профессиональный революционер. До революции неоднократно арестовывался, ссылался, приговаривался к каторге. Освобожден из ссылки Февральской революцией, в марте 1917 г. прибыл в Петроград. В апреле 1917 г. выбран кандидатом в члены ЦК. С августа 1917 г. товарищ председателя Петроградской городской думы. В октябре 1917 г. вошел в первый состав СНК РСФСР в качестве наркома по делам продовольствия. Сторонник создания коалиционного правительства с меньшевиками и эсерами. В ноябре 1917 г. вышел из СНК и ЦК в знак протеста против ленинской политики. В 1920-1928 гг. – член коллегии Наркомзема, с 1922 г. – зам. наркома земледелия РСФСР. В 1923-1924 гг. руководил разработкой перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства СССР. С 1926 г. - директор Международного аграрного института, редактор журнала «Пути сельского хозяйства», в 1928-1930 гг. генеральный секретарь Крестьянтерна (Крестьянского интернационала), в 1929-1935 гг. главный редактор журнала «Каторга и ссылка». В связи с делом «Трудовой крестьянской партии» был освобожден от всех должностей. В 1937 г. арестован и расстрелян.

Тимофеев Евгений Михайлович (1885-1941) – один из лидеров ПСР. Сын народо-вольца М.А. Тимофеева, сосланного в 1881 г. в Восточную Сибирь. С начала 1900 годов – в революционном движении и в ПСР. В 1905 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Арестован за террористическую деятельность, каторгу отбывал в Александровском центральном. После февраля 1917 г. освобожден, возглавлял Иркутский Совет. Непосредственно перед созывом

Учредительного собрания руководил эсеровской агитацией в военных частях. С января 1918 г. - член ЦК ПСР. Весной 1918 г. был одним из организаторов Военной комиссии ЦК в Москве. В феврале 1919 г. участвовал в одесской конференции, организованной Южнорусским бюро ЦК ПСР. Арестован в мае 1920 г., содержался в заключении вплоть до процесса ЦК ПСР. В феврале 1922 г. привлечен к процессу, по итогам которого приговорен к смертной казни с заменой на 5 лет лишения свободы со строгой изоляцией. В 1925 г. выслан в Коканд, через месяц после прибытия вновь арестован, приговорен к 2 годам тюрьмы и доставлен в Москву. После длительной голодовки протеста освобожден и выслан в Уральск, где работал в местном губплане. Постановлением Особого совещания от 3 января 1931 г. выслан на 3 года в Самарканд, работал экономистом, публиковал работы по гидрологии края. В июне 1939 г. осужден ВКВС на 25 лет лишения свободы. Отбывал срок в Бутырской и Орловской тюрьмах. Расстрелян по приговору ВКВС от 8 сентября 1941 г.

Троцкий Лев Давыдович (1879-1940) – революционер, политический деятель, участник социал-демократического движения с 1897 г., член ЦК партии большевиков (1917-1927), нарком иностранных дел (1917-1918), наркомвоенмор и председатель РВС (1918-1925). В 1927 г. выслан в Алма-Ату, в 1929 г. - за границу. До 1933 г. жил в Турции, затем во Франции, Норвегии и с января 1937 г. – в Мексике, в которой был убит агентом НКВД Романом Меркадером. В 1929 г. в Константинополе написал книгу «Моя жизнь», в которой рассказал о своем жизненном пути - от детства до высылки из СССР.

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938) – политический и государственный деятель. Участник революции 1905-1907 гг. в Польше. С июня 1917 г. - член Исполкома группы СДКПиЛ в России. Активный участник Октябрьских событий в Петрограде, член исполкома Петроградского Совета, член ВЦИК. С декабря 1917 г. - член Коллегии НКВД РСФСР. В апреле 1918 г. – январе 1919 г. – председатель Центральной коллегии по делам военнопленных и беженцев (Центрпленбеж) при Наркомате по военным делам РСФСР. С февраля 1919 г. – нарком по военным делам и член ЦИК КП Литвы и Белоруссии. С апреля 1921 г. по сентябрь 1923 г. – зам. председателя ВЧК - ГПУ. С сентября 1923 г. – член РВС СССР и начальник снабжения РККА. В 1925-1930 гг. – зам. председателя РВС и зам. наркома по военным и морским делам. В 1930-1933 гг. – зам. председателя ВСНХ, зам. председателя Госплана СССР. В 1933-1935 гг. – начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. С февраля 1935 г. – секретарь Союзного совета ЦИК СССР. В июне 1937 г. арестован, обвинен в создании контрреволюционной организации, шпионаже и подготовке терактов, расстрелян 20 июля 1938 г.

Устрялов Николай Васильевич (1890-1938) - политический деятель, публицист. С 1917 г. - член Конституционно-демократической партии. С 1920 г. - в эмиграции (Харбин), один из идеологов сменовеховства; в 1935 г. вернулся в СССР. Репрессирован.

Фигнер Вера Николаевна (1852-1942) - легендарная народоволка. В 1910 г., находясь в эмиграции, явилась инициатором создания кружка помощи каторге и ссылке («Парижский кружок»), в котором работала и Е. П. Пешкова. В феврале 1915 г. она вернулась в Россию и в марте 1917 г. была избрана председателем Петроградского отделения «Общества помощи освобожденным политическим» (председателем Московского отделения была избрана Е. П. Пешкова). В 1918 г. выбрана председателем Совета ПКК. В Советское время занималась, в основном, литературным трудом. В 1926 г. специальным постановлением СНК ей была назначена персональная пенсия.

Филатьев Георгий Викторович (1868–после 1930) – адвокат. До революции присяжный поверенный, присяжный стряпчий, директор правления тюремного комитета. С 17 по 25 октября 1917 г. – тов. министра юстиции во Временном правительстве. Один из организаторов «Бюро помощи освобожденным политическим» в 1917 г. Один из учредителей МПКК, член юридической комиссии и член комитета МПКК. В 1919 г. вошел в «Национальный центр». Арестован в 1920 г. по делу «Тактического центра» и в августе 1920 г. приговорен к тюремному заключению до конца Гражданской войны. Освобожден по амнистии 7 мая 1921 г. В 1930 г. арестован как член Коллегии защитников, освобожден через 4 месяца.

Форд (Ford) Генри (1863–1947) - американский промышленник, один из основателей автомобильной промышленности США. В 1892–1893 гг. создал первый автомобиль с 4-тактным двигателем (марка «Форд»), в 1903 г. основал автомобильную компанию «Форд мотор», ставшую одной из крупнейших в мире. На своих заводах широко внедрил систему поточно-массового производства.

Фридлендер (Фриедлендер) Рафаил Григорьевич (Герцович) – инженер-технолог, владелец лакокрасочной фабрики в Москве (1910–1927).

В 1910 г. он приобрел в Москве небольшую паровую красильную фабрику, которую переориентировал на выпуск лаков и красок. Производство красок фирмы Р. Г. Фридлендера базировалось на импортных пигментах и на российском льняном масле, поступающем из северных регионов России. Производство быстро развивалось, был освоен выпуск собственных пигментов по самым передовым технологиям того времени. В 1927 г. компания получила широкую известность благодаря главному художнику-консультанту фабрики профессору Ф. Я. Рербергу, специалисту международного уровня, изучавшего и тестирувавшего образцы красок многих зарубежных фирм. В том же году фабрика Р. Г. Фридлендера была национализирована и получила имя «Красный художник» (в настоящее время известна как компания «ГАММА»).

После национализации фабрики Р. Г. Фридлендер эмигрировал, жил в Берлине.

Член МПКК, член ее финансовой комиссии и уполномоченный по тюрьмам. Живя за границей, поддерживал отношения с Е. П. Пешковой и оказывал материальное содействие ПОМПОЛИТУ.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) – советский государственный военный и партийный деятель. Член РСДРП(б) с 1904 г. В 1905 г. участвовал в Декабрьском вооруженном восстании в Москве. В 1907 г. был арестован, затем дважды приговаривался к смертной казни, замененной 10 годами каторжных работ. Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Во время Гражданской войны командовал войсками Восточного, Туркестанского и Южного фронтов; один из организаторов разгрома белогвардейских войск генерала Врангеля и армии Махно. С 1921 г. - командующий вооруженными силами Украины и Крыма, член ЦК РКП(б); с 1922 г. - зам. председателя СНК Украины; с 1924 г. - кандидат в члены политбюро. В 1925 г. сменил Троцкого на посту наркомвоенмора и председателя РВС СССР. Умер при неясных обстоятельствах после операции язвы желудка, что породило слухи о его убийстве по приказу Сталина.

Цедербаум Сергей Осипович (1879–1939) – брат Ю. О. Мартова, в революционном движении с 1896 г. До революции неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению, ссылкам. Во время Февральской революции – член Московского революкома, член бюро Московского комитета меньшевиков, редактор газеты «Вперед», тов. председателя Всероссийского совета рабочей кооперации, член ЦК РСДРП

(объединенной) от фракции интернационалистов. С 1919 г. вновь подвергался арестам, заключениям, ссылкам. 16 сентября 1930 г. арестован в Саратове, где отбывал ограничения места проживания, по обвинению в антисоветской деятельности. В декабре 1930 г. отправлен в Москву, содержался во Внутренней и Бутырской тюрьмах. Постановлением Коллегии ОГПУ от 10 мая 1931 г. приговорен к 10 годам заключения. 2 месяца находился в тюремной больнице, по выздоровлении отправлен в Верхнеуральский политизолятор, затем переведен в Ярославский политизолятор. В декабре 1931 г. заключение заменено на 5 лет ссылки в Казань, где он работал экономистом. Постановлением ВКВС от 25 февраля 1939 г. приговорен к расстрелу.

Цедербаум - Захарова Конкордия Ивановна (1879-1938) - жена С. О Цедербаума. Из дворян. Окончила женские курсы в Петербурге. В социал-демократическом движении с 1890-х годов. Член РСДРП – с 1896 г. С 1901 г. агент «Искры», после II съезда РСДРП - меньшевичка. При царизме привлекалась за политическую деятельность девять раз. В 1921 г. - секретарь ЦК РСДРП(м), член правления Союза химиков. Начиная с 1921 г., подвергалась арестам, заключениям, ссылкам. В 1930 г. была арестована в Воронеже, в связи с тяжелой болезнью освобождена до вынесения приговора. Приговорена к 5 годам ссылки в Сибирь. Последний раз арестована 10 марта 1937 г., приговорена к расстрелу 13 июня 1938 г., в тот же день приговор приведен в исполнение.

Чаянов Александр Васильевич (1888-1937) – крупный ученый экономист-аграрник, литератор. Профессор (1918) Московской сельскохозяйственной академии, где работал до 1930 г. Деятель кооперативного движения, первый председатель Льноцентра (1915); в 1915-1920 гг. на руководящих постах в сельскохозяйственной кооперации. В 1921-1923 гг. - член коллегии Наркомзема РСФСР. Основатель первого в стране Института сельскохозяйственной экономики и политики, его директор в 1922-1928 гг. Глава организационно-производственной школы научного направления, исследовавшего проблемы крестьянской экономики. Разрабатывал проблемы кооперативного обобществления крестьянских хозяйств, экономического механизма функционирования кооперативного предприятия, его оптимальных размеров. Автор социально-философских «фантастических» и «романтических» повестей «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» (1922) и др. Арестован в июле 1930 по делу ТКП и выслан в Казахстан.

Арестован 16 марта 1937 г. в Алма-Ате. Постановлением ВКВС СССР от 3 октября 1937 г. приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян. Реабилитирован 5 мая 1956 г.

Жена Чаянова просидела в лагерях с небольшими перерывами 18 лет и умерла в 1983 г.

Чернов Виктор Михайлович (1873-1952) – общественно-политический деятель, один из создателей и лидеров ПСР, главный ее теоретик, участник всех ее съездов и член ЦК (кроме периода 1909-1916 гг., когда находился в эмиграции). В революционном движении с конца 1880-х годов. Министр земледелия во Временном правительстве, тов. председателя ВЦИКа, председатель Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания вел партийную работу в Москве, затем за Волгой, арестован во время правления Колчака, освобожден при содействии чехословацких legionеров, занимался в Москве партийной работой, находясь на нелегальном положении. В сентябре 1920 г. эмигрировал, редактировал журнал «Революционная Россия», являлся членом заграничной делегации ПСР (1921-1926). С 1923 г. жил в Чехословакии, сотрудник Института изучения России, один из основателей Социа-

листической лиги нового Востока (1927). В 1939 г. переехал во Францию, позже в США.

Е. П. Пешкова была близко знакома с В. М. Черновым и его семьей со времени своего приезда в Аляссио (Италия) в 1907 г.

Чернова-Колбасина Ольга Елисеевна (1886–1964) – член ПСР, жена лидера ПСР В. М. Чернова. В 1918 г., когда Чернов, скрываясь от ареста, находился на нелегальном положении, его жена и две старшие дочери были арестованы и заключены в Бутырскую тюрьму. Благодаря хлопотам Е. П. Пешковой они были освобождены (вначале дочери, а затем их мать). После освобождения жили у Е. П. Пешковой. При содействии Горького им удалось легально выехать из России. Жили в Праге, затем в Париже. В 1922 г. году в Париже были изданы воспоминания О.Е. «Произвол и голод. - Тюрьма ВЧК (Лубянка, 11) - Ярославская тюрьма. - Внутренняя тюрьма ВЧК (Лубянка, 2) - Новинская тюрьма. О. Е. Колбасина-Чернова известна своей дружбой с М. Цветаевой.

В конце 50-х годов семья ее младшей дочери Ариадны (в замужестве Сосинская) вернулась в Россию.

Шауфус Татьяна Алексеевна (1891-1986) – сестра милосердия. Родилась в Киеве, где окончила Институт благородных девиц. Работала в Сергиевом Посаде сестрой милосердия в Общине Марии Магдалины (Община сестер милосердия и Красного Креста), была духовной дочерью о. Павла Флоренского. Во время Первой мировой войны окончила курсы сестер милосердия в Петрограде, была фронтовой подругой А. Л. Толстой. После революции работала медсестрой в г. Сергиевом Посаде. Неоднократно арестовывалась. В апреле 1920 г. арестована вместе с К. А. Родзянко по делу «Белого Креста», приговорена к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны, освобождена по ходатайству МПКС. В 1928 г. вновь арестована вместе с К. А. Родзянко, приговорена к 3 годам высылки из пределов Москвы и Московской губ., затем срок высылки продлевался. С конца 1933 г. – в эмиграции, вначале в Чехословакии, а с 1938 г. – в США. В Чехословакии работала в Комитете помощи беженцам под руководством дочери президента Т. Масарика, Алисы Масарик. По приглашению Американского Красного Креста переехала в США. В 1939 г. вместе с А. Л. Толстой основала Толстовский фонд для помощи русским эмигрантам (Tolstoy Foundation Center), была его вице-президентом. Под ее руководством в сентябре 1947 г. был открыт Европейский офис Толстовского фонда. Похоронена в США на Ново-Девеевском кладбище близ городка Наяк (штат Нью-Джерси), ее могила рядом с могилой А. Л. Толстой.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) - депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственной думы, член монархической фракции русских националистов, получил широкую известность как один из лидеров правого лагеря. Окончил киевскую гимназию и юридический факультет Киевского университета. В студенческие годы сформировались его правонационалистические и антисемитские убеждения. Резко критиковал первую русскую революцию 1905-1907 гг. и активно поддерживал политику П.А. Столыпина. В 1908 г. выступил против отмены смертной казни. Несмотря на свой антисемитизм, осуждал еврейские погромы. Во время процесса Бейлиса в сентябре 1913 г. обвинил прокуратуру в предвзятом ведении дела; номер газеты «Киевлянин» с его резкой критической статьей был конфискован, а сам он в 1914 г. был приговорен к трехмесячному тюремному заключению. Один из организаторов Прогрессивной группы националистов (1915). 2 марта 1917 г. вместе с А.И. Гучковым ездил в Псков к императору Николаю II и принимал доклад о его отречении. Участвовал в формировании Добровольческой армии. С конца 1918 г. в эмиграции: Великобритания, Франция, Югославия. В конце 30-х годов отошел от политической деятельно-

сти. Автор мемуаров «Дни» (1925, Белград) и «Три столицы» (1927, Берлин), в которых нарисовал картину разложения Белого движения и признавал достижения советской власти в деле восстановления народного хозяйства. В октябре 1944 г., когда в Югославию вошли советские войска, арестован сотрудниками Смерша. В январе 1945 г. отправлен в СССР; за «антисоветскую деятельность» приговорен к тюремному заключению. Отбывал заключение во Владимирской тюрьме. В 1956 г. был освобожден. Остался жить во Владимире, где написал книгу «Годы» о своей десятилетней работе в Думе (1907–1917). Умер во Владимире.

Ягода Генрих Григорьевич (1891-1938) - государственный деятель, генеральный комиссар Госбезопасности, член РСДРП(б) с 1907 г. В органах ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД с 1919 г. Член коллегии ВЧК и управляющий делами ВЧК – ГПУ (1920-1922); зам. начальника СОУ ВЧК – ГПУ - ОГПУ СССР (1922-1927); зам. начальника ОО ВЧК – ГПУ (1921-1922); член Президиума Особого совещания ОГПУ (1924-1934); зам. председателя ГПУ - ОГПУ СССР (1923-1934), нарком внутренних дел СССР (1934-1936). В 1936-1937 гг. - нарком связи СССР. Арестован 28 марта 1937 г. Постановлением ВКВС от 13 марта 1938 г. приговорен к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авксентьев Н.Д.....151,154
 Агабеков Г.С.... 79,83,148
 Азеф Е.Ф.....166
 Альтовский А.И.....32, 34,148
 Альфер Т.136
 Андерс В.....134
 Андреев Д.Л.....95,171
 Андреева А.А.....171
 Андреева Ал.Аз.....19,125,126
 Андреева М.Ф.138
 Антонов-Овсенко В.А.....38,56,110,111,148
 Аронсон Г.Я.....13
 Артемьев Н.И.....81,84,148
 Бажанов Б.Г.....61,62,149
 Базаров (Руднев) В.А.....85,87,149
 Бальмонт К.Д.65
 Бах А.А..... 35,149
 Бах А.Н.....14,34,35 38,149
 Бах Л.А.....35,149
 Бейлис М.....171
 Беклешова Е.Т.136,137
 Берберова Н.Н.....13
 Берг Е.С.....32, 34,149
 Бердяев Н.А.65
 Бернацкий М.В.....22
 Бернштейн Э.....39, 40,149
 Беседовский Г.З.....71,72,79,80,122,123.150
 Благинин А.Д.....136
 Благинина Е.А.136
 Блеклов К.С.....136,137
 Блеклов С.М.....136
 Бобрищев-Пушкин А.В.45
 Бобров Б.....100
 Бочарова И.А.....108
 Бреслав.....109
 Брешко-Брешковская Е.К.....35
 Бриан А.....85,86
 Бройкевич М.В.....22
 Бруцкус Б.Д.....22
 Будберг М.И.....41
 Булгаков В.Ф.....35,65
 Бунин И.А.....124
 Бунин Ю.А.....124
 Бухарин Н.И.....50,149
 Васильев П.В.100
 Веденяпин М.А.18,81,84,105,150
 Величко А.Ф.128,131
 Вернадская (ур. Ильинская) Н.В.....94,95
 Вернадский Г.В.94
 Видре К.....135,136

- Винавер Е.Г.4,14,15,16,44,59,60,63,67,69,75,76,77,85,88,89,91,96,97,99,125,126
132,135,136
- Винавер Л.Г.134,135
- Винавер М.М.134,135
- Виноградов А.А.47
- Войков П.Л.9,49,117,153
- Волжанин О.
- Волжин П.Н.137
- Волков А.Г.12,
- Волков Г.А.95
- Волкова (ур. Муравьева) Т.Н.95
- Вормс А.Э.78,81,150
- Ворошилов К.Е.16
- Воскресенский А.123
- Врангель П.Н.170
- Гай (Штоклянд) М.И.87
- Гальмарини М.-К.13
- Ганецкий Я.С.108
- Гартман В.П.62
- Гептнер.89
- Геринг С.40,67
- Гинденбург Пауль, фон.37,151
- Гитлер А.37,100,151
- Гоуга И.К.14
- Голотик С.И.12
- Голицын С.В.13
- Горький (Пешков) А.М.5,13,29,41,44,48,60,61,64,76,94,106,107,108,115,117-
121,123,125,133,137-140,143,144,152,157,159,160
- Гоц А.Р.32,34,81,103,104,120,122,124,126,151,154,164.
- Гоц М.А.121,124,151
- Гоц О.А.121,123,151
- Гоц (ур. Рабинович) С.Н.46,47,112,113,120,121,122,124,151
- Гржебин З.И.167
- Громан В.Г. 85, ,
- Гувер Г.13,22,24,25
- Гуль Р.Б.70
- Гуревич О.Э.87
- Гуревич (Смирнов) Э.Л.85,86,151
- Гучков А.И.171
- Дан (ур. Цедербаум) Л.О.9,16,48,50,81,82,91,104,110,111,114,125,135,137,152
- Дан Ф.И.151,152
- Детердинг Г.79,82
- Дзержинский Ф.Э.5 14,18,48,50,106,107,108,109,110,111,134,140,141,145,152
- Дмитриевский С.В.79,83,152,153
- Долгоруков Павел Дм.9,16,47,48,49,50,51,65,66,112,113,114,116,117,127,153
- Долгоруков Петр Дм.50,113,115,116,117,118,153
- Должанская Л.А.12
- Донской Д.Д.32, 34,153
- Достоевский Ф.М.35
- Дояренко А.Г.77
- Егоров И.И.71
- Есенин С.А.43

Жданов А.А.	98
Жданов В.А.	55,56
Загорский С.О.	22
Залеская Б.	99,100,125,126,132
Заломов П.	160
Замятин Е.И.	121
Засулич В.И.	12
Зензинов В.М.	107,108,151,154
Зильберберг А.Е.	26,111,121
Зиновьев Г.Е.	22,50,98,100,149
Зуров Н.А.	80,83
Зурова Е.А.	83,102
Зурова Н.А.	83
Иванов Н.Н.	28,154
Иванова Т.В.	13,147
Иванова-Иранова Е.А.	27, 28,154
Измайлович А.А.	32, 34,154
Ильинская Е.В.	94,95
Кадура М.	102
Калинников И.А.	81
Кальмеер И.С.	161
Каменев Л.Б.	22,50,98,100,149
Каминка А.И.	22
Каутский К.	39, 40,150,155
Кафенгауз Л.Б.	77
Керенский А.Ф.	91,92,155,156,166,167
Кизеветтер А.А.	35
Киров С.М.	98,99,100,101
Кишкин Н.М.	13, 23, 24,52,117,145,155
Ключников Ю.В.	45
Книпер А.В.	13,142
Кобулов Б.З.	136
Коваленко А.М.	141
Колоколов Н.	120,121
Колчак А.В.	142,145,156,171
Кон Ст.	30,32,88,89
Кон Ф.Я.	158
Кондратьев Н.Д.	8,52,53,76,77,82,114,115,156
Коонен А.Г.	71
Коровин.	141
Короленко В.Г.	65,143,145
Коротков А.М.	148
Корш Ф.А.	117
Косинский В.А.	22
Котовский Г.Г.	68
Крандиевский В.А.	117
Краснов В.М.	11,131,132
Крупп (Krupp) Г.	23,24
Крупская Н.К.	158
Кудрявцев В.М.	65
Куприянов С.В.	81
Куприянов П.Х.	156

Куприянова Л.П.	54,55,66,67,71,84,89,93,106,107,111,113,116,118,120,122,124,156
Куприянова Н.П.	84,93,116,122,124,156
Курлов П.Г.	154
Курский Д.И.	158
Кусков П.	143
Кутепов А.П.	65,66,156
Лавров П.Л.	12
Ладыжников И.П.	20,157
Ларин (Лурье М.З.) Ю.А.	21,22,157
Ларичев В.А.	81
Лежава А.М.	87
Лежнев (Альтшуллер) И.Г.	45,157,158
Ленин В.И.	50,88,143,145,158,159,166
Леонтьев Я.В.	12,13
Либер М.И.	126
Лисицын	80,83
Литошенко Л.Н.	77
Лоскутов Н.Н.	161
Луженовский Г.Н.	166
Луначарский А.В.	65,158
Львов М.И.	32,34,158
Майоров И.А.	32,34,158
Макаров В.Г.	157
Макаров Н.П.	77
Маклаков	136
Малахов А.Е.	101,102
Малкин	137
Малянтович В.Н.	85,87,109,158
Малянтович П.Н.	48,49,70,71,77,85,87,158,160,161,162
Манухин И.И.	95,118,119,159
Марков О. (Левин М.Р.)	13
Маркс К.	149
Мартов (Цедербаум) Ю.О.	90,115,134,135,143,152,167,170
Маслов П.П.	85,87,159
Махно Н.И.	170
Мекк Н.К., фон	128,131
Мельгунов С.П.	5, 14, 22,64,65,66,159
Менжинский В.Р.	33,35,83,106,114,160
Меринг Б.Б.	46,47,82,104,105,107,108,157,160
Меркадер Р.	168
Мессинг	87
Миллер Е.К.	79,82,160
Милюков П.Н.	76,77,78,91,145,10
Минин Дм. (Бацер Д.М.)	13
Минор О.С.	154
Михайлов Ю.	119
Молотов В.М.	74,160
Морозов К.Н.	35,105
Морозов Н.А.	65
Морозов С.Т.	158
Муравьев Н.К.	12,70,71,87,94,95,105,106,109,134,150,160,161,162
Муравьева Е.И.	95,118,119,120,121,162

Муралов Н.И.	87
Муссолини Б.	43, 162
Мякотин В.А.	35
Нансен Ф.	13, 22, 24
Немирович-Данченко Вл. Ив.	35, 117
Немирович-Данченко Вас. Ив.	61
Николаев М.К.	15, 105
Николай П.	171
Новорусский М.В.	62
Нобель (Nobel) Э.	82
Норов Д.Д.	154
Оболенская А.	102, 169
Ордынский С.П.	64
Осипова И.	12,
Осоргин (Ильин) М.А.	65, 108, 111
Охотин Н.Г.	64
Очкин В.И.	81
Пальчинский П.А.	81, 128, 131
Перес В.А.	14, 136, 141
Пешехонов А.В.	8, 32, 33, 36, 37, 41, 42, 57, 66, 110, 111, 114, 162-163
Пешков З.	140
Пешков М.А.	98, 116, 125, 136
Пешкова Д.М.	117
Пешкова М.М.	103, 105, 108
Пилсудский Ю.К.	43, 163
Пирожкова А.Н.	13
Пискатор Э.	
Плесков В.А.	109
Плеханов Г.В.	143
Позняков А.	99, 100
Померанц Г.	99
Постников С.П.	14, 35, 88, 162-163
Потехин Ю.	45
Прокопович С.Н.	163-164
Прокофьев Г.Е.	87
Прянишников Е.А.	
Пуанкаре Р.	82
Пумпянский П.Б.	22
Пятаков Г.Л.	21, 22, 164
Рабинович Б.Н.	46, 47, 111, 112, 116, 118, 120, 121, 123, 124, 164
Разгон Л.	13
Рамзин Л.К.	78, 81, 165
Расин Ж.	
Ратнер Е.М.	27, 28, 32, 80, 83, 165
Рерберг Ф.Я.	170
Ремизов А.М.	65
Репьева Е.И.	165
Риббентроп (Ribbentrop) И.	160
Рогинский А.Б.	64
Родзянко К.А.	10, 93, 94, 96, 97, 101, 102, 126, 165, 171
Роллан (Rolland) Р.	87, 159
Романов П.	85, 86

Ростковский Е.П.	161
Румянцев А.	100
Рыбников А.А.	77
Рыклин Г.	51, 65, 66
Рыков А.И.	87, 128, 149
Рябушинский П.П.	81, 82
Савинков Б.В.	31, 32, 39, 165-166
Савинкова-Стомпфе В.Н.	35
Салтыков С.Н.	90, 91, 166
Сахаров А.Д.	138
Сахаров И.Н.	138
Семенов Ю.Ф.	61
Семполовская С.	109, 141
Серков А.И.	15
Синклер (Sinclair) Г.	23, 24, 150
Скирмунт С.А.	116, 117, 152
Слоним М.Л.	35
Смидович П.Г.	87
Смирнов М.Б.	64
Смирнов (он же Гуревич) Э.Л.	77, 86
Сокольников Г.Я.	22
Спиридонова М.А.	32, 33, 155, 158, 166
Солженицын А.И.	2, 81
Соловьев	141
Соломон (Исецкий) Г.А.	88, 166
Сольц А.А.	87
Сосновский Я.Т.	141
Сталин И.В.	14, 22, 49, 50, 61, 74, 99, 100, 149, 152, 153, 170
Станиславский (Алексеев) К.С.	117
Столыпин П.А.	171
Струве П.Б.	22, 61
Струмилин (Струмилло-Петрушкевич) С.Г.	8, 15, 58, 63, 66, 69, 71, 75, 78, 167
Суханов (Гиммер) Н.Н.	8, 77, 78, 82, 85, 167
Таиров А.Я.	71
Тарле Е.В.	81
Теодорович И.А.	15, 59, 156, 168
Тимофеев Е.М.	32, 35, 81, 84, 105, 168
Тимофеев М.А.	168
Тимоша (Пешкова Н.А.)	64
Толстая А.Л.	10, 171
Толстая С.А.	42, 43
Толстой Л.Н.	35, 95, 160
Третьяков С.Н.	82
Троцкий Л.Д.	22, 50, 85, 86, 149, 152, 168, 170
Угримов А.А.	95
Угримова (ур. Муравьева) И.Н.	95
Угримова Т.А.	12, 95
Ульянова-Елизарова А.И.	143
Уншлихт И.С.	18, 106, 168-169
Уркварт Л.	23, 25
Урусова А.А.	101, 102, 169
Устрялов Н.В.	45,

Фадеев А.А.....	121
Федотов А.А.....	80,81,83,85
Фигнер В.Н.....	2,65,93,109,112,114,115,122,123,124,138,145,156,161,162,169
Фидлер.....	136
Филатьев Г.В.	77,169
Фондаминский И.И.....	151,154
Форд (Ford) Г.....	72
Фридлендер Р.Г.....	63,67,114,115,116,125,169-170
Фридлянд	87
Фрунзе М.В.....	42,43,68,149,170
Ходасевич В.Ф.....	5
Хренников С.А.....	81
Христофоров В.С.....	157
Цветаева М.И.....	94,171
Цветков Н.П.....	14
Цедербаум Е.О.....	114,115
Цедербаум С.О.....	90,170
Цедербаум-Захарова К.И....	90,91,170
Церетели И.Г.....	151
Чайковский П.И.	
Чарновский Н.Ф.....	81
Чаянов А.В.	8,77,152,156,167
Челинцев А.Н.	77
Червакова И.	14
Чернов В.М.....	48,50,94,170-171
Чернова А.В.....	94
Чернова Н.В.....	94
Чернова О.В.....	94
Чернова-Колбасина О.Е.....	94,96,171
Чертков В.Г.....	161
Чупров А.А.....	22
Шауфус Т.А.....	10,93,94,96,97,101,126,165,171
Шверник Н.М.	
Швецов С.П.....	62
Шеин С.Д.....	80,83
Шляпников.....	22
Шмидт Н.П.....	158
Шолохов М.А.	121
Штейнберг И.З.	134
Шульгин В.В.....	55,56,171
Эйсмонт	98,99,100
Эррио Э.....	29
Ювеналиев И.П.....	87,142
Ювеналиев Н.И.(?)	86,87
Южин А.И.....	62
Юровский Л.Н.	77
Ягода ГГ.	87
Josefson М.....	113,115

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ- Архив Горького
 АН – Академия наук
 АРА – Американская организация помощи (American Relief Administration)
 АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
 БУНД – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России
 ВАРНИТСО - Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству
 ВКВС – Военная коллегия Верховного суда
 ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)
 ВКПГ - Всероссийский комитет помощи голодающим
 ВМН – высшая мера наказания
 ВРК – Военный революционный комитет
 ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
 ВТ – Военный трибунал
 ВЦИК- Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
 г. - год
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
 Госиздат – Государственное издательство
 Госплан – Государственная плановая комиссия
 ГПУ – Главное политическое управление
 губ. – губерния
 губревком – губернский революционный комитет
 ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
 Д. - дело
 Земгор - объединенный комитет Земского союза и Союза городов
 ИМЛИ – Институт мировой литературы им. Горького
 ИНО ВЧК (ГПУ, ОГПУ) – Иностраный отдел ВЧК (ГПУ, ОГПУ)
 ИНФО ВЧК (ГПУ, ОГПУ) – Информационный отдел ВЧК (ГПУ, ОГПУ)
 ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
 КГБ – Комитет государственной безопасности
 КОМУЧ - Комитет бывших членов Учредительного собрания
 КРО – контрразведывательный отдел
 Л. – лист
 ЛВО – Ленинградский военный округ
 МГУ – Московский государственный университет
 МК ПСР – Московский комитет Партии социалистов-революционеров
 Моссовет – Московский совет
 МПКС – Московский Политический Красный Крест
 МХТ – Московский Художественный театр
 МЧК – Московская чрезвычайная комиссия
 Нарком – Народный комиссариат
 Наркомвоенмор – Народный комиссариат по военным и морским делам СССР
 Наркомздрав – Народный комиссариат здравоохранения
 Наркомзем – Народный комиссариат здравоохранения
 Наркомфин – Народный комиссариат финансов
 НИИПЦ – Научный информационный и просветительский центр
 НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
 НКВД – Народный комиссариат иностранных дел

н.-с. – народные социалисты
 НЭП – новая экономическая политика
 ОГПУ – Объединенное главное политическое управление
 Оп. - опись
 ОСО - Особое совещание
 ПКК – Политический Красный Крест
 ПЛСР – Партия левых социалистов-революционеров
 ППС - Польская социалистическая партия.
 ПСР – Партия социалистов-революционеров
 ПОМПОЛИТ – Помощь политическим заключенным
 РАН – Российская академия наук
 РВС – Революционный военный совет
 РЗИА – Российский зарубежный исторический архив
 РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РСДРП(б) - Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
 РСДРП(м) - Российская социал-демократическая партия (меньшевиков)
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 РГАСПИ – Российский Государственный Архив социально-политической истории
 С. – страница
 СДКПиЛ - социал-демократия Королевства Польского и Литвы (в 1906 г. вошла в состав РСДРП).
 Смерш - Управление контрразведки НКВД (аббревиатура сложена из начальных букв лозунга «Смерть шпионам!»)
 Совнарком, СНК – Совет народных комиссаров
 СОУ ВЧК (ГПУ, ОГПУ) – Секретно-оперативно управление ВЧК (ГПУ, ОГПУ)
 с.- р. – социалисты-революционеры (эсеры)
 СС - Объединенная еврейская социалистическая партия.
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 США – Соединенные Штаты Америки
 ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
 ТКП – Трудовая крестьянская партия
 ТНСП – Трудовая народно-социалистическая партия (энэс)
 УНКВД – Управление НКВД
 ур. - урожденная
 Ф. - фонд
 ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
 ЦеКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых
 Центросоюз – Всероссийский центральный кооперативный союз потребительских обществ
 Центпрленбеж - Центральная коллегия по делам военнопленных и беженцев
 ЦИК – Центральный исполнительный комитет
 ЦК – Центральный комитет
 ЧК – Чрезвычайная комиссия
 ЧСИР – член семьи изменника родины
 ЭКУ ОГПУ – экономическое управление ОГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	
Предисловие.....	

Раздел 1. Письма Михаила Львовича Винавера.....	
1-1. 3 января 1923 г. Варшава.....	
1-2. 19 января 1923 г. Варшава.....	
1-3. 1 февраля 1923 г. Варшава.....	
1-4. 12 февраля 1923 г. Варшава.....	
1-5. 19 февраля 1923 г. Варшава.	
1-6. 26 февраля 1923 г. Варшава.	
1-7. 9 марта 1923 г. Варшава.	
1-8. 25 марта 1923 г. Варшава.	
1-9. 14 апреля 1923 г. Варшава.	
1-10. 20 апреля 1924 г. Варшава.	
1-11. 13 мая 1924 г. Варшава.	
1-12. 24 марта 1925 г. Варшава.	
1-13. 3 апреля 1925 г. Варшава.	
1-14. 14 апреля 1925 г. Варшава.	
1-15. 22 апреля 1925 г. Варшава	
1-16. 28 апреля 1925 г. Варшава.	
1-17. 2 мая 1925 г. Варшава.	
1-18. <Между 2 и 28 мая 1925 г. Варшава>	
1-19. 28 мая 1925 г. Варшава.	
1-20. 4 июня 1925 г. Варшава.	
1-21. 12 июня 1925 г. Варшава	
1-22. 24 июня 1925 г. Варшава.	
1-23. 30 декабря 1925 г. Варшава.	
1-24. 12 января 1926 г. Варшава.	
1-25. 10 июля 1926 г. Варшава.	
1-26. 17 июля 1926 г. Варшава.	
1-27. 27 декабря 1926 г. Варшава.	
1-28. 31 декабря 1926 г. Варшава.	
1-29. 7 января 1927 г. Варшава.	
1-30. 27 апреля 1927 г. Варшава.	
1-31. 6 мая 1927 г. Варшава.	
1-32. 28 декабря 1927 г. Варшава.	
1-33. 7 января 1928 г. Варшава.	
1-34. 16 января 1928 г. Варшава.	
1-35. 29 января 1928 г. Варшава.	
1-36. 20 марта 1928 г. Москва.	
1-37. 23 марта 1928 г. Москва.	
1-38. 27 марта 1928 г. Москва.	
1-39. 31 декабря 1928 г. Варшава.	
1-40. 7 января 1929 г. Варшава.	
1-41. 21 января 1929 г. Варшава.	
1-42. 15 мая 1929 г. Варшава.	
1-43. 31 мая 1929 г. Варшава.	
1-44. 6 июня 1929 г. Варшава.	
1-45. 30 июля 1929 г. Москва.	

- 1-46. 29 декабря 1929 г. Варшава.
- 1-47. 22 января 1930 г. Варшава.
- 1-48. 24 января 1930 г. Варшава.
- 1-49. 19 мая 1930 г. Варшава.
- 1-50. 31 мая 1930 г. Варшава.
- 1-51. 14 июня 1930 г. Варшава.
- 1-52. 16 июня 1930 г. Варшава.
- 1-53. 23 июня 1930 г. Варшава.
- 1-54. 28 августа 1930 г. Варшава.
- 1-55. 31 сентября 1930 г. Варшава.
- 1-56. 2 января 1931 г. Варшава.
- 1-57. 15 января 1931 г. Варшава.
- 1-58. 21 мая 1931 г. Варшава.
- 1-59. 31 мая 1931 г. Варшава.
- 1-60. 6 июня 1931 г. Варшава.
- 1-61. 14 июня 1931 г. Варшава.
- 1-62. 29 декабря 1931 г. Варшава.
- 1-63. 5 января 1932 г. Варшава.
- 1-64. 25 января 1932 г. Варшава.
- 1-65. 2 февраля 1932 г. Варшава.
- 1-66. 29 декабря 1932 г. Варшава.
- 1-67. 11 января 1933 г. Варшава.
- 1-68. 21 января 1933 г. Париж.
- 1-69. 27 декабря 1933 г. Варшава.
- 1-70. 5 января 1934 г. Варшава.
- 1-71. 9 января 1934 г. Париж.
- 1-72. 31 января 1934 г. Варшава.
- 1-73. 30 декабря 1934 г. Варшава.
- 1-74. 7 января 1935 г. Варшава.
- 1-75. 17 января 1935 г. Варшава.
- 1-76. 28 декабря 1935 г. Варшава.
- 1-77. 9 апреля 1936 г. Москва.

Раздел 2. Письма Екатерины Павловны Пешковой.

- 2-1. 1 ноября 1925 г. Варшава.
- 2-2. 13 августа 1926 г. Сорренто.
- 2-3. 30 августа 1926 г. Сорренто.
- 2-4. 7 сентября 1926 г. Сорренто.
- 2-5. 18 октября 1926 г. Москва.
- 2-6. 15 ноября 1926 г. Москва.
- 2-7. 20 марта 1927 г. Варшава.
- 2-8. 29 марта 1927 г. Москва.
- 2-9. 24 сентября 1927 г. Сорренто.
- 2-10. 30 октября 1927 г. Варшава.
- 2-11. 5 марта 1928 г. Варшава.
- 2-12. Между 9 и 11 апреля 1928 г. Сорренто.
- 2-13. 21 ноября 1928 г. Сорренто.
- 2-14. Конец апреля 1929 г. Варшава.
- 2-15. 10 ноября 1929 г. Сорренто.
- 2-16. 29 ноября 1931 г. Франция.
- 2-17. 14 декабря 1934 г. Варшава.

Приложение 1. Опросный лист МПКК и письма Екатерины Дмитриевны Кусковой.

1. Опросный лист МПКК, заполненный Е.Д. Кусковой. 17 октября 1921 г. Москва.
2. Е.Д. Кускова к Е.П. Пешковой. 28 декабря 1926 г. Прага.
3. Е.Д. Кускова к Е.П. Пешковой. 7 ноября 1927 г. Прага.
4. Е.Д. Кускова к Шведской жертвователнице. <1929>. Прага.
5. Е.Д. Кускова – В.М. Краснову. 3 января 1935 г. Прага.
6. Е.Д. Кускова А – В.М. Краснову. 12 января 1935 г. Прага.
7. Е.Д. Кускова А – Е.П. Пешковой. 19 июня 1936 г. Прага.

Приложение 2. Биографии М.Л. Винавера, Е.П. Пешковой, Е.Д. Кусковой.

Именной комментарий

Именной указатель

Принятые сокращения